

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 8. Часть 5

(№40)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2019

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

6 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 11,5

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, член Союза писателей России.

Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалабрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологи, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующии Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, профессор, декан факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московского государственного университета (МГУ) имени Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедре философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Омар Годинес Лансо, Академия художеств Российской Федерации. Академик.

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, действительный член РАЕН, кандидат социологических наук.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Чжан Вэй, КНР.

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 8. Issue 5

(№40)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2019

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project. The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

6 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Chairman of the Editorial Board

Fabio Bodjo, Director of the International Institute for Migration “Scalabrini” of Pontifical Urban University.

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers’ Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, leading researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People’s Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, Dean of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Depart-

ment of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Omar Godínez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

SOCIETY AND RELIGION

<i>Galaganova S.G.</i> Heroism as a subject for intercultural and interconfessional dialogue.....	476
<i>Bagaeva A.V.</i> Religious factor of regionalization and its consequences.....	484
<i>Ternovaya L.O.</i> Alluring summits: a mix of holiness and fear.....	492
<i>Kakhaev Akhmed Magomedalievich</i> The attitude of Islam to the representatives of the Christian confession: historical aspect.....	500
<i>Ananicheva S.R.</i> New religious movements in modern Russian society.....	504

CULTURAL STUDIES

<i>Andreeva A.V., Rukavicyna E.A.</i> On the essence of cultural technologies of social and cultural activity: the philosophical aspect.....	511
<i>Norkina E.A., Poletaeva E.D., Rezepova N.V.</i> Phenomenon of fantastic in literary text cognitive space.....	517
<i>Kurmaz Y.V.</i> The world-view of the era in the reflection of architectural space.....	525
<i>Fais-Leutskaiia O.D.</i> Sicilian cuisine in the context of Islamic culture in the middle ages.....	529
<i>Hiong Hui Jing</i> A Study of Ji Kang's Judgments and Conceptual Definitions of Music.....	538

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY: ACTUALITY AND INNOVATION

<i>Tresheva K.S., Aksenova E.I.</i> Academic mobility as a factor in the development of international relations in education. Part 1. Theoretical aspects.....	545
<i>Tresheva K.S.</i> Internationalization of higher education: sociological aspect.....	552
<i>Hapaeva A.A.</i> Social elements that influence the formation of normative consciousness.....	559
<i>Domashova E.V., Borisov A.F.</i> Effectiveness of social protection system management at the regional level.....	565
<i>Belyaeva E.A.</i> Features of the sociological study of education (to the formulation of the problem of interaction between universities).....	571
<i>Khubieva Z.A.</i> Socio-philosophical analysis of politics, morality and law as elements of social regulation.....	581
<i>Dzutsev H.V., Dibirova A.P., Tutaeva L.O., Kornienko N.V.</i> Labor and economic life in the Republic of Ingushetia. Part I.....	587
<i>Kubanova A.K.</i> Public services in the modern information society.....	597
<i>Ulturgasheva N.D., Novikova D.V.</i> The experience of the content-analyze of ethnic information in the internet-resources (on the example of create the way of polyethnic Kuzbas).....	602
<i>Dzutsev H.V., Dibirova A.P., Tutaeva L.O., Kornienko N.V.</i> Labor and economic life in the Republic of Ingushetia. Part II.....	609

ABOUT MISSION

<i>Pismanik M.G.</i> "Mission of confessions" (2012-2019): to thematic analysis.....	619
--	-----

<i>Abstracts</i>	633
<i>Authors</i>	645

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

<i>Галаганова С.Г.</i> Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога...476	476
<i>Багаева А.В.</i> Религиозный фактор регионализации и его следствия.....484	484
<i>Терновая Л.О.</i> Манящие вершины: соединения святости и страха.....492	492
<i>Кахаев А.М.</i> Отношение религии Ислам к представителям христианской конфессии: исторический аспект.....500	500
<i>Ананичева С.Р.</i> Новые религиозные движения в современном российском обществе.....504	504

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Андреева А.В., Рукавицына Е.А.</i> О сущности культуротворческих технологий социально-культурной деятельности: философский аспект.....511	511
<i>Норкина Е.А., Полетаева Е.Д., Резепова Н.В.</i> Феномен фантастического в когнитивном пространстве художественного текста.....517	517
<i>Курмаз Ю.В.</i> Мировоззрение эпохи в отражении архитектурного пространства.....525	525
<i>Фаис-Леутская О.Д.</i> Кухня Сицилии в контексте исламской культуры в средние века...529	529
<i>Сюн Хуи Цзинь</i> Исследование суждений и концептуальных определений Цзи Кана о музыке.....538	538

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ

<i>Трещева К.С., Аксенова Е.И.</i> Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования. Часть 1. Теоретические аспекты.....545	545
<i>Трещева К.С.</i> Интернационализация высшего образования: социологический аспект....552	552
<i>Хапаева А.А.</i> Социальные элементы, влияющие на формирование нормативного сознания.....559	559
<i>Домашова Е.В., Борисов А.Ф.</i> Эффективность управления системой социальной защитой на региональном уровне.....565	565
<i>Беляева Е.А.</i> Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов).....571	571
<i>Хубиева З.А.</i> Социально-философский анализ политики, морали и права как элементов социального регулирования.....581	581
<i>Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Гутаева Л.О., Корниенко Н.В.</i> Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия. Часть I.....587	587
<i>Кубанова А.К.</i> Государственные услуги в современном информационном обществе.....597	597
<i>Ултургашева Н.Д., Новиков Д.В.</i> Опыт контент-анализа этнической информации в интернет-ресурсах (на примере формирования образа многонационального Кузбасса).....602	602
<i>Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Гутаева Л.О., Корниенко Н.В.</i> Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия. Часть II.....609	609

О МИССИИ

<i>Писманик М.Г.</i> «Миссия конфессий» (2012-2019): к тематическому анализу.....619	619
<i>Аннотации</i>638	638
<i>Авторы</i>647	647

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

SOCIETY AND RELIGION

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал **«Миссия конфессий»**
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта

**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Galaganova S.G.

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.
Bauman Moscow State Technical University,
Department of Information Analysis and Political Technologies.*

Heroism as a subject for intercultural and interconfessional dialogue

Abstract. Heroism is argued to be a significant subject for interconfessional and intercultural dialogue as most important aspect of human identity. Incorporated efforts to present a universal anthropological pattern are treated as essential for world culture renewal and survival efforts of world community. The project has been prompted and stimulated by «Daedalus. Oratorio», a magnificent book by Russian poet and scholar Milana Aldarova. The image of Daedalus, the famous mythical engineer and aeronaut, is appreciated as an ideal pattern of a non-confession heroic human being, while Ancient Greek culture is discussed as a possible basis of humane world future.

Key words: hero, heroism, heroic deed, confession, culture, interconfessional dialogue, intercultural dialogue, humanism, anthropocentrism, liberty, human identity crisis, civilization crisis, Milana Aldarova, Daedalus.

Галаганова С.Г.

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Информационная аналитика
и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана.*

Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога

Аннотация. Актуальность темы героизма в диалоге культур и конфессий обосновывается в статье необходимостью выработки универсальной антропологической модели как условия преодоления кризиса человеческой идентичности. Стимулом и материалом для исследования поставленной проблемы автору послужила книга российского поэта и философа Миланы Алдаровой «Дедал. Оратория», где образ мифического мастера и аэронавта рассматривается как надконфессиональный, общекультурный идеал героя-творца, а культура античности – как потенциальная основа гуманного будущего человечества.

Ключевые слова: герой, героизм, подвиг, конфессия, культура, межконфессиональный диалог, межкультурный диалог, гуманизм, антропоцентризм, свобода, кризис человеческой идентичности, кризис цивилизации, Милана Алдарова, Дедал.

Галаганова С.Г.

Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии»
МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога*

И спешит по камням, по пескам, по водам,
под лучепадами – дальше! и выше! –
туда, чему сегодня нет имени.

Милана Алдарова. «Дедал. Оратория»

На исходе второго десятилетия нового века окончательно выявились как границы, так и потенциальные возможности межконфессионального диалога. С одной стороны, представители конфессий, как и следовало ожидать, не проявили склонности к обсуждению «всуе» того, что является для них абсолютной истиной и предметом религиозного поклонения, засвидетельствовав очевидную сотериологическую самодостаточность своих вероисповеданий. Однако, с другой стороны, проблемы и противоречия, возникающие в поликонфессиональном социуме, всё более расширяют пространство для обмена мнениями, плодотворных дискуссий и совместной выработки оптимальных решений и подходов. Этому же способствует и кризис современной цивилизации, побуждающий носителей различных, подчас весьма далеко отстоящих друг от друга, типов религиозности, как конфессиональной, так и внеконфессиональной, отыскивать «точки соприкосновения» в сферах философии, аксиологии, этики. Для веры всё это, разумеется, несущественно; для выживания человечества, в том числе, и его верующей части, – жизненно важно. Диалог культур и конфессий о сохранении жизни на Земле – вот что необходимо сегодня всем людям мира, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Одной из наиболее значимых тем межкультурного дискурса является, на наш взгляд, тема героизма. Её актуальность обусловлена объективной необходимостью выработки единого общечеловеческого духовно-нравственного императива, который, в свою очередь, будет положен в основу социально-экономических, политических и идеологических нормативных моделей. Рассуждения о «цветущей сложности» внутренне дифференцированного человечества не способны «перечеркнуть» непреложный факт его существования как единой взаимосвязанной системы, равно как и перспективы совместного исчезновения или выживания. Последний вариант потребует столь же универсальной ценностно-антропологической модели. Что есть человек с точки зрения заложенного в него «духовного проекта»? Кем должен стремиться стать каждый, приходящий в этот мир, в течение отпущенной ему краткой жизни? На каком уровне лежит «планка», которую способен преодолеть дух простого смертного? Сопоставление хорошо известных каждой конфессии ответов на эти вопросы с целью выявления некоего общего культурного ядра должно стать предметом межконфессионального и межкультурного диалога.

* © Галаганова С.Г., 2019.

Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога

Концентрированное выражение общечеловеческой составляющей личностного идеала принято обозначать терминами «героизм» (в светском сознании) и «святость» (в сознании религиозном). При всех несовпадениях этих понятий у них есть общая содержательная основа: и герой, и святой – это тот, кто совершил *подвиг* – прорыв за пределы своих естественных человеческих возможностей, кто сумел «переключить» волю и силу духа с временного на вечное – на некий высший духовно-нравственный императив. Русское слово «подвиг» происходит от глагола «двигать». Отсюда же и церковные понятия «подвизаться», «подвижник». «Доблестный подвижник», «самоотверженец» – так раскрывает в своём толковом словаре смысл слова «герой» В.И. Даль, указывая на ещё одну его важнейшую коннотацию – жертвенность¹. Однако для того, чтобы вывести образ конкретного подвижника на уровень надконфессионального, общечеловеческого идеала, он должен преодолеть границы своего хронотопа (термин М.М. Бахтина), то есть ограниченность временем и местом. Другими словами, он должен каким-то образом отделиться от истории конкретного народа или религии, а также стать «общедоступным» для массового подражания не только в отдельных, достаточно редких экстремальных ситуациях, но и в каждодневной жизни. Последнее условие «межконфессионального затруднения» не вызывает: ни одна из религий (или культур) не считает героизм и святость уделом избранных. Более того, все они утверждают, что человек призван к подвигам – предназначением свыше, собственной человеческой природой, временной ограниченностью своей земной жизни. Есть и признаваемая всеми конфессиями общедоступная сфера приложения подвижнических усилий – творческий, созидательный, альтруистический труд ради высокой, благородной цели. «Положить душу за други своя»² возможно не только на поле брани, но и в процессе не менее жертвенного и самоотверженного ежедневного труда на благо других – труда-горения, труда как свободного внутреннего побуждения. Творческие порывы человека воспринимаются всеми религиями как «богостремительные» (выражение св. Григория Паламы), как одна из нравственных добродетелей. Эти порывы позволили в VII–IX веках Великому исламскому халифату дать толчок развитию всей средневековой науки. Что же касается христианства, то способность творить новое, ещё не бывшее, быть свободным «соратником» Творцу трактуется здесь как одно из проявлений человеческого богоподобия.

Итак, универсальной основой общеконфессиональной антропологической модели может стать личность героя-созидателя, самоотверженного труженика-творца, противостоящего своими подвижническими трудами саморазрушению человека и уничтожению природы. Однако история у каждого народа своя, как и сохранённые в народной памяти герои, поэтому межконфессиональные и международные обсуждения данной проблемы в этой точке обычно заканчиваются, переходя к разговорам о веротерпимости и взаимоуважении культур. Новый серьёзный «инфоповод» для продолжения дискуссии о героях и героизме был создан два года назад московским издательством «Искусство-XXI век», выпустившим книгу Миланы Алдаровой «Дедал. Оратория»³.

1 Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1. – М.: Русский язык, 1978. 349 с.

2 Ин. 15:13.

3 Милана Алдарова. Дедал. Оратория. – М.: Искусство-XXI век, 2017. 408 с., ил.

Книга представляет собой первую в истории мировой культуры подробнейшую поэтическую реконструкцию древнегреческого мифа о Дедале – изобретателе, архитекторе, скульпторе, создавшем, по преданию, и знаменитый критский лабиринт, и крылья, способные вознести человека в небо. Однако повествование о мифическом аэронавте вышло далеко за пределы его жизнеописания: основанный на огромном количестве научных источников, этот, не имеющий аналогов, труд – поэтический, философский, исторический, этнографический – стал подробнейшей энциклопедией античного мира, наиболее капитальным на данный момент, научно выверенным путеводителем по его истории и культуре. Автору удалось заново освоить пространство и полифонию мифа при помощи культурного и научного багажа, накопленного человечеством к исходу XX столетия, проникнуть в тайны античного мировосприятия и мифологического смыслообразования. «Вечности дар мой», – читаем мы на титульном листе книги известную сентенцию Фукидида. И в этом нет преувеличения.

Имя Миланы Алексеевны Алдаровой, к сожалению, и сегодня, после выхода её эпохального труда, продолжает оставаться почти неизвестным. Равно как и её биография. Родилась в Москве, в 1956 году; умерла там же, в 56 лет. С отличием окончила механико-математический факультет МГУ. Была человеком необычайно глубоким, всесторонне образованным, одарённым. Писала стихи. Дружила с Анастасией Ивановной Цветаевой, академиком РАН В.А. Легасовым, а после публикации в 1988 году поэтического сборника «Отсрочьте суд!» – заочно, по переписке – с Зинаидой Алексеевной Шаховской. Главный литературный арбитр русского зарубежья отметила стихи Алдаровой как единственный образец подлинной поэзии на хорошо знакомом ей советском Парнасе (возможно, именно поэтому имя автора кануло в небытие). «Слыла красавицей, жила затворницей» (как сказал о ней другой академик РАН, В.П. Алексеев), посвятив жизнь работе над «Дедалом», так и не дождавшись выхода в свет своего детища. Но, к счастью, дождались мы – и теперь имеем возможность оценить его как потрясающий взлёт человеческого духа и поэтического таланта, чудо эстетического постижения античного канона, позволяющего насладиться эффектом присутствия в пространстве мифа.

Далёкий, на первый взгляд, от проблем межконфессионального и межкультурного диалога, труд Алдаровой в данном случае интересен предложенным в нём художественным осмыслением общечеловеческой основы в понимании сущности и бытийного предназначения человека. На поиски героя, способного воплотить в себе общечеловеческое призвание и потому достойного возведения на планетарный пьедестал, автор отправляется не в недавнее прошлое, а в далёкую античность, не в историческую реальность, а в пространство мифа, – «дальше! и выше! – туда, чему сегодня нет имени»⁴, – к тому, что отсутствует в исторических источниках, к доисторическому, гипотетическому и даже просто фантастическому. Вернуться в детство мировой культуры, к её истоку, чтобы восстановить непосредственность и ясность мировидения и мировосприятия; вернуться в то время, когда человечество не нуждалось в «критериях», ибо «пограничные столбики», отделяющие Порядок от Хаоса, были самоочевидны, – таков предложенный нам путь преодоления кризиса человеческой идентичности. Не национальных, не конфессиональных идентичностей, а общечеловеческой,

4 Милана Алдарова. Дедал. Оратория, 10 с.

– кризиса идентичности homo sapiens. Так возвращается к началу пути, чтобы разобраться в правильности маршрута, потерявший дорогу, забредший в опасное место путник.

Образ героя древнегреческого мифа, великого мастера, «обиходчика резца и папирусов», первым поднявшегося в небо, избран не только как яркий символ, наиболее полное воплощение этой «крылатой» человеческой идентичности, но и потому, что образы всех реальных героев и святых тоже со временем подвергаются мифологизации: народная фантазия приписывает им слова, которые они никогда не говорили, поступки, которые они не совершали. Впрочем, и в «Дедале» границы мифического и исторического весьма условны. Связанный с современностью в качественно новое музыкально-поэтическое целое, миф здесь воспринимается как история, реально пережитая героями (и лично автором)⁵. Да и где доказательства, что Дедал не был реальным обитателем ойкумены? Ведь если верить Эвгемеру из Мессены, многие мифы возникли из культа вполне реальных героев.

Дедал – герой, он совершает подвиг, подвиг созидания, творческого горения, подвиг добровольной аскезы и самоотверженного труда. Алдарова убеждена, что именно в этом заключается ниспосланная свыше миссия каждого из нас в этом мире. «Сраму не имут мёртвые... / Но и славы не имут! / Сумей, пока телом молод, / Успей, пока плещут силы, / Свершить свой – единственный в мире, / тебе лишь дарованный дивно, / тебя лишь достойный / – Подвиг!»⁶ В этом же убеждают нас и священные книги, трактующие творческое освоение и совершенствование мира человеком как одну из данных ему божественных заповедей.

«Фэб-Апполон! Светоч пречистый! / Славные ты предсказал мне деянья! / Радостно им поспеваю навстречу! / Подвигов жаждет душа героя!» – это устремляется на поединок с Минотавром Тесей, дабы избавить народ родной Аттики от постыдной дани Криту⁷. Ибо «разве вместе герою, сложа руки, созерцать слёзы Отчизны?»⁸ Каким бы ни был подвиг, совершая его, античный герой всегда старается соотнести свои действия с Высшей Волей – интуитивно почувствовать её, или узнать от оракулов. «Всенепреложны веления Рока! / Следует им неотклонно достойный! / Слабого милость богов покидает! / Храбрый рискует – и побеждает!»⁹ И тогда в его личности открывается бесконечность, в его жизни – вечность.

Алдарова постоянно подчёркивает наличие у каждого человека богоданной свободы осознанного нравственного выбора, не зависящего ни от каких обстоятельств: «Мужество молвит: всегда / можно спасти честь! / Выхода нет – пусть! / Но выбор свободный – есть!»¹⁰ Как есть и безусловный нравственный закон, нарушение которого никогда не остаётся безнаказанным. В соответствии с пушкинской аксиомой о «несовместности» гения и злодейства, Алдарова трактует смерть Тала (племянника и одарённого ученика Дедала) как результат трагической оплошно-

5 Не случайно на театрализованной презентации «Дедала» в Московском музыкальном театре «Геликон-Опера» 26 апреля 2018 г. вполне серьёзно говорилось о восстановлении автором исторической справедливости по отношению к главному герою.

6 Милана Алдарова. Отсрочьте суд! : Стихи. – М.: Советский писатель, 1988. 47 с. Тема героизма является идейным стержнем не только «Дедала», но и цитируемого здесь и далее сборника стихов Алдаровой.

7 Милана Алдарова. Дедал. Оратория, 43 с.

8 Милана Алдарова. Дедал. Оратория, 42 с.

9 Милана Алдарова. Дедал. Оратория, С. 43-44.

10 Милана Алдарова. Отсрочьте суд! : Стихи, 11 с.

сти, очищая свою авторской волей образ великого мастера от веками приписывавшегося ему греха преднамеренного убийства. Однако чувство, шевельнувшееся в душе Дедала в момент случайной гибели юноши, – чувство, в ту же минуту с негодованием отринутое разумом, – оказалось достаточным, чтобы пробудить вулкан возмездия в виде столь же нелепой смерти Икара и искупления вины его отца пожизненными душевными муками. История человечества не *отделила* его от природы и вселенной, а лишь *выделила* в особую, более высокую форму жизнедеятельности, именуемую социумом. Свобода человека не абсолютна; она не отменяет общемировых, вселенских, божественных законов. И поэтому «не уйти от возмездия / преступившему дерзостно / возвещённые Зевсом законы! <...> Вездесуща незримая Справедливость! <...> В меру вины заплатишь болью!»¹¹

Духовная чуткость не позволяет автору обойти вниманием и такой тонкий психологический вопрос, как мотивация героического поведения. Речь идёт об искушении героя тщеславием, самовлюблённостью, – всем тем, что объединялось в греческом понятии hubris (гордыня). Другими словами, подвижничество требует соответствующей духовной подготовки; подвиг может совершать человек, свободный от страстей. В противном случае герой может причинить себе духовный вред. «Я убил своего худшего врага – Зависть. / И ещё его брата – Пытку-Соблазнами. / И отныне, о, люди, я наг и голоден, / но свободен! Свободен для подвига!»¹² Это уже гораздо больше похоже на православную аскетику, нежели на античное язычество. Язычество – это власть плоти над духом, материального – над идеальным, временного – над вечным, эгоизма – над альтруизмом, гедонизма – над аскетизмом, универсама – над универсумом. Сегодняшние языческие «капища» – это торгово-развлекательные центры. И в этом смысле «Оратория» Алдаровой, где дышит и переливается всеми красками мир языческой Эллады, звучит в строжайшем соответствии с авраамическим аксиологическим каноном, ибо здесь «нет плоти – есть пламя»¹³, пламя горящего творческого духа.

Оправдывая человека, Алдарова тем самым оправдывает и гуманизм, который предлагает в качестве действенной планетарной идеологии. «Снова и снова с безстрепетной верою в Жертву / Оболонь-тлен свою пламенный дух обрекает. / Сгинешь! Заведомо в муках! Увы! Но зачем же?! / Двигаю Время навстречу Гуманному Завтра»¹⁴. Автор считает, что homo sapiens ещё не раскрыл своего гуманистического потенциала, что его духовная эволюция ещё не закончена, и это рождает надежду на спасение человечества от самоуничтожения. «Снова и снова – ненужность обугленной Жертвы. / Не колыхнута Равнодушья – и глухо, и слепо. / Но быстротечны наземные тысячелетья. / Безостановочно шествует Самосознание / – Камень... амёба... актиния... ящер... синантроп... / Жди! Гуманоид постигнет понятие Гуманность»¹⁵. Всемирно способствовать этому постижению – долг каждого человека и главное условие сохранения жизни на Земле, утверждает автор, тем самым восстанавливая достоинство благородной гуманистической идеи, «запятнанной» в XX веке не меньше, чем образ Дедала.

11 Алдарова, Милана. Дедал. Оратория, с. 234, 235.

12 Милана Алдарова. Отсрочьте суд! : Стихи, 81 с.

13 Милана Алдарова. Дедал. Оратория, 81 с.

14 Милана Алдарова. Отсрочьте суд! : Стихи, 34 с.

15 Милана Алдарова. Отсрочьте суд! : Стихи, 33 с.

Устойчивым «тёмным пятном» на «репутации» гуманизма стало необоснованное рассмотрение его в качестве философского источника либерализма с присущей последнему апологией меркантильности и торгашества. Произвольно приписав гуманистической идее абсолютизацию ценности земной человеческой жизни и принципиальную неспособность к умозрительному созерцанию смерти как перехода «на другую сторону» бытия, критики либерализма выставили гуманизм своего рода экспансией хайдеггеровского *das man* и принялись критиковать его за враждебность духу, красоте, самой жизни. Однако античный гуманизм – аутентичный, «незамутнённый» – это гимн человеческой воле и разуму, вера в свободу человеческого духа, оправдание юнгеровской «Великой Грёзы»¹⁶. «Гуманистический туман», вызывавший брезгливое отторжение у Александра Блока, – всего лишь продукт буржуазной эпохи, столь же «серой и гнилой», подменившей «священную брань» «безопасным образом жизнедеятельности», а свободу творческого порыва и нравственного выбора – свободой торговли¹⁷.

Оборотной стороной гуманизма является антропоцентризм, необоснованно противопоставляемый религиозному мировоззрению (очевидно, отождествляемому с теоцентризмом). Между тем, все мировые религии антропоцентричны: все они признают принципиальную способность человека с лёгкостью уничтожить божие творение. Рассуждения о человеке как главной опасности для жизни на Земле возможны лишь в контексте радикального антропоцентризма. В христианстве антропоцентрична сама его основа – концепция грехопадения: своевольно нарушив божественное прещение, человек тем самым оказался способен вызвать катастрофу вселенского масштаба.

Логичным продолжением (и завершением) «реставрации» гуманизма стало восстановление автором «Дедала» подлинного смысла понятия «свобода» (символом которой является сам главный герой). Этот смысл далёк от пропитавшего культуру Возрождения стихийного индивидуализма, где «освобождённый от оков» индивидуум является главным критерием и мерилем всего и вся. Ориентируясь на искажённый Ренессансом образ античности, европейский либерализм окончательно низвёл главное достоинство древнегреческого духовного опыта к эгоистичному самоутверждению «раскованного», освобождённого от всех духовных императивов, табу и норм, но наделённого всеми мыслимыми правами гражданина. «Оратория» возвращает нас к гуманистическим основам древнегреческой этики свободы с её фундаментальной идеей личной ответственности человека перед всем сущим. Свободе энтропийного распада, низвержения канонов и идеалов здесь противопоставлена свобода преодоления планетарного хаоса ценностями творческого порыва, духовного восхождения, доблести, чести, жертвенного подвига. Таким подвигом был для самой Алдаровой её «Дедал», над которым она на пределе сил неотрывно работала многие годы, возлагая надежды на общенациональную просветительскую миссию своей поэтической энциклопедии. «Я факел, люди! Я для вас горю!» – могла бы сказать она о себе словами героя одного из своих стихотворений¹⁸.

16 Юнгер, Эрнст. Рискующее сердце / пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2010. 328 с.

17 Блок, Александр. Возмездие // Блок, Александр. Собр. соч. в 6 тт. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1980. 277 с.

18 Милана Алдарова. Отсрочьте суд! : Стихи, С. 29-30.

Опора каждому в его дерзаниях – осознание своей принадлежности к грандиозной семье, именуемой человечеством. «И оставшись однажды сам-друг / С тупиком, с пустотой, с бесконечностью, / Ты не бойся, не бойся, друг! / Душу настезь! И узришь вдруг / Войско доблестное – Человечество»¹⁹. Распадающемуся, самоуничтожающемуся человечеству сегодня жизненно необходима единая глобальная идентификация с социумом, природой, Богом на основе универсального символического комплекса, открывающего основополагающие смыслы бытия, способы упорядочения мирового и личного хаоса. Такую надконфессиональную идентификационную парадигму и предложила Милана Алдарова. Эта парадигма сотериологична, ибо предлагает человечеству путь спасения от самоуничтожения. Она эсхатологична, ибо позволяет отделять вечное от временного – в мире и самом человеке. Общечеловеческий духовный порыв в будущее, добровольная аскеза ради великих трудов по спасению планеты – таков путь, противопоставленный автором всем видам бездуховного идейного мейнстрима. Герой, восторжествовавший над собственным человеческим естеством и превратностями судьбы, самоотверженный труженик, упорно идущий к гуманной цели, – таков предлагаемый автором идеал «человека с крыльями», способного вырваться из лабиринта смертоносной цивилизации.

References

- [1] Aldarova, Milan. Delay the court! : Poems. - М.: Soviet writer, 1988. 208 p.
- [2] Aldarova, Milan. Daedalus. Oratorio. - М.: Art-XXI century, 2017. 408 p.
- [3] Block, Alexander. Retribution // Blok, Alexander. Sobr. Op. in 6 vols Volume 2. Poems and poems. 1907-1921. - М.: Fiction, 1980.
- [4] Galaganova S.G. The language of the media and youth policy in the field of culture // Youth policy. Collective monograph in 5 vols. Volume 4. Youth policy of the XXI century: answers to the challenges of the time / ed. and comp. A.F. Radchenko. - М.: City 21 century, 2017. P. 136-144.
- [5] Galaganova S.G. Problems of patriotic education of Russian youth // Youth policy. Collective monograph in 5 vols. Volume 4. Youth policy of the XXI century: answers to the challenges of the time / ed. and comp. A.F. Radchenko. - М.: City 21 century, 2017. P. 113-121.
- [6] Dahl, Vladimir. Explanatory dictionary of living Great Russian language. In 4 vols. - М.: Russian language, 1978.
- [7] Junger, Ernst. Risky heart / per. with him. - SP.: Vladimir Dal, 2010. 328 p.

Библиографический список:

- [1] Алдарова, Милана. Отсрочьте суд! : Стихи. – М.: Советский писатель, 1988. 208 с.
- [2] Алдарова, Милана. Дедал. Оратория. – М.: Искусство-XXI век, 2017. 408 с.
- [3] Блок, Александр. Возмездие // Блок, Александр. Собр. соч. в 6 тт. Том 2. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. – М.: Художественная литература, 1980.
- [4] Галаганова С.Г. Язык СМИ и молодежная политика в сфере культуры // Молодежная политика. Коллективная монография в 5 тт. Том 4. Молодежная политика XXI века: ответы на вызовы времени / ред. и сост. А.Ф. Радченко. – М.: Город 21 век, 2017. С. 136-144.
- [5] Галаганова С.Г. Проблемы патриотического воспитания российской молодежи // Молодежная политика. Коллективная монография в 5 тт. Том 4. Молодежная политика XXI века: ответы на вызовы времени / ред. и сост. А.Ф. Радченко. – М.: Город 21 век, 2017. С. 113-121.
- [6] Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. – М.: Русский язык, 1978.
- [7] Юнгер, Эрнст. Рискующее сердце / пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2010. 328 с.

Багаева А.В.

*Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor, Department of Sociology of International Relations,
Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.*

Religious factor of regionalization and its consequences

Abstract. The article reveals the links between regionalization and the confessional face of the territories where regionalization processes can unfold or be inhibited. The coincidence of the functions of religion and regionalization is shown. Opportunities are noted through the analysis of the state of interfaith harmony or conflict to receive conclusions about the readiness of the population and elites of certain territories to create regional structures.

Key words: politics, power, religion, culture, civilization, regionalization, society.

Багаева А.В.

*Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии международных отношений
социологического факультета Московского Государственного
Университета имени М.В. Ломоносова.*

Религиозный фактор регионализации и его следствия

Аннотация. В статье раскрываются связи регионализации и конфессионального лица территорий, на которых процессы регионализации могут разворачиваться или тормозиться. Показано совпадение функций религии и регионализации. Отмечены возможности посредством анализа состояния межконфессионального согласия или конфликта получать выводы о готовности населения и элит определенных территорий к созданию региональных структур.

Ключевые слова: политика, власть, религия, культура, цивилизация, регионализация, общество.

Багаева А.В.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии международных отношений
социологического факультета Московского
Государственного Университета имени М.В. Ломоносова.

Религиозный фактор регионализации и его следствия*

Регионализация является сложным процессом сближения на различных основаниях — экономических, лингвистических, религиозных, политических и пр. — рядом расположенных территорий и формирования общих пространств взаимодействия индивидов, социальных групп, организаций и институтов. Регионализации посвящено огромное количество научной литературы и публицистических изданий. Каждое из них обычно более подробно анализирует какой-либо проблемный аспект или период регионализации. Охватить все стороны регионализации очень сложно отчасти потому, что исторически она приобретала разные формы: исторических регионов, историко-культурных ареалов, экономической интеграции. Однако при смене таких форм изначально заложенные импульсы объединения никуда не исчезали, а лишь могли смещаться с лидирующих позиций.

Этот процесс привел к появлению многих идей, отражающих весь спектр подходов к объединению на организованных началах людей, живущих на географически близких территориях, и институтов, прямо связывающих свои программные установки с конкретным пространством, как правило, сначала региональным, а затем — глобальным. Подобные идеи и имеющиеся материальные базы для их воплощения в жизнь могут совпадать по своим основным характеристикам, принадлежать либо к миру ценностей, либо миру удобств. Понятно, что смысловое наполнение таких ценностей и удобств резко различается в зависимости от времени: для Античного мира, например, это был один смысловой набор, для периода Промышленной революции — принципиально иной. А для постиндустриальной эпохи, в которой мы находимся, с этими ценностями и удобствами вообще происходит неразбериха, поскольку многие предпочитают отказ от благ цивилизации в пользу природного естества.

При этом некоторые основополагающие позиции, в частности, касающиеся личной свободы, можно считать универсальными и трансвременными¹. По сути, в разные периоды они имели одну цель объединения, интеграции сил разрозненных социальных акторов на определенном участке, взятом за данность как в проблемном (экономическом, военном, политическом, культурном, религиозном или ином виде), так и собственно территориальном плане.

* © Багаева А.В., 2019.

Религиозный фактор регионализации и его следствия

1 Лукьянов О.В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Трансвременный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299 (июнь). С. 164-170.

Апробация подобных объединительных усилий на относительно ограниченном пространстве представлялась вполне естественной. И в процессе реализации конкретных проторегиональных проектов обнаруживалось, насколько далеко могут простирались возможности сторонников регионализации.

Одной постоянных сил регионализации выступает религия. Однако, исходя из этимологии этого понятия, нельзя утверждать, что религиозные механизмы являются скрытыми инструментами объединения людей. Термин «религия», по убеждению большинства исследователей, происходит от латинского глагола *religare*. Он, означает «связывать, соединять». Именно этой точки зрения придерживался христианский писатель и оратор Лактанций (ок. 250 — после 325 г.). Он определял религию как союз человека с Богом². В частности, благодаря наличию системы взглядов, основанной на вере в сверхъестественное и имеющей строго фиксированный свод нравственных норм, отраженных в обрядности и поведении последователей, создаются прочные структуры. Они могут быть названы церковью, религиозной общиной, уммой, сангхой.

Эта этимология отнюдь не исключает других вариантов возникновения самой дефиниции «религия». Например, от латинского *religio* — «совестливость, благочестие, набожность, предмет культа»³. В I в. до н. э. выдающийся мыслитель Древнего Рима Марк Туллий Цицерон считал, в основе слова «религия» лежит глагол *relegere*. Он означал «вновь собирать, снова обсуждать, опять обдумывать, откладывать на особое употребление». Из этого, по мнению Цицерона, проистекало не поверхностное, а вдумчивое, благоговейное отношение к высшим силам, Божеству⁴. На происхождение понятия «религия» от глагола *reeligere* — «воссоединять» указывал Августин Блаженный (354 – 430).

Заметим, что эти объединительные смыслы были отчетливо выражены в античном средиземноморском мировоззрении, отражавшем уже наличие некой территориальной общности, которая вовсе не обязательно должна была быть выражена в государственно-правовом виде, например, Римской империи, а могла существовать как прочно осязаемый историко-культурный ареал, мир — *Pax Romana*⁵.

Там, где подобных объединительных интенций не было, для религии находились иные определения. В санскрите то было понятие *dharma* от *dhar* — «утверждать, поддерживать, защищать», имеющее явный акцент на добродетели, долге, справедливости и пр. В культуре ислама существует термин *din*, первоначально несущий такие смыслы власти, как подчинение и следование обычаям. В китайской и японской традициях наиболее близко к содержанию религии подходят слова, означающие «учение», *chiao u* сюкё, соответственно. В русский язык слово «религия» пришло в начале XVIII в., а в старославянском ее передавали слова «вера», «верство» и «верование».

Если вернуться к анализу того историко-культурного ареала, который берет начало от латинской традиции, то выяснится, что в рамках *Pax Romana* далеко не

2 Жуковский В.И., Копцева Н.П., Пивоваров Д.В. Визуальная сущность религии: монография. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006.

3 Элбакян Е.С. Религия // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 488 с.

4 Жуковский В.И., Копцева Н.П., Пивоваров Д.В. Указ. соч.

5 Waddy L. Pax romana and world peace. London: Chapman & Hall, 1950.

все христианские конфессии своих названиях озаботились тем, чтобы подойти уже их наименованию с точки зрения акцентирования широты, всеохватности паствы. Это стремление видно лишь у Католицизма (лат. *catholicismus* от греч. *καθολικός* — всеобщий, вселенский). Причем отражения стремления к вселенскому охвату верующих было замечено у христианства почти на тысячу лет раньше того, как в 1054 г. оно разделится на две ветви: западную Католическую и восточную Православную. Еще около 110 г. в письме Святого Игнатия к жителям Смирны прозвучал термин «*ἡ Καθολικὴ Εκκλησία*». Так он и был закреплен в Никейском Символе веры, то есть формуле вероисповедания, принятой на Первом Вселенском соборе в Никее (325). И сейчас католическая церковь является крупнейшей по численности приверженцев христианской конфессией, объединяющей более 1,25 миллиардов человек⁶.

Еще более чем дефиниция об объединяющей, интегрирующей силе религии говорят ее функции⁷. Хотя специалисты не ставят обычно интегрирующую функцию на первое место, они неизменно подчеркивают ее наличие. Эта функция проявляется в том, что религия, как правило, обеспечивает социальную стабильность. Правда, имеется обратная сторона медали, когда именно расшатываемая религией, конфессиональную целостность социума, заинтересованные в гражданской смуте лица или организации внутри страны, а также внешние акторы, сознательно разжигают конфликт, сначала внутренний, затем — внешний. В большинстве случаев они надеются выйти из него победителями. Но история доказывает, что, даже одержав победу во внутреннем конфессиональном противостоянии, нельзя быть уверенными, что эта победа окончательная. Вероятно, судьба украинской автокефалии будет разворачиваться по известным сценариям, когда ради социальной стабильности всем конфессиональным группам приходилось учиться договариваться. Иногда их к этому побуждали власти. Так, в качестве наиболее яркого примера приведем Нантский эдикт (фр. *L'édit de Nantes*) Генриха IV Бурбона, согласно которому в 1598 г. было даровано полное равноправие католикам и протестантам и, наконец, завершились религиозные (фр. *Guerres de Religion*) или гугенотские войны⁸.

В данной статье интегративная функция поставлена на первое место из-за того, что автор видит свою задачу в изучении влияния конфессиональной традиции на усиление тенденции регионализации. Однако не только в этой функции, но и в других можно отметить совпадение интересов религии и регионализации. Речь идет о следующих функциях религии: регулятивной, мировоззренческой, компенсаторной, коммуникативной и культурной.

Нетрудно заметить, что и регионализация обладает этим же набором функций. Более того, они заложены в самой природе регионализации. Ведь, что такое регион? Как и «религия» — это термин латинский (лат. *regio*), обозначающий страну или область. Он использовался изначально, чтобы на основе ряда признаков отграничить одну территорию от другой. Когда же выделяются такие

6 Vatican statistics report church growth remains steady worldwide // National Catholic Reporter (2 May 2015) // URL: <https://www.ncronline.org/news/parish/vatican-statistics-show-modest-steady-church-growth-worldwide>.

7 Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 1. С. 204-211.

8 Miquel P. *Les Guerres de religion*. (réédition). Paris: Librairie Arthème Fayard, 1980.

характеристики, то, как следствие, предполагаются дальнейшие упорядочивание и регуляция пространственной картины. Понятно, что на практике регулятивная функция регионализации значительно шире. Но важно подчеркнуть ее изначальное присутствие в содержании понятия «регионализация».

Постольку поскольку в региональном устройстве лежат не только объективные основания, но и субъективные, они отражают способность людей, проживающих в данном регионе взаимодействовать друг с другом. Это взаимодействие является многоплановым, отдельные его аспекты выражаются коммуникативной, культурной и мировоззренческими функциями регионализации. Они же, напомним, являются и функциями религии.

Сложнее обстоит ситуация с компенсаторной функцией. У религии она направлена на помощь человеку в затрудненных обстоятельствах. Эта функция заключается в способности снять напряжение, успокоить, а иногда и перенаправить активность человека в другое русло. Там, где есть развитые региональные интеграционные механизмы, эта функция действует точно также. Например, один из Структурных фондов Европейского союза — это Европейский социальный фонд (ЕСФ, англ. *European Social Fund*). В самом общем виде он выступает механизмом поддержки политики в области человеческих ресурсов, занятости, рабочей силы. ЕСФ был создан в 1960 г. в соответствии с Римским договором (1957). Целью фонда является финансирование мероприятий по обеспечению занятости и свободы перемещения рабочей силы в странах Европейского союза. В 1971 г. деятельность Фонда была реформирована, более четко определены его задачи: предоставление субсидий для развития профессионального образования, финансирования программ повышения занятости, развития переживающих спад отраслей, помощь в трудоустройстве иммигрантам и женщинам, а также финансирование программ по трудоустройству молодежи, особенно лиц в возрасте до 25 лет. Таким образом, благодаря наличию данного инструмента Европейский союз, как проявление региональной интеграции, выступает в роли помощника гражданам ЕС, оказавшимся в стесненных социальных условиях, что исключительно близко к действиям религиозных институтов, также поддерживающих страждущих.

Общность векторов религии и регионализации видна даже при простом сопоставлении этих терминов. Каждый из них начинается с латинской приставки *re-*, которая «встречается в словах, указывающих на повторяемость действия, необходимость вернуться к ним вновь, а также на обратный или противоположный ход событий. Такие процессы были характерны для всех периодов истории человечества, что в полной мере отвечало сложности продвижения вперед из-за многочисленных и разнообразных угроз и вызовов»⁹.

Эту приставку *re-* можно назвать своеобразным символом усердия, настойчивости в достижении цели, готовности к терпеливой и кропотливой работе. Если ли эти проявления у религии? Несомненно, да, если не обращать внимания на попытки вербовки пасты штурмом, силой или обманом. Подавляющее большинство священнослужителей исходит из другого: опоры на сознание верующего, которая формируется в процессе его вхождения в религию. А имеются ли такие характеристики у регионализации? Здесь также есть основания для положитель-

⁹ Терновая Л.О. Социолнгвистические возможности исследования социального поведения // Власть истории – История власти. Т. 4. Ч. 3. (№ 13). С. 247.

ного ответа. Весь опыт региональной интеграции указывает на сложность данного процесса, на то, что идет он не линейно, что гром победы порой сменяется горечью отступления. Примером этого может служить пока так и не завершившийся, но приближающийся к итоговой фазе выход Соединенного Королевства из Евросоюза — *Brexit*.

Наложение двух процессов друг на друга — конфессионального и регионального — это давно известная в историческом исследовании модель. Она демонстрирует региональное распределение приверженцев той или иной конфессии, показывает их влияние на власть, роль в образовании или экономике региона. Однако из такой картины можно извлечь и более глубокие выводы интеграционного порядка.

Проанализируем возможности получения таких выводов на основании данных глобального опроса ассоциации независимых исследовательских агентств *Gallup International*, проведенного в рамках 40-го проекта «Конец года» (англ. *End of the Year*) в ноябре – декабре 2016 г.¹⁰ Всего было опрошено более 66 тыс. человек в 66 странах мира. В России и Украине эксклюзивным представителем сети является исследовательский холдинг Ромир. В каждой стране опрос проводился по национальной репрезентативной выборке. В России полевые работы проводились по городской репрезентативной выборке среди 1000 респондентов.

Эксперты *Gallup International* цель этого исследования ставили не как измерение уровня расизма в мире или остроты ощущений культурного или религиозного превосходства, а как выявление внутренних национальных настроений внутри различных стран. Очевидно, страны, которые чувствуют себя стабильно и которым ничто не угрожает, демонстрируют толерантность в вопросах расовой принадлежности, культуры и религии. И, наоборот, чувства превосходства в этих трех областях, сигнализируют о внутренних конфликтах, глубокой трансформации общества, ведущей к массовому чувству отсутствия безопасности.

Респондентам задавался вопрос, считают ли они, что все расы, религии и культуры равны или некоторые имеют превосходство. Согласно полученным результатам, было установлено, что большинство респондентов в большинстве стран уверены, что религиозного, культурного или расового превосходства не существует. Однако в ряде стран мнения по этому вопросу разделились почти поровну. Также было выявлено несколько стран, где респонденты считали, что некоторые культуры, расы и религии имеют превосходство над другими.

В вопросе превосходства религии, среди государств, которые придерживаются такого мнения, оказались Парагвай, Бангладеш, Вьетнам, Палестинские территории, Гана, Афганистан, Нигерия, Пакистан, Ливан, Индонезия, Македония. Список стран, где мнения респондентов по вопросу равенства и превосходства религий разделились почти поровну (с разницей не более 7 – 10%), выглядит следующим образом: Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Израиль, Индия, Конго, Косово, Монголия, Сербия, Турция, Филиппины.

Опрос подтвердил гипотезу экспертов *Gallup International*, что в каждом из этих государств либо в недавнем прошлом, либо в настоящее время имеют место внутренние, либо внешние конфликты и проблемы. Тогда как терпимость к расо-

10 Исключения из толерантности. Проблемные страны признают превосходство религий, рас и культур // URL: <http://www.advertology.ru/article142072.htm>.

вым, религиозным и культурным различиям в других странах стала доминирующей нормой, а конфликты и потрясения, если и были, то они остались в далеком прошлом. Эти государства отмечены тем, что по всем трем вопросам — о статусе религий, рас и культур — единодушно было высказано мнение об их равенстве. На этом настаивали граждане Западной Европы, обеих Америк (за небольшим исключением в лице Парагвая), Китая, Таиланда, Южной Кореи, Японии, Австралии. Равный статус конфессий означает наличие правовых условий для межконфессионального согласия. И, как показывают результаты опроса, оно же является базой для поддержания социальной стабильности. Последняя выступает необходимым условием успешной региональной интеграции. Конечно, рассматривать конфессиональный фактор в качестве важнейшего основания для эффективного регионального сближения государств и далее возникновения региональных объединений нельзя. Но также его невозможно игнорировать. Многочисленные примеры конфессиональных конфликтов подтверждают тяготение элит и весьма существенной части граждан к разрыву региональных связей.

Таким образом, когда регионализацию называют относительно молодой тенденцией мирового развития, то не учитывают, что не всегда она могла выражаться в тех формах и теми средствами, которые ее характеризуют сейчас. Но тяготение людей, живущих в одном регионе, к сближению с соседями в прошлом могло выражаться совсем по-иному, например, с помощью религии, которая сохранила свой интеграционный потенциал, но с учетом естественного процесса секуляризации сознания и политики реализует его в основном морально, а также используя возможности международного, в частности межпарламентского сотрудничества (Межпарламентская ассамблея православия).

Связи регионализации и религии проявляются и в институциональном плане. Несмотря на то, что в преамбулу Европейской Конституции не были занесены положения о христианских корнях европейской цивилизации, их наличие неоспоримо¹¹. Многими экспертами затягивание принятия Турции в ЕС рассматривается как стремление сохранить конфессиональную целостность европейского единства. В подтверждение этого можно привести факт создания в марте 2016 г. в Вене Союза Христианской Молодежи. В названиях ряда международных объединений соединяются эти две позиции. Например, Организация исламского сотрудничества (англ. *Organisation of Islamic Cooperation*), введя в 2011 г. это наименование вместо Организация Исламская конференция, этим самым подчеркнула свои региональные интеграционные намерения. Международные религиозные объединения т обладают консультативным статусом и участвуют в таком качестве в деятельности региональных организаций: Европейском союзе, Лиге арабских государств, Организации исламского сотрудничества и др.

Все это способствует сближению регионального и конфессионального пространств, совмещению миротворческих усилий религии и региональных институтов и, в конечном итоге, может вести к созданию более стабильной обстановки не только в конкретном регионе, исторически связанном с определенной конфессиональной традицией, но и в мире в целом.

11 Белявска А., Вишневецки Я. Европейская Конституция: спор об *Invocatio Dei* и акцентировании христианских корней Европы // История и современность. 2005. № 1, март. С. 32-55.

References

- [1] Bielavska A., Wisniewski J. European Constitution: a debate about the *Invocatio Dei* and the emphasis on the Christian roots of Europe // *History and Modernity*. 2005. № 1. (March). P. 32-55.
- [2] Zhukovsky V.I., Koptseva N.P., Pivovarov D.V. The visual essence of religion: a monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 2006. 460 p.
- [3] Lukyanov O.V. Existential analysis and the nature of time. The transtemporal nature of existential experience // *Bulletin of Tomsk State University*. 2007. № 299 (June). P. 164-170.
- [4] Exceptions to tolerance. Problem countries recognize the superiority of religions, races and cultures // URL: <http://www.advertology.ru/article142072.htm>.
- [5] Ternovaya L.O. Sociolinguistic possibilities of studying social behavior // *The Power of History - The History of Power*. Volume 4. Part 3. № 13. P. 246-253.
- [6] Elbakyan E.S. Religion // *Philosophical Dictionary* / Ed. I.T. Frolova. 7th ed., Revised. and add. M.: Republic, 2001. 488 s.
- [7] Yablokov I.N. The concept and functions of religion // *State, religion, church in Russia and abroad*. 2011. Vol. 29. № 1. P. 204-211.
- [8] Miquel P. *Les Guerres de religion*. (réédition). Paris: Librairie Arthème Fayard, 1980. 596 p.
- [9] Waddy L. *Pax romana and world peace*. London: Chapman & Hall, 1950. Vol. VIII. 240 p.
- [10] Vatican statistics report church growth remains steady worldwide // *National Catholic Reporter* (2 May 2015) // URL: <https://www.ncronline.org/news/parish/vatican-statistics-show-modest-steady-church-growth-worldwide>.

Библиографический список:

- [1] Белявска А., Вишневики Я. Европейская Конституция: спор об *Invocatio Dei* и акцентировании христианских корней Европы // *История и современность*. 2005. № 1. (Март). С. 32-55.
- [2] Жуковский В.И., Копцева Н.П., Пивоваров Д.В. Визуальная сущность религии: монография. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006. 460 с.
- [3] Лукьянов О.В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 299 (июнь). С. 164-170.
- [4] Исключения из толерантности. Проблемные страны признают превосходство религий, рас и культур // URL: <http://www.advertology.ru/article142072.htm>.
- [5] Терновоя Л.О. Социолнгвистические возможности исследования социального поведения // *Власть истории – История власти*. Том 4. Часть 3. № 13. С. 246-253.
- [6] Элбакян Е.С. Религия // *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 488 с.
- [7] Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2011. Том 29. № 1. С. 204-211.
- [8] Miquel P. *Les Guerres de religion*. (réédition). Paris : Librairie Arthème Fayard, 1980. 596 p.
- [9] Waddy L. *Pax romana and world peace*. London: Chapman & Hall, 1950. Vol. VIII. 240 p.
- [10] Vatican statistics report church growth remains steady worldwide // *National Catholic Reporter* (2 May 2015) // URL: <https://www.ncronline.org/news/parish/vatican-statistics-show-modest-steady-church-growth-worldwide>.

Ternovaya L.O.

*Doctor of Historical Sciences, Professor
(The Moscow Automobile and Road Construction University).*

Alluring summits: a mix of holiness and fear

Abstract. Mountains have always been perceived by people as the pinnacle of the spirit. They were associated with the idea of the Divine beginning of the world, of general orderliness and at the same time of imminent danger. The image of the mountains, reflected in the mythologies and religions of different nations, were so integral and powerful that they were later translated into social and political symbolism. The meanings of the latter differed from the original idea of the triumph of the mountains and the spirits of the mountains over a weak man, attempts to prove the possibility of people conquering the mountain peaks. This idea of bringing mountains closer to political realities was expressed in the oronims, which were given depending on the socio-political situation. Over time, mankind came to understand environmental responsibility for the fate of mountain ranges.

Key words: world mountain, mountain world, borders, Montagnards, oronimika, “mountain film”.

Терновья Л.О.

*Профессор кафедры социологии и управления
МАДИ (Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет).*

Манящие вершины: соединения святости и страха

Аннотация. Горы всегда воспринимались людьми как вершины духа. С ними связывались представления о Божественном начале мира, о всеобщей упорядоченности и в то же время о грозящей опасности. Образ гор, отразившиеся в мифологиях и религиях разных народов, были настолько цельными и мощными, что позже транслировались в социальную и политическую символику. Смыслы последних отличались от первоначальной идеи торжества гор и духов гор над слабым человеком, попытками доказать возможность покорения людьми горных вершин. Эта идея приближения гор к политическим реалиям выразилась в оронимах, которые давались в зависимости от социально-политической конъюнктуры. Со временем человечеству пришло понимание экологической ответственности за судьбу горных массивов.

Ключевые слова: мировая гора, Горний мир, границы, монтаньяры, оронимика, «горный фильм».

Терновая Л.О.

*Профессор кафедры социологии и управления МАДИ
(Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).*

Манящие вершины: соединения святости и страха*

*Мой отец говорил, что прогулка в горах равнозначна
посещению церкви.*

Олдос Хаксли

Жизнь большей части человечества протекает на равнинах. И только десятая часть населения нашей планеты живет в горах. При этом горы очень неравномерно распределены по поверхности Земли. Самая гористая часть суши — Азия, где они занимают 64% площади. В Северной Америке горные участки составляют 36, в Европе — 25, Южной Америке — 22, Австралии — 17, и Африке — всего 3% поверхности. Горы Антарктиды скрыты под толщей льда. Значение гор для окружающей местности намного перечисленных пропорций. В частности, в горах берут начало многие важнейшие для хозяйства реки, в том числе и те, что положили основу первым цивилизациям. Горы с огромной опасностью землетрясений, оползней и прочих стихийных явлений научили людей выживать, не бояться трудностей, восторгаться каждым подарком природы в виде растений и животных. Неслучайно с образом гор связываются мысли людей и о катастрофах, и о спасении как после Всемирного потопа, память о котором сохранилась у многих народов, но ярче всего запечатлилась в Ветхом Завете¹.

С горами связаны представления о местожительстве богов. Практически во всех религиозных традициях в горах сосредоточены места для отправления культа. С гор на людей исходят особая благодать, мудрость, правила организации жизни. Это и Десять заповедей, и Нагорная проповедь. Гора олицетворяет идею духовного возвышения. Образ конкретной горы ассоциируется с мировой горой, мировой осью, древом жизни, лестницей. Подобно «пупу Земли» мировая гора обозначала центр мира, где пересекались его важнейшие координаты не только горизонтального пространства, но и вертикального, соединяя Землю и Небо, людей и богов, времена — прошлое, настоящее, будущее. По-славянски «горний» означает вышний, возвышенный. Горний мир есть Царство Небесное. Этот чистый, возвышенный, космический мир не познается чувствами человека, но его картина существует в индивидуальном и коллективном культурных архетипах². Идея Горнего мира развивается в Горнем месте (греч. ἡ ἄνω καθεδρά — верхняя [горняя] кафедра) — части православного храма, расположенной прямо против престола

* © Терновая Л.О., 2019.

Манящие вершины: соединения святости и страха

1 Фрэйзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989. С. 157-158.

2 Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

у центральной части восточной стены алтаря³. Это место служит символическим обозначением таинственного присутствия Бога.

В именах некоторых божеств, а также героев низшей мифологии слышится упоминание гор. Это и египетский бог неба и солнца Гор (егип. *hr* — высота, небо), предстающий в облике сокола, человека с головой сокола или крылатого солнца. Писателем и фольклористом Александром Мисюревым был собран огромный массив легенд о духах Алтайских гор, в частности о мифологическом персонаже Горном батюшке, являвшимся своим любимцам в облике простого рабочего и помогавшем им находить золото⁴. Подобные мифологические персонажи встречаются во многих шахтерских регионах мира. На основе устных преданий, услышанных в детстве от горняков, Павел Бажов нарисовал образ Хозяйки Медной горы.

Видимость горы, ее вершины за многие километры от нее, энергия, приобретаемая для восхождения на гору, ощущение радости и торжества при таком восхождении в полной мере отвечают представлениям о горе как о символе упорядоченности мира, его вертикальной логике, завершающейся приближением к Небу, Божеству, Абсолюту. Каждый уровень такого продвижения имеет собственное символическое прочтение, как и многое другое, связанное с горой, находящееся на ней или внутри нее.

В разных культурах известны вариации мировых гор. О некоторых из них сведения сохранились лишь в мифологических или религиозных источниках. Так, священная гора в космологии буддизма и индуизма гора Меру или Сумеру «великая Меру»⁵, в этих религиозных системах Востока рассматривается как центр всех материальных и духовных миров. Гору Кайлас, считающуюся воплощением Меру, почитают индуисты, буддисты, джайны и последователи древнего тибетского учения Бон. В этом же районе, где находится Кайлас, берут начало четыре главные реки Индии, Тибета и Непала: Инд, Сатледж, Брахмапутра и Карнали. Точная высота горы неизвестна: монахи утверждают, что она достигает 6666 м.; ученые называют цифру 6 714 м. Вероятно, разночтения связаны с тем, что, Кайлас «дышит», то есть ее высота то «растет», то «падает» за год на несколько десятков метров. Кайлас напоминает правильную четырехгранную пирамиду, склоны которой ориентированы по сторонам света. Верхушка закруглена в виде яйца и покрыта шапкой вечного льда. Считается, что кора — ритуальный обход Кайласа избавляет от всех жизненных грехов, а 108-кратный обход позволяет перейти в нирвану еще при этой жизни.

Многие из тех гор, которые могут быть названы мировыми, доступны взгляду современного человека. В древнекитайской мифологии мировая гора Куньлунь соединяла Небо и Землю, была обителью божеств. Сейчас эти «Лунные горы» являются одной из крупнейших горных систем Азии, простирающейся от Памира

3 Гайдуков Н.Е. Горнее место // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XII. С. 120-122; Петровский А.В. Горнее место // Православная богословская энциклопедия. СПб.: Издание «Петроград». Приложение к духовному журналу «Странник», 1903. Т. 4. Стб. 530.

4 Легенды и были: сказания алтайских мастеровых / Записи, ст. и примеч. А.А. Мисюрева; предисл. М.К. Азадовского. Новосибирск: Новосибгиз, 1933; Легенды и были, фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / Сб. А.А. Мисюрева; предисл. М.К. Азадовского. 2-е доп. изд. Новосибирск: Новосибгиз, 1940.

5 Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 3-е изд. СПб.: «Алетейя». 2001.

на западе до Сино-Тибетских гор на востоке. Высочайшая вершина мира Джомолунгма, чье название в переводе с тибетского «Божественная Мать жизненной энергии» гора получила в честь богини Шераб Чжаммы в исконной тибетской бонской религии⁶, также, как и Кайлас, представляет собой трехгранную пирамиду. В подъеме на гору альпинистам оказывают помощь шерпы, представители народности, проживающей около Джомолунгмы. Профессиональным альпинистам-шерпам принадлежит большинство рекордов по восхождению на эту гору⁷. Их работа настолько трудная и ответственная, что шерпами стали называть доверенных лиц руководителя страны-члена «Группы семи» (G7). Потом такая же обязанность и такие же обязанности по сопровождению главы национальной делегации были возложены и на дипломата во время подготовки и проведения саммитов «Большой двадцатки» (G20) и БРИКС. В обязанности шерпы входит налаживание контактов с коллегами из зарубежных государств, подготовка повестки дня саммитов и соглашений. Самая большая нагрузка возлагается на шерпу главы того государства, которое являлось председателем клуба и отвечает за подготовку и проведение саммитов.

Горы всегда привлекали людей, но были загадочны и опасны. Многие вершины отнесены к священным, например: Арарат и Арагац; Афон; вулкан Килауэа; гора Крестов (лит. *Kryžiu kalnas*) в Литве; гора Крестов Грабарка (польск. *Święta Góra Grabarka* — Святая Гора Грабарка) в Польше; Олимп; Парнас; Поупа; Священная гора в Риме; Сион; Тельпосиз и Уральские горы в целом; Уллу-Тау, «мать-гора» в ущелье Адыр-Су; Фудзияма; Хайыракан; Храмовая гора в Иерусалиме; Тянь-Шань (Теңир-Тоо/Ала-Тоо), Эльбрус и др.

Со временем религиозные символы восприятия горы стали вытесняться символами политическими. Одной из причин этого было то, что формирование политической карты мира происходило в процессе государственного оформления территории, имеющей четко очерченные естественные границы. Герцог Сюлли, один из ближайших сподвижников французского короля Генриха IV, считал, что Пиренеи выступают такой границей Франции на юге. Идею создания страны в естественных границах активно продвигал кардинал Ришелье⁸. Поскольку с геополитической точки зрения горы представляют собой естественные границы расселения разных народов, во времена всех завоеваний переходы армий через горы знаменовали их скорую победу над теми, кто был в низине. Некоторые из таких переходов стали легендарными. Начало их поэтизации положил Ганнибал, который летом 218 г. до н.э. преодолел реку Родан и в сентябре из долины реки Изар начал свой знаменитый переход через Альпы. В январе 1148 г. во время Второго крестового похода войско крестоносцев под предводительством короля Франции Людовика VII совершило опасный переход через гору Кадмус, которую крестоносцы называли «проклятой горой», а турки Бабадаг. В сентябре 1799 г. русской армии под командованием Александра Суворова необходимо было как можно быстрее попасть в Швейцарию, для помощи генералу Александру Римскому-Корсакову. Суворов избрал кратчайший, но самый трудный путь — через перевал Сен-Готард, занятый

6 Туччи Дж. Религия бон // Религии Тибета. СПб.: Евразия, 2005. С. 266-309.

7 Тимофеев А. Пока дышу, надеюсь. Восхождение на Эверест // Популярная механика. 2009. № 2. С. 118-121 // URL: <https://www.popmech.ru/adrenalin/8740-poka-dyshu-nadeyus-voskhozhdenie-na-everest>.

8 Цит. по: История дипломатии. В 3 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1959. 173 с.

французами. Последним испытанием для русских войск был спуск с горы Панкис, изображенный на картине Василия Сурикова «Переход Суворова через Альпы».

Еще больше способствовали вхождению образов гор в политический дискурс монтаньяры (фр. *Montagnards* — горцы). Так, в период Французской революции XVIII в. называли депутатов открывшегося 1 октября 1791 г. Законодательного собрания (фр. *Assemblée nationale législative*), которые заняли верхние ряды левой стороны. Такое их совместное расположение в зале заседаний дало основание для наименования их партии — Гора (фр. *la montagne*). Вождями монтаньяров были Дантон и Робеспьер, к партии примыкали Жан-Поль Марат, Жан-Мари Колло д'Эрбуа, Жак Никола Бийо-Варенн, Филипп-Антуан Мерлен из Дуэ, Клод Базир, Франсуа Шабо. Само перечисление этих ярких имен Французской революции говорит об авторитете и могуществе партии монтаньяров. То были люди, обладавшие большой смелостью, решительностью, прекрасными организаторскими способностями. История политической борьбы в Конвенте (фр. *Convention nationale*) прочитывается как соперничество монтаньяров с жирондистами, которых первые представляли французским гражданам как федералистов, в то время сами же они отстаивали нераздельность и единство республики. После победы над жирондистами в июне 1793 г. монтаньяры обнародовали конституцию, которая так и не была приведена в исполнение. После падения жирондистов крайние монтаньяры вошли в созданный 6 апреля Комитет общественного спасения (фр. *Comité de salut public*). Однако казнь Жоржа Жака Дантона, одного из отцов-основателей Первой французской республики, восстановила их против Максимилиана Робеспьера, а потому монтаньяры способствовали Термидорианскому перевороту. Поучительность истории этой революции в том, что она показывает, как реакция способна обращаться и против тех, кто ее поддерживает. Так было и монтаньярами.

Ни их идеи, ни символика монтаньяров не ушли из политической истории Франции. В период революции 1848 г. вновь возникла политическая группировка в Национальном собрании с таким же названием, считавшаяся наследницей идей монтаньяров конца XVIII в. В феврале 1849 г. «Новой Горой» был назван блок мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов. Деятели этого блока во главе с Александром Огюстом Ледрю-Ролленом и Феликсом Пиа провозглашали себя сторонниками революционных действий, но, как показала демонстрация в Париже 13 июня 1849 г., они проявили полную неспособность поднять массы на борьбу.

Горы в силу самой своей природы, труднодоступности, возможности укрыться от погоны, спрятаться от врага становились территорией сопротивления. С горами связано начало и подъем многих освободительных движений в разных уголках мира. Так, 2 декабря 1956 г. на яхте «Гранма» на Кубу прибыли организаторы будущей революции, среди которых были Фидель и Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камило Сьенфуэгос. Молодые революционеры прятались в горах Сьерра-Маэстры, и готовились к партизанской войне. Она завершилась 1 января 1959 г. победой кубинской революции. В память о различных революционных событиях, связанных с горами, проводятся разные мероприятия. Например, в Польше в период социализма в память о том, что Ленин в 1913 г. вместе членами Краковского туристического клуба поднимался на гору Рысы в Высоких Татрах, ежегодно организовывались акции молодежных организаций, а в 1970 г. на вершине горы был

установлен барельеф в честь столетия вождя мирового пролетариата.

Идея, касающаяся распространения религиозного учения с горы, была перенесена в политическое измерение и отразилась во всех областях политического спектра. Представление об американской исключительности содержится в выражении о «Граде, сияющем на холме», которое появилось еще у первых поселенцев, в частности в 1630 г. у богослова, политика и писателя Джона Уинтропа в проповеди «Модель христианского милосердия»⁹. Для обитателей североамериканских колоний такое место связывалось с постапокалиптической картиной града Нового Иерусалима. А для их потомков оно уже выражало достижения Соединенных Штатов Америки, которые должны стать примером для остального мира. Эту же мысль по-своему передает представление о «Третьем Риме». Причем прослеживается «горная» преемственность Первого, Второго и Третьего Рима, поскольку каждый из этих городов, согласно легенде, был основан на семи холмах. Стремление американцев к глобальному господству, несомненно, выразилось в расположении Конгресса США на Капитолийском холме в Вашингтоне, имеющим то же название, что и римский холм.

В государственной практике, однако, не так много примеров столиц, связанных с высокогорьем. Можно упомянуть Лхасу, столицу Тибета, или Ла-Пас, фактическую столицу Боливии (официальная — Сукре), чье полное название в переводе означает «Богоматерь мира». Отсутствие таких городов в ряду главных государственных центров объяснимо сложностью не только управления из труднодоступных мест, но и невозможностью обеспечения комфортной жизни для управленцев и тех, кто обращается к ним, приезжая в столицы из других населенных пунктов. Однако это не указывает на какую-либо ущербность городов в горах, а, наоборот, добавляет им своеобразной возвышенности, духовности. Среди таких городов Ассизи, расположенный у южного склона горы Монте-Субазियो, или Вифлеем, находящийся в Иудейских горах.

Неразрывная связь представлений о вершинах гор и вершинах человеческого духа проявилась в том, что люди стали давать горам наименования в связи с собственными деяниями и идеалами. Существует специальный подраздел топонимики, изучающей названия гор — оронимы (от др.-греч. ὄρος «возвышенность», «гора»). Данные оронимики поучительны не только с точки зрения географии, но также истории и геополитики, особенно, когда раскрывают пути переименования горных объектов. Так, самая высокая точка бывшего Советского Союза, а ныне высочайшая гора Таджикистана до 1962 г. носила имя Сталина, затем была переименована в пик Коммунизма, а сейчас называется пиком Исмоила Сомони. Памирский семитысячник до 1928 г. носил имя пика Кауфмана, потом стал пиком Ленина, а с 2006 г. — пиком имени Абу али ибн Сины. В 2017 г. указом президента Кыргызстана Алмазбека Атамбаева «Об установлении Дней истории и памяти предков» было рекомендовано депутатам Жогорку Кенеша принять закон о переименовании этой вершины в пик Манаса, по названию крупнейшего киргизского эпоса и его героя-богатыря. Высочайшая точка Северной Америки носила имя 25-го президента США Уильяма Мак-Кинли. Но Барак Обама во время поездки по Аляске в 2015 г. вернул горе историческое имя Денали, как ее называли индейцы

⁹ Winthrop J. A Modell of Christian Charity // Collections of the Massachusetts Historical Society. Boston: Massachusetts Historical Society, 1838. Volume 7. P. 31-48.

атабаски. Этот подход возвращения вершинам этнических названий приветствовал руководитель геодезической службы Британской Индии Джон Эверест, высказался против использования своего имени, которое, как он считал, не соответствует местным языкам и не может быть усвоено коренным населением. Вершины являются хранилищами памяти, поэтому Кавказских гор в Осетии, Пик «Курск К-141» напоминает о трагической судьбе затонувшей российской подводной лодки.

Для того чтобы горы сохраняли память о людях, люди должны заботиться о горных массивах. Многие вершины мира включены в Список Всемирного природного наследия. Это: Килиманджаро, Фудзияма, Этна, Золотые горы Алтая, горы Ямайки и др. 10 ноября 1998 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № А/RES/53/24 на ее 53-й сессии 2002 г. был провозглашен «Международным годом гор». По решению 57-й Генеральной Ассамблеи ООН, принятому в январе 2003 г., ежегодно 11 декабря отмечается Международный день гор (англ. *International Mountain Day*). Его цель — привлечение внимания к проблемам развития горных регионов планеты и оказания помощи их населению. У многих народов и представителей разных конфессий есть свои праздники гор. Например, ежегодно в последнее воскресенье июня совершается паломничество почти 20 тыс. человек на гору Крох-Патрик на западе Ирландии, которую называют «Синаем Ирландии». Миллионы жителей Индии участвуют в празднике, связанном с поклонением невзрачному каменистому холму Говардхан на равнинах штата Уттар-прадеш. История праздника восходит к событиям более чем пяти тысячелетней давности, когда назад в месяц Картика состоялась первая намахатта. Тогда жители Враджи — враджаваси, спасаясь от гнева Индры, приняли защиту своего необычного односельчанина и собрались вместе под холмом Говардхан, который Кришна держал, подобно зонту, на мизинце левой руки. В память об этом событии во всех ведических храмах каждый год зажигаются огни, звучат праздничные песни и все празднующие с песнями обходят вокруг импровизированного холма, сделанного в виде тортов и всевозможных сладостей. Поэтому этот праздник получил название «Праздник сладкой горы».

Значимость образа мировой горы в религиозной традиции определила его использование в качестве модели в символическом, храмовом и бытовом строительстве, искусстве и литературе. Особенно остро образ горы воспринимался в сложные, переломные периоды, когда и общество и отдельные люди стоят перед ситуацией выбора. В 1924 г. выходит в свет философский роман Томаса Манна «Волшебная гора» (нем. *Der Zauberberg*), название которого отсылает читателя к горе Герзельберг (нем. *Hörselberge* — Греховная, Волшебная гора), по легенде, связанной с миннезингером Тангейзером. Но герои Манна, покинув приют, оказываются в гуще Первой мировой войны. Гора как место бегства от бед и одновременно территория обретения не только силы, но и любви возникает в фильмах жанра «бергфильм» (нем. *Bergfilm* — «горный фильм», сформировавшегося в середине 1920-х гг. в Германии. С одной стороны, популярности жанра способствовала увлеченность немцев альпинизмом и горным туризмом. С другой стороны, зрителей манила таинственность гор, их красота как альтернатива повседневности. Во многом к этому жанру можно отнести немецкий музыкальный кинофильм 1944 г. режиссера Георга Якоби «Девушка моей мечты» (нем. *Die Frau Träume*; букв. «Женщина моих грез») с Марикой Рёкк в главной роли, ведь герои фильма — горные инженеры, любовь одного из них со звездой мюзиклов возникает в

горах, а в сюжет фильма всячески скрыты детали, которые говорили бы о времени его действия, приходящегося на Вторую мировую войну. От военных бед, как и от любых других неприятностей можно скрыться в горах и непосредственно, и, представив горный сюжет, в котором сила страсти человека противостоит силе гор.

И это всегда воодушевляет. В подтверждение данного наблюдения реакция зрителей на вышедшую в 1967 г. на советские экраны ленту режиссеров Станислава Говорухина и Бориса Дурова «Вертикаль», где красной нитью проводится мысль не только о том, что лучше гор могут быть только, на которых еще не бывал, но и то, что горы всегда испытывали, испытывают и будут испытывать человека на прочность, на его соответствие самому высокому стандарту.

References

- [1] Bezrukova V.S. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedic dictionary of a teacher). Yekaterinburg: Business Book, 2000. 937 p.
- [2] Bobrikhin A.A. Contribution P.P. Bazhov in the formation of the Ural identity // A new word in science: development prospects. 2015. № 2 (4). P. 46-48.
- [3] Bongrad-Levin G.M., Grantovsky E.A. From Scythia to India. Ancient arias: myths and history. 3rd ed. SPb: Aletheia. 2001. 222 p.
- [4] Legends were: legends of Altai artisans / Records, art. and note. A.A. Misyureva; foreword M.K. Azadovsky. Novosibirsk: Novosibgiz, 1933. 131 p.
- [5] Legends were, folklore of old miners of South and Western Siberia / Sat. A.A. Misyureva; foreword M.K. Azadovsky. 2nd add. ed. Novosibirsk: Novosibgiz, 1940. 228 p.
- [6] Petrovsky A.V. High place // Orthodox Theological Encyclopedia. SPb.: Publication "Petrograd". Appendix to the spiritual journal "Wanderer", 1903. Volume 4. St. 530.
- [7] History of diplomacy. In 3 vol. Vol. I. 2nd ed., Rev. and add. M.: Gospolitizdat, 1959. 896 p.
- [8] Orthodox Encyclopedia. M.: Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2006. Vol. XII. 752 p.
- [9] Timofeev A. While I breathe, I hope. Climbing Mount Everest // Popular Mechanics. 2009. № 2. P. 118-121 // URL: <https://www.popmech.ru/adrenalin/8740-poka-dyshu-nadeyus-voskhozhdenie-na-everest>.
- [10] Tucci J. Bon Religion // Religions of Tibet. St. Petersburg: Eurasia, 2005. P. 266-309.
- [11] Fraser J.J. Folklore in the Old Testament. M.: Politizdat, 1989. 542 p.
- [12] Winthrop J. A Modell of Christian Charity // Collections of the Massachusetts Historical Society. Boston: Massachusetts Historical Society, 1838. Volume 7. P. 31-48.

Библиографический список:

- [1] Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 937 с.
- [2] Бобрихин А.А. Вклад П.П. Бажова в формирование уральской идентичности // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 2 (4). С. 46-48.
- [3] Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 3-е изд. СПб: «Алетейя». 2001. 224 с.
- [4] Легенды и были: сказания алтайских мастеровых / Записи, ст. и примеч. А.А. Мисюрева; предисл. М. К. Азадовского. Новосибирск: Новосибгиз, 1933. 131 с.
- [5] Легенды и были, фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / Сб. А.А. Мисюрева; предисл. М.К. Азадовского. 2-е доп. изд. Новосибирск: Новосибгиз, 1940. 228 с.
- [6] Петровский А.В. Горнее место // Православная богословская энциклопедия. СПб.: Издание «Петроград». Приложение к духовному журналу «Странник», 1903. Том 4. Стб. 530.
- [7] История дипломатии. В 3 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1959. 896 с.
- [8] Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XII. 752 с.
- [9] Тимофеев А. Пока дышу, надеюсь. Восхождение на Эверест // Популярная механика. 2009. № 2. С. 118-121 // URL:<https://www.popmech.ru/adrenalin/8740-poka-dyshu-nadeyus-voskhozhdenie-na-everest>.
- [10] Туччи Дж. Религия бон // Религии Тибета. СПб.: Евразия, 2005. С. 266-309.
- [11] Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989. 542 с.
- [12] Winthrop J. A Modell of Christian Charity // Collections of the Massachusetts Historical Society. Boston: Massachusetts Historical Society, 1838. Volume 7. P. 31-48.

Kakhaev A.M.

*Graduate student of the Institute
of public service and management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration.*

The attitude of Islam to the representatives of the Christian confession: historical aspect

Abstract. The article deals with the respect of the religion of Islam to other faiths, particularly Christians, in Islamic tradition is the main rule in the regulation of relations of a Muslim with people of other faiths. There are examples from the history of Islam, testifying to the peacefulness, ethics and respect of Muslims for non-Muslims in the development of interreligious dialogue.

Key words: interfaith dialogue, people of Scripture, respect, fair attitude, peacefulness.

Kakhaev A.M.

*Аспирант Института государственной службы
и управления Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Отношение религии Ислам к представителям христианской конфессии: исторический аспект

Аннотация. В статье рассматривается уважительное отношение религии Ислам к представителям других конфессий, в частности, к христианам, что в исламской традиции является основным правилом в регулировании отношений мусульманина с представителями других конфессий. Приводятся примеры из истории Ислама, свидетельствующие о миролюбии, об этике и уважительном отношении мусульман к немусульманам в процессе развития межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: межконфессиональный диалог, люди Писания, уважение, справедливое отношение, миролюбие.

Кахаев А.М.

Аспирант Института государственной службы и управления
Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Отношение религии Ислам к представителям христианской конфессии: исторический аспект*

Одной из основных целей всех человеческих отношений является достижение мира и согласия в обществе, а межконфессиональный диалог, проявление милосердия и снисходительности в отношении представителей других религий – это полезное и действенное средство в осуществлении указанной цели. Действительно, милосердие, веротерпимость – одна из высоких ценностей в религии Ислам. Основные источники мусульманского вероучения – священный Коран и благородная Сунна¹ Пророка Мухаммада – декларируют необходимость миролюбивого, гуманного, справедливого отношения мусульман к представителям других конфессий. И тому можно найти множество примеров в истории Ислама. Вопрос веротерпимости особенно актуален для сегодняшней России в плане сохранения целостности государства и стабильности в обществе.

Согласно мусульманскому вероучению, мусульманину необходимо проявлять добро и справедливость ко всем мирным людям, даже если они не исповедуют его религию.

Среди немусульман, с которыми мусульманам необходимо строить подобающие справедливые отношения и вести диалог, особое место занимают «люди Писания» (ахль аль-китаб). Людями Писания в Исламе принято называть тех, чья религия в своей основе опирается на небесную Книгу, как иудеи и христиане, к которым были ниспосланы священные Писания – Тора и Евангелие соответственно.

Говоря о веротерпимости в арабском Халифате, в частности, в отношении людей Писания, известный швейцарский востоковед Адам Мец (1869–1917гг.) пишет, что она «...некая неизвестная в средневековой Европе». Он также отмечает, что «наличие огромной массы иноверных составляет основное различие между мусульманской империей и средневековой Европой, полностью находящейся под сенью христианства, ... и жизнь покровительствуемых (то есть христиан и иудеев) была равноценна перед лицом закона с жизнью мусульманина...»².

В последнем священном Писании – Коране говорится:

طَابَ سَأَلُ الْوَقْعِ وَيَوْ قَاحْسْ أَوْ لِي عَامْسْ أَوْ مِي هَارْبِ إِكْلَا لَزْنُ أَمْوَانِي كَلِ لَزْنُ أَمْوَلَلَابِ أَنْ مَ أَوْلُوقِ
نَوْمَلْسْ هَلْ نَحْنُ وَمُهْمَ دَحْ أَنْ يَبِ قَرْفَنُ أَلْ مَبِيرُ نَمْنُ وَيَبْنَلْ يَتَوَأْ أَمْوِي سِي عَوْ لِي سَوْمُ يَتَوَأْ أَمْو

Смысл: «Скажите, [о верующие]: “Мы веруем в Аллаха и в то, что Он ниспослал нам [посредством пророка Мухаммада], и в то, что было ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исааку, Якубу и их потомкам, в то, что было даровано Мусе и Исе и что

* © Кахаев А.М., 2019.

Отношение религии Ислам к представителям христианской конфессии: исторический аспект

1 Сунна – путь, указанный пророком Мухаммадом.

2 Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. 1973 // URL: <https://uchebnikfree.com/arabskoy-kultury-istoriya/hristiane-iudei-36901.html>

было даровано пророкам их Господом. Мы не делаем между ними никакого различия, и Ему мы проявляем покорность»³.

Как пишут крупнейшие комментаторы Корана, в этом аяте Всевышний Аллах наставил и призвал Своих верующих рабов к вере во все 104 священные Писания, ниспосланные Господом пророкам, в том числе и Коран, ниспосланный посредством пророка Мухаммада, и Тора, Евангелие, Псалтырь, ниспосланные прежним пророкам. Господь поимённо назвал наиболее достойных из пророков, а остальных назвал обобщённо. То есть от мусульманина требуется уверовать во всех пророков, посланных Всевышним для обучения людей Его религии, в том числе и в Авраама, Исаиила, Исаака, Якова, Моисея, Иисуса, Мухаммада и других. И мусульманин перестаёт быть мусульманином, если у него возникнет хоть малейшее сомнение в ниспослании Творцом указанных священных Писаний и истинности пророческой миссии хоть одного из пророков. Ему нельзя делать различия между посланниками, уверовав в одних из них и отвергая других. Потому что все пророки – братья по вере, они обучали вере в единого Творца, и нет превосходства между ними в отношении посланнической миссии и необходимости веры в них.

Помимо этого, Ислам дозволил мусульманину вступить в родственные отношения посредством брака с целомудренными и чистыми женщинами из числа людей Писания. Ведь известно, что супружеская жизнь основывается на любви и милости. Следовательно, дозволение подобного брака есть большое снисхождение от Ислама, когда он разрешил мусульманину, чтобы хранительницей его очага, спутницей жизни, матерью его детей была немусульманка, чтобы дядьями и тётями (со стороны матери) его детей были представители других конфессий. Это касательно людей Писания, даже если они и не проживают в исламском государстве.

В истории известны случаи, когда монголо-татары захватили Шам⁴, то мусульманские учёные обратились к их правителям с требованием выпустить пленных. Когда монгольский военачальник согласился выпустить только мусульман, учёные не согласились с этим и настояли на том, чтобы он выпустил и всех иудеев и христиан, которые находились под покровительством мусульман. И после проявленной учёными настойчивости монголо-татары и в действительности выпустили на волю вместе с мусульманами и иудеев и христиан.

Известный мусульманский историк Ибн Халдун (ум. в 808 г. х.) в своей книге «Тарих» приводит следующую историю. Когда мусульмане осадили Иерусалим, население потребовало заключения мира с условием, что сам халиф Умар даст им гарантию безопасности. Тогда Умар бин аль-Хаттаб прибыл туда и написал грамоту, текст которого гласил: «Именем Всемилостивого Аллаха! От Умара бин аль-Хаттаба к населению Иерусалима, что им предоставлена гарантия безопасности в отношении их крови, детей, женщин и всех церквей, которые не будут поселены и не будут разрушены». Затем халиф вошёл в Иерусалим, пришёл к церкви, которую у христиан принято называть Храм Гроба Господня, и сел в её дворе. Наступило время молитвы, и халиф Умар обратился к патриарху Софронию: «Я хочу помолиться». Патриарх в ответ сказал: «Помолись там, где находишься!» Однако Умар отказался помолиться там, и совершил молитву индивидуально у порога церкви, за её пределами. Умар также велел мусульманам не собираться там для коллек-

3 Коран, сура Аль-Бакара, аят 136.

4 Шам – государство, включавшее в себя территории таких современных стран, как Сирия, Иордания, Ливан и Палестина.

тивной молитвы. После завершения молитвы халиф сказал патриарху: «Если бы я помолился внутри церкви, то мусульмане после меня забрали бы её, говоря: “Здесь помолился Умар!”». Затем Умар сказал патриарху: «Покажи мне место, где бы я мог воздвигнуть мечеть». И тот ответил: «На скале (сахра), на которой Аллах разговаривал с пророком Я‘кубом (Яковом)». Умар обнаружил там много крови и стал сам очищать это место, примеру халифа последовали и все присутствовавшие мусульмане. Тогда по велению халифа Умара там была построена известная по сей день мечеть⁵. Так проводили диалог с представителями христианской конфессии мусульмане и так они проявляли веротерпимость.

Как-то раз к правителю Египта Ахмаду ибн Тулуну пришёл некий христианский священнослужитель с жалобой на одного из его полководцев, так как последний притеснил его и без права забрал у него определённую сумму денег. Ибн Тулун вызвал этого военачальника, осудил его, вынес ему выговор, затем взял у него эти деньги и вернул христианину. Таким образом правитель открыл врата справедливости для каждого притеснённого из числа христиан, даже если те, на кого жаловались, были из числа больших государственных чиновников или военачальников.

Правитель аль-Валид бин Абдальмалик забрал у христиан церковь Иоанна и включил её в состав мечети. Когда его на этом посту заменил Умар бин Абдальазиз, христиане пожаловались ему на поступок аль-Валида в отношении их церкви. Тогда халиф написал своему наместнику, чтобы последний вернул христианам положенную им территорию, или же выделил им взамен за неё другое место, если они согласятся с таким вариантом⁶.

В истории Ислама имеется множество подобных примеров. Эти примеры показывают веротерпимость, милосердие и гуманное отношение к представителям других религиозных конфессий, в частности, к христианам со стороны мусульман.

References

- [1] Sacred Koran. Medina. 2005.
- [2] Al-Balazuri. Futuh al-Buldan.
- [3] Fundamentals of Islamic doctrine. North Caucasus University center for Islamic education and science. Makhachkala. 2009.
- [4] Ibn Khaldoun. Tarikh. Vol. 2.
- [5] Kakhaev A. M., S. I. Sirazhudinova Peacefulness and morality in the works of Sufi scholars. // In the collection: Prevention of spread of ideology of extremism and terrorism in the Republic of Dagestan: materials of the Regional scientific and practical conference. 2016.
- [6] Mets Adam. Muslim Renaissance. 1973 // URL: <https://uchebnikfree.com/arabskoy-kulturyi-istoriya/hristiane-iudei-36901.html>

Библиографический список:

- [1] Священный Коран. Медина. 2005.
- [2] Аль-Балазури. Футух аль-бульдан.
- [3] Ибн Халдун. Тарих. Том 2.
- [4] Кахаев А.М., Сиражудинова С.И. Миротерпимость и нравственность в трудах суфийских ученых. // В сборнике: Профилактика распространения идеологии экстремизма и терроризма в Республике Дагестан: материалы Региональной научно-практической конференции. 2016.
- [5] Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. 1973 // URL: <https://uchebnikfree.com/arabskoy-kulturyi-istoriya/hristiane-iudei-36901.html>
- [6] Основы исламского вероучения. Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки. Махачкала. 2009

⁵ Ибн Халдун. Тарих. Т. 2. С. 267-268.

⁶ Аль-Балазури. Футух аль-бульдан. С. 131-132.

Ananicheva S.R.

*Candidate of Sociological Sciences.
Pacific national University, Institute of socio-political
technologies and communications.*

New religious movements in modern Russian society

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of new religious movements as religious movements with their own set of beliefs and rituals, and as social movements acting as the object and subject of social changes. The reasons for the spread and integration of new religious movements in modern Russian society are analyzed. The author examines the new religious movements that are a factor of foreign influence, as well as the threats emanating from this phenomenon, which is based on a destructive ideology.

Key words: traditional religious institutions, religious movement, new religious movements.

Ананичева С.Р.

*Кандидат социологических наук,
Тихоокеанский государственный университет,
Институт социально-политических технологий и коммуникаций.*

Новые религиозные движения в современном российском обществе

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена новых религиозных движений как религиозных течений, обладающих своим набором верований и ритуалов, и как социальные движения, выступающие в качестве объекта и субъекта социальных изменений. Проанализированы причины распространения и интеграции новых религиозных движений в современном российском обществе. Автором рассматриваются новые религиозные движения, являющиеся фактором зарубежного влияния, а также угрозы, исходящие от данного феномена, базирующегося на деструктивной идеологии.

Ключевые слова: традиционные религиозные институты, религиозное движение, новые религиозные движения.

Ананичева С.Р.

*Кандидат социологических наук, Тихоокеанский государственный университет,
Институт социально-политических технологий и коммуникаций.*

Новые религиозные движения в современном российском обществе*

В последней трети XX века, на территории российского государства, по различным социально-экономическим и общественно-политическим причинам, наряду с мировыми религиями, активно функционируют, охватывая все новые пространства, новые религиозные движения (НРД). После распада СССР, произошел резкий переход от государственного атеизма к свободе вероисповедания. Существовало мнение, что идеологический вакуум возможно заполнить религией в том или ином конфессиональном выражении. В советско-российском обществе наблюдалось комплексная переоценка основополагающих идеологических ценностей, изменение отношения к религиозности и к культурному наследию в целом. Одним из социально-значимых преобразований идеологической перестройки российского общества становится принятие в 1990 г. Закона «О свободе вероисповеданий». Этот закон сыграл активную роль в процессе религиозно-групповой идентификации российских граждан, отменил все ограничения на религиозную деятельность, сделал необязательной регистрацию религиозных организаций, что открыло широкие возможности для образования и деятельности любых сект. В законе 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» закрепляется «право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения»¹.

Утвержденная нормативно-правовая база в короткие сроки повлияла на изменение религиозно-идеологической ситуации в обществе. Так наряду с возрождением мировых, традиционных религий (христианство, буддизм, иудаизм, ислам), в российское общество из европейских стран и США были импортированы новые религиозные движения (Церковь Христа, Свидетели Иеговы, Церковь Сайентологии, Международное Общество Сознания Кришны, Церковь Последнего Завета, Трансцендентальная Медитация, Сахаджа йога и т. д.). Также либерализация законодательства привела к быстрому вовлечению верующих в политическую жизнь, формированию политических партий и движений религиозной направленности, создаются специфически российские НРД, не имеющие аналогов за рубежом (Церковь Виссариона, Богородичный Центр, Белое Братство). Подобные НРД предлагают человеку новую, альтернативную систему ценностей, отличную от традиционных существующих в обществе. Таким образом, усиливающаяся глобализация, взаимопроникновение информационных потоков различного толка, в том числе и религиозного, перестраивающих сознание людей, а порой и ломающих социальные ценности, ориентиры, нравственно-мировоззренческую опору общества,

* © Ананичева С.Р., 2019.

Новые религиозные движения в современном российском обществе

1 Пайков А.А., Подшивалкга В.И. Проблема воспроизводства религиозного сознания в пост-тоталитарном обществе // Социологические исследования. 1995. № 11.

привели к масштабным качественным изменениям всех сфер жизни общества².

Для того чтобы ориентироваться в сложном многообразии НРД, следует учитывать, что анализ данного феномена должен основываться на научной, всесторонней оценке содержания конкретных религиозных движений, последствий их деятельности, как в плане воздействия на людей, находящихся в таких движениях, так и в отношении их места и роли в современном обществе в целом. Невзирая на устойчивость и относительное постоянство традиционных религиозных ценностей, связанных с предыдущими поколениями, в течение длительного исторического времени под воздействием трансформирующихся социокультурных, политических условий они подвергались кардинальным изменениям. Так, П.А. Сорокиным фиксируется увеличение религиозности в обществе, обусловленной актуализацией его потребностной сферы в периоды постреволюционного политического развития³. По мнению ученого, подобный процесс является результатом реакции общества на невозможность установленной традиционной религии удовлетворить растущие потребности людей в самоидентификации. В таком случае происходит адаптация ценностных и нормативных установок данной религии к новым изменяющимся условиям. При этом не только изменения, претендующие на собственную уникальность и противопоставляющие себя традиционной религии, актуализируют процесс возникновения НРД. Влияние НРД весьма значимо в контексте социально-экономической, политической сфер жизнедеятельности современного российского государства. Социологическое изучение масштабов распространения таких движений, внедрение их в различные слои общества, а также их влияние на мировоззрение, социальные установки, весьма актуально в перспективе понимания политических, социально-экономических, культурных преобразований в обществе. Таким образом, появление и постоянное увеличение количества НРД вносит существенные изменения в сформированную веками конфессиональную карту страны, что может привести к серьезным конфликтам, дестабилизировать социальную структуру и государство в целом.

Новые религиозные движения получили распространение с 50-60-х гг. XX века в США и Европе в результате развития контркультуры из политических и эстетических протестов в среде американской и европейской молодежи. Такие социологи как Ч. Глок, Р. Беллах описывали культурные волнения как существенный религиозный или культурный кризис смыслов, в противовес доминирующим ценностям и традициям. По их мнению, религиозные культы, распространившиеся в 70-е годы, являются «движениями-приемниками» более широкого контркультурного волнения. НРД стали возникать и стремительно распространяться в обществе по причине ослабления традиционных религиозных институтов, социальной аномии, потери высоких стандартов ценностных жизненных смыслов, утрата нравственной и социальной ориентации личности.

Анализируя причины активного распространения НРД в России в 90-е гг., необходимо упомянуть, что фундаментом всех религиозных воззрений в постсоветский период, являлась вера в построение коммунистического атеистического

2 Боева Е.С. Нетрадиционные религиозные организации в российском обществе: факторы роста и оценки населения: автореф. дис. канд. соц. наук. Хабаровск, 2012. 22 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/netraditsionnye-religioznye-organizatsii-v-rossiiskom-obshchestve-factory-rosta-i-otsenki-na> (дата обращения 23.07.2019). С. 11.

3 Кравчук В.В. Новые религиозные движения в современной России. Религия, политика и права человека. Материалы конференции. М., Институт религии и права, 2002. 204 с.

общества, общества без религии. Бывшие советские граждане, осознав, что вся коммунистическая идеология, это утопия, стали обращаться к нетрадиционным религиям, которые открыто стали проникать и насаждаться из-за рубежа. НРД успешно распространяются, предлагая свободу религиозного выбора, а также доступ к духовным социальным ресурсам, использование которых позволяет последователям адаптироваться, к изменяющимся условиям трансформирующего общества. В целом, причинами появления и закрепления подобных движений, как в российском государстве, так и во всем мире является с одной стороны – трансформация социально-политической и духовно-идеологической сфер общества, а с другой – религиозные поиски и психологические особенности самих последователей НРД.

В нашей стране начиная с конца 80-х и начало 90-х гг. публикуются исследования, посвященные анализу феномена НРД. К социологическим концепциям, объектом изучения в которых являются НРД как социальный феномен, принадлежат концепции Е.Г. Балагушкина и Л.Н. Митрохина. В их трудах описываются причины распространения НРД, их специфика и типология, а также анализируется их влияние на общество. Так, Е.Г. Балагушкина в своей работе «Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ» дает толкование понятию «религиозное движение»: «понятие «религиозное движение» относится только к неинституциональным религиозным выступлениям, т.е. еще не оформленным в организационном отношении и не имеющих сложившихся религиозных институтов. Следовательно, понятие «новые религиозные движения» исключает представление о разнообразных институтах, характерных для новых религиозных феноменов. А это разного рода культы, секты, ордена, братства, ашрамы, монастыри. Все эти морфологические различия охватываются понятием «новые религии», которое с этой точки зрения более полно и адекватно»⁴.

Е.Г. Балагушкин в своих трудах предложил собственную классификацию НРД, направленную на выявление их уникальности и специфики структурирования деятельности последователей. Он также доказывает необходимость разработки более точно концептуального аппарата для исследования НРД.

С конца 90-х гг. к изучению феномена НРД подключились такие социологи как Т.А. Бажан, Н.А. Ворошилова, Л.И. Григорьева, благодаря чему была рассмотрена тема выявления специфики российских религиозных организаций, НРД и культовых движений. основополагающим в конструировании теоретико-методологической базы изучения феномена НРД, является выработка самого термина «новое религиозное движение». Учитывая, тот факт, что НРД как социокультурный феномен, представляющий собой тип религиозной организации, впервые появился на Западе в период 1950-1970-е гг., соответственно западными социологами были выработаны первые классические концепции изучения подобного феномена. Так, исследователь А. Баркер использует понятие НРД к религиозным организациям, возникающим впервые после окончания Второй Мировой Войны, резко отличающимся от христианских организаций, таких как церковь, секта, деноминация. Американские ученые Дж. Бекфорд и М. Левассар, применяют термин НРД к движениям, появляющимся в 60-70-е гг. Таким образом, появление такого рода феномена в западном обществе, требовало разработки конкретного понятия, объясняющего сущность данного фе-

⁴ Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. 2. / Е. Г. Балагушкин. – М.: ИФ РАН, 2002. 248 с.

номена. Выработанное понятие «новые религиозные движения» обладает нейтральностью применительно к обозначенному им явлению, в отличие от таких терминов как «секта», «тоталитарная секта», «тоталитарный культ», «деструктивный культ». Данное понятие НРД не предполагает жестких негативных оценок, оно предельно общее, что позволяет использовать его при анализе различных религиозных групп и организаций.

Под новыми религиозными движениями можно понимать организованную форму религии, обладающую неустойчивостью вероучения и религиозного культа, а также групповой общностью. Они реализуют новые ценности, идеи, учения, чуждые религиозным традициям, доминирующим в формирующей эти НРД культурной среде. НРД являются разновидностью социальных движений, которые также участвуют в противоречивых процессах интеграции и изоляции по отношению к трансформирующемуся российскому обществу. При этом если процесс интеграции предполагает не просто сосуществование, а внедрений новых религий в сложившуюся общественную систему, участие в общественной деятельности, а также обмен традициями, учениями, ценностями, результатами деятельности, то процесс изоляции наоборот подразумевает отдаление НРД и общества друг от друга, взаимное отрицание, ценностное несоответствие и критику. Процессы социальной изоляции связаны с дистанцированием НРД и общества на различных уровнях, а также предполагают насаждение идеи о своей особой миссии, наличие признаков, отличающих их от других социальных групп (специфичная одежда, в целом внешний облик), разрыв внешних социальных связей и в некоторых случаях – закрытость и территориальная отдаленность⁵.

Новые религиозные движения, это неоднозначный феномен, требующий всестороннего и подробного изучения. На сегодняшний день сделан огромный шаг в разработке типологических моделей НРД. Так критериями выделения основных типов НРД можно назвать: по характеристике объекта поклонения; по отношению к личности; по характеристике основателя нетрадиционной религии; по ритуально-обрядовым особенностям; по социальной опасности для личности, общества и государства. Последний критерий позволяет особенно точно выделить НРД по степени их деструктивного влияния на общество и личность. Среди основных деструктивных признаков можно выделить: харизматическое лидерство, своя трактовка веры, непринятие ценностей традиционных религий, негативное отношение к российской культуре, к сложившимся социальным структурам, государству, навязчивое миссионерство, жесткая организационная структура, запрет на общение с внешним миром, психическое насилие и т.д. На территории РФ растет число НРД, институциональные структуры которых являются членами мирового политического процесса, выступая как вариант неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа. Крупные международные НРД, являясь непосредственным фактором зарубежного влияния на современное российское общество, создают систему транснациональных связей между различными социальными группами, общностями. В настоящее время нельзя недооценивать исходящую от НРД социальную опасность, т.к. теоретически провозглашая любовь, такие движения оказывают влияние на фрагментацию общества, распространяют в нем вражду, не толерантность

5 Астахова А. С. Новые религиозные движения в трансформирующемся российском обществе: социальные процессы интеграции и изоляции: автореф. дис. канд. соц. наук. Казань, 2011. 26 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-struktura/novye-religioznye-dvizhenija-v-transformirujuwemsja-rossijskom-obwewstve-socialnye.html> (дата обращения 17.07.2019). С.8-14

к инакомыслящим и в целом к исторически сложившейся традиционной культуре и религиозным ценностям. Актуализация деятельности многообразных новых религий, в российском многонациональном государстве, становится основанием для зарождения конфликтных ситуаций на конфессиональной почве. Воздействие НРД на общество расценивается по-разному, в зависимости от точки зрения самого исследователя этого феномена. Часто анализируются только последствия деструктивного влияния НРД на общество (нарушение физического и психического здоровья, разрушение семей, преступные действия адептов, дезинтегрирующее влияние на общество, разжигание конфликтов на религиозной почве). Также можно рассматривать и положительные моменты от участия в новых религиозных объединениях, например обретение последователями смысла жизни, свобода религиозного выбора, общение, помощь в адаптации к трансформирующемуся обществу. Следовательно, деятельность по запрещению и ограничению НРД скажется негативно на их последователях и может быть расценено как нарушение их прав. Таким образом, повышается весомость научных исследований данного феномена, т.к. только конкретный и последовательный анализ НРД, позволит выработать наиболее эффективную политику государства и общества в адрес новых религиозных движений.

References

- [1] Astakhova A.S. New religious movements in a transforming Russian society: social processes of integration and isolation: author. dis. Cand. social sciences. Kazan, 2011. 26 p. // URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/novye-religioznye-dvizhenija-v-transformirujuwemsja-rossijskom-obwestve-socialnye.html> (July 17, 2019).
- [2] Balagushkin E.G. Non-traditional religions in modern Russia: morphological analysis. Part 2. // E. G. Balagushkin. - M.: IF RAS, 2002. 248 p.
- [3] Boeva E.S. Non-traditional religious organizations in Russian society: growth factors and population estimates: author. dis. Cand. social sciences. Khabarovsk, 2012. 22 p. // URL: <https://www.dissercat.com/content/netraditsionnye-religioznye-organizatsii-v-rossijskom-obshchestve-factory-rosta-i-otsenki-na> (July 23, 2019).
- [4] Kravchuk V.V. New religious movements in modern Russia. Religion, politics and human rights. Conference proceedings. M., Institute of Religion and Law, 2002. 204 p.
- [5] Paykov A.A., Podshivalkta V.I. The problem of the reproduction of religious consciousness in a post-totalitarian society // Sociological studies. 1995. № 11.
- [6] Sorokin P. A. Sociology of revolution. - M.: Publishing House "Territory of the Future" ROSSPEN, 2005. 704 p.
- [7] Federal law "On freedom of conscience and on religious associations" // Russian newspaper. 1997 October 1. // URL: <https://rg.ru/2015/04/08/relig-dok.html> (June 17, 2019).

Библиографический список:

- [1] Астахова А.С. Новые религиозные движения в трансформирующемся российском обществе: социальные процессы интеграции и изоляции: автореф. дис. канд. соц. наук. Казань, 2011. 26 с. // URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/novye-religioznye-dvizhenija-v-transformirujuwemsja-rossijskom-obwestve-socialnye.html> (дата обращения 17.07.2019).
- [2] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. 2. // Е. Г. Балагушкин. - М.: ИФ РАН, 2002. 248 с.
- [3] Боева Е.С. Нетрадиционные религиозные организации в российском обществе: факторы роста и оценки населения: автореф. дис. канд. соц. наук. Хабаровск, 2012. 22 с. // URL: <https://www.dissercat.com/content/netraditsionnye-religioznye-organizatsii-v-rossijskom-obshchestve-factory-rosta-i-otsenki-na> (дата обращения 23.07.2019).
- [4] Кравчук В.В. Новые религиозные движения в современной России. Религия, политика и права человека. Материалы конференции. М., Институт религии и права, 2002. 204 с.
- [5] Пайков А.А., Подшивалкга В.И. Проблема воспроизводства религиозного сознания в посттоталитарном обществе // Социологические исследования. 1995. № 11.
- [6] Сорокин П. А. Социология революции. - М.: Издательский дом «Территория будущего» РОССПЭН, 2005. 704 с.
- [7] Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. 1997 1 октября. // URL: <https://rg.ru/2015/04/08/relig-dok.html> (дата обращения 17.06.2019).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Andreeva A. V.

*Candidate of Philosophy,
Associate Professor. Siberian Federal University, Krasnoyarsk.*

Rukavitsyna E. A.

*Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor. Siberian Federal University, Krasnoyarsk.*

On the essence of cultural technologies of social and cultural activity: the philosophical aspect

Abstract. Investigates the concept of «cultural technologies of socio-cultural activities» from the point of view of historical content, functionality, and the subject-object interaction. The features of the institutionalization of Amateur creativity in the socio-cultural sphere. This perspective shows Amateur activity as an institution, demonstrates its place in the cultural and leisure institution as a socio-cultural institution of institutional type, without revealing its functions, cultural component. It is proposed to consider the choreographic activity from the point of view of its cultural potential.

Key words: ontology, socio-cultural activities, subject-object, creativity, cultural technology, socio-cultural sphere.

Андреева А.В.

*Кандидат философских наук,
доцент. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.*

Рукавицына Е.А.

*Кандидат культурологии,
доцент. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.*

О сущности культуротворческих технологий социально-культурной деятельности: философский аспект

Аннотация. Исследовано понятие «культуротворческие технологии социально-культурной деятельности» с точки зрения исторического содержания, функционального наполнения и субъект-объектного взаимодействия. Обозначены особенности институционализации самодеятельного творчества в социокультурной сфере. Этот ракурс рассмотрения показывает самодеятельность как оформленную институцию, демонстрирует её место в культурно-досуговом учреждении как социокультурном институте учрежденческого типа, не раскрывая ее функции, культуротворческую составляющую. Предложено рассмотрение хореографической деятельности с точки зрения ее культуротворческого потенциала.

Ключевые слова: **онтология, социально-культурная деятельность, субъект-объект, творчество, культуротворческие технологии, социокультурная сфера.**

Андреева А.В.

Кандидат философских наук, доцент.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

Рукавицына Е.А.

Кандидат культурологии, доцент.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

О сущности культуротворческих технологий социально-культурной деятельности: философский аспект*

Сравнительно недавнее по историческим меркам развитие культурно-досуговой деятельности сопровождалось активным освоением и адаптацией педагогических, социальных технологий. Комплекс технологий социально-культурной деятельности в результате оказался обширным и многообразным. Как следствие, было сформировано несколько классификаций социально-культурных технологий. Культуротворческие технологии в этих классификациях представлены отдельным комплексом. Анализ существующего опыта теоретического осмысления понятия «культуротворческие технологии социально-культурной деятельности» позволил определить выделить их некоторые базовые характеристики по трем признакам: историческому содержанию, функциональному наполнению, по выделению объекта воздействия.

Так, по историко-содержательному признаку в культуротворческие технологии входят технологии создания, развития и обогащения культурных ценностей, а также технологии творческого развития детей, подростков и взрослых. По функциональному признаку в сфере культурно-досуговой деятельности они классифицируются как технологии самодеятельного творчества и любительских объединений, входящих, в свою очередь, в обучающие и воспитательные педагогические технологии. По объектному признаку определены как современные технологии организации досугового творчества различных категорий населения.

Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников и другие авторы относят культуротворческие технологии к развивающим или творчески формирующим, что позволяет теоретически обосновать различия, в частности любительского движения как феномена от специфики организации творческих лабораторий и мастерских. Культуротворческие технологии сопровождают современного человека на всех этапах социализации личности - с начала ранней социализации в детстве и вплоть до окончания завершающего, четвертого этапа социализации, связанного либо с пенсионным возрастом, либо с постоянной или временной утратой трудоспособности. Об особом значении данной группы технологий можно го-

* © Андреева А.В., Рукавицына Е.А., 2019.

О сущности культуротворческих технологий социально-культурной деятельности: философский аспект

ворить и с точки зрения анализа имеющихся диссертационных исследований. Так, в рамках педагогики, особое внимание уделяется роли культуротворческих технологий в формировании ценностных ориентаций людей различных возрастов. Особый интерес в этом отношении представляет модель формирования ценностных ориентаций школьников средствами культуротворческих технологий, которая была предложена Л.В. Сурковой [6] которая представляет весьма значимый, с точки зрения, в том числе, теории социально-культурной деятельности, комплексный подход к определению сущности этой группы технологий с гносеологических позиций.

Анализ теорий показывает, что сущность культуротворческих технологий сосредоточена в их преимущественно самостоятельном характере применительно к творческой деятельности в социокультурной сфере. Следовательно, для исследования онтологии процессов, задаваемой этим видом социокультурных технологий, необходимо последовательное изучение понятия самостоятельного творчества в различных аспектах общественного проявления.

Индивидуальные проявления самостоятельности – стремление человека выйти за рамки ролей, предопределенных классовой, профессиональной или иной принадлежностью, с попыткой отойти от стандартной схемы бытия или деятельности, действовать оригинально, проявить себя как личность. Это стремление присуще сознанию человека и потому проявляется во все времена, в различных политических условиях, общественных формациях, при любом культурном уровне развития, экономическом обеспечении. Цивилизация и культура появились как проявление творческого самостоятельного импульса, присущего человеку. Под творчеством мы понимаем когнитивную деятельность, которая ведет к новому или необычному видению проблемы или ситуации [7].

Накопление и передача следующим поколениям результатов, в том числе, самостоятельного творчества позволили появиться и общественному разделению труда, профессиональным видам деятельности. Тем не менее, с появлением профессиональной деятельности не исчезает самостоятельность – она по-прежнему остается источником творческой активности людей, механизмом личностного самовыражения и одним из оснований развития общества.

Исторический аспект исследований самостоятельного творчества раскрывает их общественную значимость. Так, по мнению Е.И. Григорьевой [3, 126], – самостоятельность предопределяет и развитие субъекта, и развитие общественной практики в соответствующей области. Это проявляет прогрессивный функционал самостоятельного творчества. Существует также и менее значимые аспекты в общественном смысле, которые не имеют серьезных общественно-значимых последствий, не оказывают влияния на развитие общества. Речь идет, в частности, о дворянских развлекательных кружках, объединениях, коммунах, которые играли определенную роль для отдельных социальных групп. Выделяется также и возможный негативный характер самостоятельной деятельности отдельных личностей. Об этом можно говорить, когда субъект противопоставляет свои цели общественным, когда его активность направлена на противодействие прогрессу общества. Конечно, не всегда понимание целей развития общества оказывается верным с позиции последующих поколений, именно

поэтому значение самостоятельной деятельности в историческом аспекте неоднозначно и многие общественно-значимые результаты были получены как пример реализации потребности, проявленной вопреки интересам общества своего времени.

Следует отметить, что в современном обществе роль самостоятельности продолжает оставаться весьма значимой, приобретая в последние десятилетия все большее влияние и масштабы распространения – как на социальные группы и категории людей, так и на сферы деятельности. Самостоятельное творчество по мере стабилизации общественных процессов, по мере увеличения благополучия жизнедеятельности больших групп людей, оказывает все большее влияние на общество.

В современном обществе нет такой сферы деятельности, которая бы не содержала компонент самостоятельности. Каждая сфера деятельности, реализуемая в настоящее время, имеет область самостоятельного приложения, проявления активности населения в соответствии со своими потребностями, интересами, ценностями. Более того, современное государство признает необходимость проявления самостоятельного творческого участия населения и считает невозможным для общества и государства обеспечить развитие вне рамок творческого участия представителей общества во всех процессах.

По мнению ученых, предрасположенность к творчеству заложена в самой природе человека и проявляется спонтанно. При этом Ю.А. Шрейдер [8], Д.А. Леонтьев [3], Э. Бутенко [1], Е.И. Смирнова [5] и другие исследователи в области художественного творчества отмечают преимущество организованной самостоятельности перед стихийной (неинституционализованной). В большинстве случаев последняя быстро появляется и распадается, и не многие из этих форм приобретают организованную форму жизнетворчества (учебная деятельность, предполагающая творчество; профессиональное искусство; художественная самостоятельность масс). Институционализация художественной самостоятельности имеет зачастую высшую форму проявления человеком своих творческих сил и умений.

Институционализация самостоятельного творчества, осуществляемая культурно-досуговыми учреждениями, исследуется, в частности Е.И. Смирновой [5, 59-63]. Однако, этот ракурс рассмотрения показывает самостоятельность как оформленную институцию, демонстрирует её место в культурно-досуговом учреждении как социокультурном институте учрежденческого типа, не раскрывая ее функции, культуротворческую составляющую. К характеристикам самостоятельности как подсистемы в структуре учреждения относится ее досуговая направленность, то есть в основе самостоятельности остается добровольность занятия ею. Аспект исследования с позиции уровней институционализации показывает соотношения самостоятельности и социально-культурной деятельности, проявляет содержательные характеристики. Содержательная основа самостоятельности является частью какой-либо из сфер культуры: художественная самостоятельность – часть художественной культуры общества, техническая самостоятельность – часть технической культуры. Эти связи порождают новые группы функций.

Функции самодеятельности достаточно полно обозначены в работе В. Ванслоа [2, 212-218]. При этом рассмотрение функций самодеятельности раскрывает её связь с культуротворческими технологиями социально-культурной деятельности. Во-первых, с позиции функций свободного времени. В данном контексте реализация культуротворческих технологий обеспечивает восстановление сил, затраченных на производстве, в сфере труда, смена деятельности, эмоциональное переключение. Удовлетворяется потребность в радости, наслаждении, положительных эмоциях. Во-вторых, самодеятельность как организованная посредством культуротворческих технологий позволяет сочетать как усвоение знаний, умений и навыков непосредственными участниками, так и зрительское наблюдение, и эмоциональное восприятие идентификация себя с элементами этой культуры, освоение, принятие символов, норм, образов и моделей поведения. Следовательно, культуротворческий процесс сохраняет свою целостность в самодеятельном творчестве в полном объеме, так как в нем культурные смыслы исполнителя и зрителя находятся в относительном соответствии друг с другом.

Согласно имеющейся классификации технологий социально-культурной деятельности можно следующим образом охарактеризовать, например, хореографическую деятельность. По типам творчества будет относиться к авторско-исполнительской деятельности; по степени уникальности – комплексная (народный танец и профессиональная деятельность); по ориентации на основные пласты художественной культуры – профессиональная деятельность или народная культура (например, фольклорный танец); по возрастному составу – разновозрастная взрослая, детская или только взрослая; по преобладающему виду деятельности – художественно-творческая или комплексная; по степени ориентации организованности и субъекту организации – широкий диапазон (как организованная в стабильные объединения разных типов на базе различных социокультурных институтов, социально контролируемая и педагогически направляемая, так и самодеятельная); по месту локализации – как городская, так и возможно расположение в населенном пункте сельского типа. В большинстве своем в настоящее время это все формальные группы стабильного характера. Стабильность определяется развитием хореографических групп взрослого состава как осознанной деятельности взрослых и детского – как целенаправленно организованной на базе учреждений культуры, дополнительного образования. Отметим, что данная характеристика практически полностью исключает столь необходимый при анализе социокультурных процессов акт взаимодействия субъектов деятельности, что могло бы быть обеспечено при внедрении в классификацию исследования культуротворческого компонента.

В целом, культуротворческие технологии как технологии создания, развития и обогащения культурных ценностей, а также технологии творческого развития детей, подростков и взрослых повсеместно распространены в современном обществе. Само многообразие видов самодеятельного творчества в обществе подтверждает востребованность этого вида деятельности, его глубинную значимость для человека. Значение технологий самодеятельного творчества и любительских объединений, или культуротворческих технологий, для

развития общества и цивилизации полностью начинает осознаваться и оцениваться только в последние десятилетия.

References

- [1] Butenko E. Stage reincarnation. Theory and practice / E. Butenko. - M.: Touch, 2005. 314 p.
- [2] Vanslov V. Artistic Experience of Russia in the 20th Century / Artistic Culture of the 20th Century // Development of Plastic Arts: Collection of articles. M.: Russian word, 2002.
- [3] Grigoryeva E.I. Modern technologies of socio-cultural activities. Tambov, Tambov state. university. 2001. 284 p.
- [4] Leontiev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. M.: 2007. 456 p.
- [5] Smirnova E.I. Theory and methodology of the organization of amateur creativity in cultural and educational institutions / E.I. Smirnova. - M.: Education, 2007.
- [6] Surkova Lyubov Vladislavovna. The formation of value orientations of schoolchildren by means of cultural technologies of socio-cultural activity: the dissertation ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.05 / Surkova Lyubov Vladislavovna; [Place of protection: Tamb. state un-t them. G.R. Derzhavin]. - Tambov, 2009. 201 p.: ill. RSL OD, 61 09-13 / 1050.
- [7] Creativity: Culturology. XX century. Dictionary. - SPb., 1997. 295 p.
- [8] Schreider Yu.A. Ethics / Yu.A. Schrader. M., Text, 1998. 340 p.

Библиографический список:

- [1] Бутенко Э. Сценическое перевоплощение. Теория и практика / Э. Бутенко. – М.: Прикосновение, 2005. 314 с.
- [2] Ванслов В. Художественный опыт России XX века / Художественная культура XX века // Развитие пластических искусств: Сборник статей. М.: Русское слово, 2002.
- [3] Григорьева Е.И. Современные технологии социально-культурной деятельности. Тамбов, Тамбовский гос. университет. 2001. 284 с.
- [4] Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: 2007. 456 с.
- [5] Смирнова Е.И. Теория и методика организации самодеятельного творчества в культурно-просветительных учреждениях/ Е.И. Смирнова. – М.: Просвещение, 2007.
- [6] Суркова Любовь Владиславовна. Формирование ценностных ориентаций школьников средствами культуротворческих технологий социально-культурной деятельности: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.05 / Суркова Любовь Владиславовна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. - Тамбов, 2009. 201 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-13/1050.
- [7] Творчество: Культурология. XX век. Словарь. - СПб., 1997. 295 с.
- [8] Шрейдер Ю.А. Этика / Ю.А. Шрейдер. М., Текст, 1998. 340 с.

Norkina E.A.*Ogarev Mordovia State University, Saransk.***Poletaeva E.D.***Ogarev Mordovia State University, Saransk.***Rezepova N.V.***Lomonosov Moscow State University, Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.***Phenomenon of fantastic in literary text cognitive space**

Abstract. The article deals with the phenomenon of fantastic within the integrative approach of philosophy and linguistics. The authors show that fantastic is closely connected with the literary text space. The text cognitive space reflects both real and fantastic world view of the writer and the whole epoch. The study of fantastic literary text space allows the researcher to solve global problems of texts. The phenomenon of fantastic is reflected in the texts of different styles and genres in a specific way that is the reason why in some cases a reader needs to have some extra-linguistic knowledge to detect it. Besides it should be noted that an author always use their own life experience and the world view that is common for the epoch to integrate fantastic in their works.

Key words: fantastic in the text, text cognitive space, cognitive linguistics, world view, chivalric romance, science fiction short story.

Норкина Е.А.

*Аспирант кафедры теории речи и перевода факультета иностранных языков,
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва (г. Саранск, Республика Мордовия).*

Поletaева Е.Д.

*Аспирант кафедры английской филологии факультета иностранных языков,
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, преподаватель кафедры
теории речи и перевода, Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, (г. Саранск, Республика Мордовия).*

Rezepova N.V.

*Доцент кафедры западноевропейских языков ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва),
доцент кафедры иностранных языков №2 Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова, (г. Москва).*

Феномен фантастического в когнитивном пространстве художественного текста

Аннотация. В статье рассматривается феномен «фантастическое» сквозь призму интегративного подхода, с учетом, как философской, так чисто языковой позиции. Делается вывод о том, что фантастическое логично вплетено в ткань пространства художественного текста. В свою очередь, пространство текста, рассмотренное с точки зрения когнитивной лингвистики, вбирает в себя реальную и фантазийную картину мира как эпохи в целом, так и конкретного автора. Изучение фантастического пространства художественного текста способно приблизить исследователя к решению глобальных проблем порождаемых текстов. В текстах разных жанровых направлений и разных стилистических тематик феномен фантастического отражается в своей специфической манере, из-за чего иногда реципиенту нужны экстралингвистические знания для его обнаружения. Кроме того, нужно отметить, что автор при применении феномена фантастического в своем произведении всегда базируется на своем жизненном опыте и устоявшихся канонах мировоззрения, бытующих в данную эпоху.

Ключевые слова: фантастическое в тексте, когнитивное пространство текста, когнитивная лингвистика, картина мира, рыцарский роман, научно-фантастический рассказ.

Норкина Е.А.

Аспирант кафедры теории речи и перевода факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва (г. Саранск, Республика Мордовия).

Полегаева Е.Д.

Аспирант кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, преподаватель кафедры теории речи и перевода, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, (г. Саранск, Республика Мордовия).

Резепова Н.В.

Доцент кафедры западноевропейских языков ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), доцент кафедры иностранных языков №2 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, (г. Москва).

Феномен фантастического в когнитивном пространстве художественного текста*

С каждым годом появляется все больший интерес к фантастической литературе, не только современной, но и к древнему фантастическому эпосу. Фантастическая литература позволяет раздвигать границы сознания, погружаться в неведомое, тем самым отвлекаясь от повседневной суеты. Погружаясь в такую атмосферу, наш мозг моделирует в какой-то степени схему будущего, чем и объясняется повышенный спрос на фантастические произведения.

Актуальность статьи обусловлена обращением авторов к сложной проблеме анализа феномена фантастического, вплетенного в когнитивное пространство текста.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что авторы, рассматривая феномен фантастического внутри пространства текста и учитывая все параметры его когнитивного пространства, предлагают конкретные выводы, подтверждающие предположение о том, что когнитивный опыт автора текста в значительной степени доминирует при создании им всей структуры текста произведения.

Цель статьи заключается в систематизации точек зрения по вопросу фантастического в художественной литературе для выявления основных критериев для последующей интерпретации изучаемого феномена.

Задачи статьи предопределены поставленной целью и предполагают обсуждение вопросов, связанных с определением феномена «фантастическое»; функционированием фантастического в синхроническом и диахроническом аспектах; роли и места автора художественного текста, инициирующего фантастические элементы, вплетаемые в ткань текста.

В нашей статье рассматривается феномен фантастического как в современной литературе, так и в литературе эпохи Средневековья, присутствует попытка сравнения литературы двух временных эпох с целью выделения главных критериев в формировании феномена фантастического на протяжении этих эпох.

Ученые определяют концепт «фантастика» как жанр художественной лите-

* © Норкина Е.А., Полегаева Е.Д., Резепова Н.В., 2019.

Феномен фантастического в когнитивном пространстве художественного текста

ратуры, кино, изобразительного и других форм искусства. Для фантастического жанра характерно использование фантастического допущения, «элемента необычайного», нарушение границ реальности [4]. Современные исследователи выделяют следующие поджанры фантастики: научная фантастика, киберпанк, литература ужасов, мистика, магический реализм, фэнтези и др.

Основным элементом жанра фантастики является фантастическое допущение или идея. Данный феномен заключается в том, что в произведение вводится некий фактор, который не встречается или невозможен в реальном мире [4]. Фантастическое в произведении противопоставляется реалистическому: вымыслу, однако этот вымысел не противоречит происходящему в действительности, которую описывает реалистическая литература. Это объясняет тот факт, что литературные приемы, способы текстопостроения и проблематика фантастических и реалистических произведений не различаются, а фантастический антураж, создаваемые описанием нестандартных условий, научных и ненаучных гипотез, помогает раскрывать характер и мотивы героев, а также проблематику произведения [4]. И.В. Лаптева считает, что фантастическое представляет собой видоизмененную действительность, никогда не отрывается «ни от реальной жизни, ни от людей и содержит их переживания, социальные проблемы, проблемы искусства», поскольку именно наблюдая реальный мир, субъект превращает его в фантастический вымысел посредством гротеска, сатиры, юмора и других элементов комического. [9, с. 59]

Истоки фантастического, прежде всего, стоит искать в фольклоре. Пример, волшебная сказка, миф. На данном этапе появляются фантастические существа - боги, кентавры, чудища. В сюжете возникают ситуации, связанные с магией, волшебством. Первобытный человек, познавая мир, не делал различий между реальностью и фантазией, в результате чего само представление о реальности становилось фантастичным.

В эпоху античности фантастическое в литературе представлено фантастическими приключениями в разных частях земного шара и за его пределами: герои попадают в страну великанов, людоедов, карликов, в местность со странной природой, растениями и животными, сражаются со злодеями, посещают страну блаженных. Примерами фантастики могут послужить следующие произведения: «Невероятные приключения по ту сторону Туле» Антония Диогена, «Путешествия Гулливера» Свифта.

В средневековье происходит подавление чудесного, фантастического. Однако фантазийные мотивы волшебных сказок, многие из которых берут исток в кельтских мифах и легендах, с XII века начинают проникать в героический эпос, становясь основой нового литературного жанра – рыцарского романа, где мир реальный соприкасается с миром сказочным, где рыцари переживают различные приключения во время своих путешествий.

Начиная с эпохи Возрождения и вплоть до XX века, фантастическое в литературе находит свое отражение в утопиях, сюжеты представляют научно-фантастическую игру воображения, появляются религиозно-мифологические образы.

XX век привел к формированию научной фантастики. Действия в литературе чаще происходят в будущем, героям приходится иметь дело с новейшими научными изобретениями, неизведанными явлениями.

Следовательно, можно сделать вывод, что феномен фантастического присутствовал в литературе на протяжении всей истории человечества. Та или иная эпоха привносила свою толику в процесс формирования сегодняшней фантастической литературы.

В XX широкое развитие получили подразделения лингвистики, посвященные когнитивным исследованиям языка, например, когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, психолингвистика, и другие. В настоящее время считается, для многих областей знаний представляется важным развитие теоретических и практических проблем, поднимаемых в рамках когнитивной парадигмы [13].

Пристальное внимание лингвисты, занимающиеся исследованием когнитивных аспектов языка, уделяют изучению художественного текста. Согласно Е.С. Кубряковой, текст следует рассматривать в качестве такого элемента, в котором все его составляющие единицы (архитектоника, организация, использованные языковые средства) формируют у рецептора ментальную модель, за счет которой читатель способен выйти за рамки данного текста, получить возможность свободно интерпретировать произведение. [6, с. 517]. Каждый автор представляет себе модель читателя своих текстов, даже те, кто намеренно «затуманивают свою мысль», чтобы сделать написанное произведение более элитарным. Тем не менее, любой художественный текст вовлекает адресата в лабиринт рассуждений автора, тем самым позволяя появиться множеству интерпретаций [2, с. 37]. Когнитивная лингвистика, в свою очередь, изучает содержательную сторону текста, которую составляют определенные структуры знания, служащие его пониманию и толкованию.

Понятие «когнитивное пространство текста» тесно связано с термином «ментальное пространство», который в начале 80-х годов прошлого века ввел Ж. Фоконье [14]. В трактовке Ж. Фоконье это понятие обозначает области, используемые для порождения и объединения информации.

Идеи Фоконье развивал в своих трудах Дж. Лакофф, который считал ментальное пространство средой концептуализации и мышления. По Лакоффу, к ментальным пространствам относятся: во-первых, существующая реальность и то, как мы понимаем ее, во-вторых, вымысел, отображенный в картинах, фильмах и т. д., в-третьих, наше понимание будущего, в-четвертых, гипотетические ситуации, и в-пятых, абстрактные понятия и категории (концепты различных сфер знаний) [15].

Таким образом, именно в ментальном пространстве концептуализируется опыт человек, приобретенный в процессе познаний действительности, и в этом смысле это понятие соответствует термину «когнитивное пространство».

По мнению многих исследователей-когнитологов художественный текст – это некая модель, которую можно репрезентировать путем моделирования его когнитивного пространства при помощи структур знания, заложенных в этом тексте. В одной из своих работ Е.С. Кубрякова пишет, что каждый созданный человеком художественный текст представляет собой вербализующую репрезентацию вымышленного, фантазийного мира, который возник в сознании его автора, и мир этот создается исключительно посредством операций над знаками языка [7, с. 21].

Эту же идею мы находим у Л.В. Татару, согласно которой художественный текст – это глобальная ментальная репрезентация мира, описанного в произведении, полученная «в процессе порождения и восприятия этого мира» [12, с. 124].

Так, исследователи приходят к выводу, что исследование когнитивного пространства художественного текста позволяет установить связи между структурами языка и структурами знания, то есть продемонстрировать как знание или фантазия (когниция или псевдокогниция) находит отображение в языковой форме.

Исследования феномена «фантастическое» в когнитивном пространстве художественного текста представляет несомненный интерес, поскольку, в этом случае

мы имеем дело с языковой репрезентацией авторской фантазии, которая не встречает никаких ограничений, поскольку то фантастическое, что описывает писатель, не существует в реальном мире.

Рассмотрим прием «фантастического» на примере средневековой поэмы «Песнь о Роланде». «Песнь о Роланде» – поэма, относящаяся к героическому эпосу Франции, которая представляет собой одну из вершин средневековой поэзии. В поэме повествуется о битве Роланда, племянника Карла Великого, с маврами, в результате которой, после предательства отчима героя Ганелона, Роланд героически погибает. «Песнь о Роланде» была написана около 1100 года неизвестным автором. Следует отметить, что далеко не весь героический эпос открыто изобилует приемами фантастики, но в данной поэме мы находим ее скрытые выражения.

В качестве основного фантазийного элемента в поэме выступают преувеличенные восхваления доблести франков, защищающих родину, возвеличивание главного героя поэмы графа Роланда и Карла Великого, являющегося воплощение мудрости и силы, чья мощь рассыпает в прах стены и замки противников [10].

В поэме граф Роланд изображен воином исключительной силы и мужества, которые описаны не без доли преувеличения и фантазии автора. Так, согласно «Песни» Роланд мог разрубить пополам противника и его коня («В спине коня завяз булатный меч, / И конь, и мавр на поле битвы пали» [10]), а сам при этом оставался фантастически неуязвимым, хотя в бою его лишили коня, разбили щит и разорвали кольчугу [10]. В конкретном примере фантазия автора приукрашивает доблесть Роланда, передавая любовь народа к герою.

Очередной пример фантастического встречается после описания смерти Роланда. Когда же доблестный воин пал, с небес слетаются ангелы, чтобы оплакать его, сам создатель меняет порядок устройства мира, продлевая день, чтобы Карл Великий смог отомстить маврам за убийство племянника.

Также с помощью приема фантастического передается напряжение военных баталий, воспеваются разгром войска мавров франками, показываются отвага и мужество франков, и, несомненно, самого Роланда.

Обобщив вышесказанное, в средневековой поэме «Песнь о Роланде» можно найти значительное количество случаев вкрапления фантастики: упоминания об мифических существах, гиперболизация физических сил героев, фантастические природные условия.

Следовательно, мы можем утверждать, что в текстах средневекового эпоса также можно найти элементы фантастического, как и в произведениях современной фантастики.

Как было сказано выше, тексты научной фантастики связаны с прогрессом и техническими изобретениями. Таким образом, обращение к научной или наукообразной основе НФ текстов представляется совершенно необходимым при их когнитивном осмыслении, поскольку они в той или иной форме основаны на определенном формате знания и познания, являющихся базовой категорией когнитивистики, а также когнитивной лингвистики. Автор, создавая научно фантастический текст, сам для себя пытается познать (на базе науки или паранауки) суть создаваемого концепта (замысла). Как правило, целями НФ текстов выступают «развлечение, размышление, моделирование, предостережение, побуждение к развитию той или иной научной сферы» [3, с. 12], выбор целей во многом определялся историческим периодом [3, с. 9]. Так, в 20-е годы прошлого века в США НФ тексты считались развлекательной

литературой, а наука в них служила лишь средством «оживления сюжета» [1, с. 42].

Появление первых НФ текстов тесно связано с научно-технической революцией, когда люди увидели, какие возможности открываются перед ними, и их воображение устремилось вперед, в попытке предугадать, какое будущее принесут новые изобретения. В «Путешествии Ганса Пфааля» Э.А. По описывает полет на Луну, идея возможности осуществления которого появилась задолго до 1835 года, когда был написан рассказ (подобная идея была описана еще в 1656 году Сирано де Бержераком – «Иной свет, или Государства и Империи Луны»). Заслугой Э.А. По следует признать то, что он заложил основной принцип научной фантастики: «попытаться достигнуть правдоподобия, пользуясь научными принципами в той мере, в какой это допускает фантастический характер самой темы» [5, с. 241]. Поэтому его рассказ изобилует множеством деталей, педантичным описанием приборов и их показателей, действий и чувств рассказчика, видов, открытых перед ним (*indications – показания приборов, barometer – барометр, at the height of 1,000 feet – на высоте 1000 футов, about one-thirtieth of the entire mass of atmospheric air – около одной тридцатой части всей массы атмосферного воздуха, at 10,600 – на высоте 10 600 футов, nearly one-third – около трети, at 18,000 – на высоте 18 000 футов, at elevation of Cotopaxi – на высоте Котопакси, one-half the ponderable, body of air incumbent upon our globe – весомой массы воздуха, облегающего нашу планету* [11]). Когда же мы доходим до описания летательного аппарата, мы видим яркий пример того, как фантазия ограничивается земным опытом. Поскольку, в то время основным летательным аппаратом выступал воздушный шар, то и для своего рассказа автор остается в границах привычной ему когниции (реальные знания о мире [8, с. 252]), хотя и подчеркивает лексически его некоторое отличие от обычных воздушных шаров (“surely no such balloon had ever been seen in Rotterdam before” / «без сомнения, такого шара еще не выдввали в Роттердаме» [11]).

На Луне рассказчик встречает лунный народ, но, так как основной идеей произведения было изображение полета, то описанию жизни на Луне и ее обитателей посвящен лишь один абзац. Здесь мы можем говорить о псевдокогниции, т.е. «актуализации заведомо ложных знаний» [8, с. 250]. Следует отметить, что и то немногое, что По представляет из описания жителей Луны, как например, отсутствие у них ушей, автор пытается обосновать особенностями атмосферы (“those useless appendages in an atmosphere so peculiarly modified” / «отсутствии ушей – придатков, совершенно излишних в этой своеобразной атмосфере» [11]), а отсутствие ушей, в свою очередь объясняет то, почему они общаются невербально (“their substitute for speech in a singular method of inter-communication” / «об их способе общения, заменяющем здесь дар слова, которого лишены лунные жители» [11]).

Многие детали полета к Луне современному читателю также кажутся вымышленными, однако, стоит помнить, что в период, когда жил Э.А. По, они соответствовали научному представлению о Земле, Луне и пространстве, то есть отражают представления о картине мира той эпохи.

В «Империи муравьев» (“The Empire of Ants”, 1905 г.) Г. Уэльса в качестве псевдокогниции выступает описание расы разумных муравьев. Замысел автора – показать, насколько мала власть человека на Земле. Действие рассказа происходит в тропических джунглях Южной Америки, описание которых, их бесконечность и непобедимость, где человек чувствуют себя чужим, основано на реальности, так как встречаются названия реальных топонимов (Alemquer – Алемкуэр, Southport

– Саутпорт, the Amazon – Амазонка), названия животных, обитающих в данной местности (alligator – аллигатор, turtle – черепаха и др.). Разумные муравьи приобретают антропоморфные черты, способность координировать действия, ношение одежды (“moving with steady deliberation very different from the mechanical fussiness of the common ant” – «двигались с неизменной рассудительностью, сильно отличающейся от бессмысленной суетни обыкновенных муравьев», “with an exceptionally large head” – «обладал необыкновенно большой головой», “they seemed to be directing and coordinating the general movements” – «они, казалось, направляли и координировали массовые движения», “they tilted their bodies back in a manner altogether singular as if they made some use of the fore feet” – «они как-то странно откидывали свои туловища назад, точно пользовались каким-то образом передними конечностями», “most of these ants were wearing accoutrements, had things strapped about their bodies by bright white bands like white metal threads” – «на большей части этих муравьев было что-то вроде обмундирования – какие-то штуки, прикрепленные вокруг туловища широкими белыми полосами, напоминающими металлические нити» [16, с. 88-89]). Организованность, многочисленность и ядовитые укусы делают муравьев опасными противниками, что и постулируется в заключении рассказа.

Таким образом, мы получаем подтверждение, что фантазия, псевдокогниция писателя ограничена его земным опытом, той картиной мира эпохи, в которой он существует и на основе которой формируется его собственная картина мира, а также представлениями о мире, бытующими в период создания художественного текста. Очевидно также, что пространство художественного текста подвержено реконструкторизации, и, следовательно, познаваемо. Фантастическое – это некая гипербола, служащая для привлечения внимания реципиента как к эксплицитной, так и имплицитной информации текста. Именно эта категория наиболее ярко отображает все те элементы художественного пространства текста, которые призваны для визуализации реципиентом основных составляющих индивидуальной картины мира автора, заключенной в определенные концепты. Рефлексия читателя позволяет обнаружить все те связующие элементы, благодаря которым текст начинает жить как некий организм, актуализирующий те знания, которые формируют, в конечном счете, культурное пространство эпохи, порождающей этот текст.

References

- [1] Danilov D.D. Features of the science fiction genre in the work of Howard Lovecraft // Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism. Vol. 50. 2011. № 3. P. 42-48.
- [2] Ivleva A.Yu. The role of the reader in creating the artistic space of the text // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. № 5. P. 37-42.
- [3] Inyashkin S.G. Linguistic-discursive features of American science fiction in the mid-twentieth century: Aftoref. diss. ... cand. filol. sciences. Moscow, 2013. 23 p.
- [4] Map of words and expressions of the Russian language // URL: Access mode: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D1%84%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (01/11.2018)
- [5] Kovalev Yu.V. Edgar Allan Poe, novelist and poet: monograph. L.: Publishing house Fiction, 1984. 296 p.
- [6] Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to gain knowledge of the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p.
- [7] Kubryakova E.S. About mental representations // Problems of representation (representation) in the language. Types and formats of knowledge: Sat. scientific labor. RAS. Institute of Linguistics; Min-image. and science of the Russian Federation. TSU named after G.R. Derzhavina. M.-Kaluga: IP Koshelev A.B. (Eidos Publishing House), 2007. P. 13-28.

- [8] Kuzmina I.S. Cognition and pseudocognition as a textual phenomenon (based on the material of a children's literary fairy tale in English) // Linguistic and extralinguistic problems of communication: theoretical and applied aspects: interuniversity. Sat scientific tr from the international participation. Vol. 7. Saransk: Publishing House of Mordov. University, 2009. P. 250-254.
- [9] Lapteva I.V. Fantastic E. T. A. Hoffmann in the culture of the turn of the XX-XXI centuries. // Bulletin of Tomsk State University. 2008. № 308. P. 56-61.
- [10] Song of Roland // URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00178781221564916351/> (01.11.2018)
- [11] Po E.A. The Unparalleled Adventures of One Hans Pfaal // URL: <http://www.rulit.me/books/the-unparalleled-adventures-of-one-hans-pfaal-read-65317-1.html> (12.28.2017)
- [12] Tataru L.V. Global mental representation of narrative text // Sat. materials September 29 - October 1, 2010 / holes. ed. Boldyrev; M-arr. and science of the Russian Federation, Institute of Linguistics Ros. Academy of Sciences, Administration of the Tambov Region, GOUVPO "Tamb. state un-t them. G.R. Derzhavina", Russian Association of Linguists-Cognitologists. Tambov: TSU them. G.R. Derzhavina, 2010. 555 p.
- [13] Shevyakova Yu.I. Cognitive space of literary text. In the collection: West and East in the dialogue of cultures collection of materials of the International scientific-practical conference. Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shansky, Institute of Philology. 2016. P. 197-200.
- [14] Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1994. 205 p.
- [15] Lacroff G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago: University of Chicago Press, 1996. (Second edition, 2003). 486 p.
- [16] The Phoenix Pick Anthology of Classic Science Fiction Stories / Edited by P. Cook. Rockville: Phoenix Pick, 2008.

Библиографический список:

- [1] Данилов Д.Д. Особенности жанра научной фантастики в творчестве Говарда Лавкрафта // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 50. 2011. № 3. С. 42-48.
- [2] Ивлева А.Ю. Роль читателя в создании художественного пространства текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5. С. 37-42.
- [3] Иняшкин С.Г. Лингводискурсивные особенности американской научной фантастики середины XX в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 23 с.
- [4] Карта слов и выражений русского языка // URL: Режим доступа: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%84%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (11.01.2018)
- [5] Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По, новеллист и поэт: монография. Л.: Изд-во Художественная литература, 1984. 296 с.
- [6] Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- [7] Кубрякова Е.С. О ментальных репрезентациях // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов. РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина. М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. С. 13-28.
- [8] Кузьмина И.С. Когниция и псевдокогниция как текстовое явление (на материале детской литературной сказки на английском языке) // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием. М. Вып. 7. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. С. 250-254.
- [9] Лаптева И.В. Фантастическое Э. Т. А. Гофмана в культуре рубежа XX-XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 56-61.
- [10] Песнь о Роланде // URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00178781221564916351/> (11.01.2018)
- [11] По Э.А. The Unparalleled Adventures of One Hans Pfaal // URL: <http://www.rulit.me/books/the-unparalleled-adventures-of-one-hans-pfaal-read-65317-1.html> (28.12.2017)
- [12] Татару Л.В. Глобальная ментальная репрезентация повествовательного текста // Сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 года / отв. ред. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Ин-т языкознания Рос. академии наук, администрация Тамбовской области, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 559 с.
- [13] Шевякова Ю.И. Когнитивное пространство художественного текста. В сборнике: Запад и Восток в диалоге культур сборник материалов Международной научно-практической конференции. Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Институт филологии. 2016. С. 197-200.
- [14] Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1994. 205 p.
- [15] Lacroff G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago: University of Chicago Press, 1996. (Second edition, 2003). 486 p.
- [16] The Phoenix Pick Anthology of Classic Science Fiction Stories / Edited by P. Cook. Rockville: Phoenix Pick, 2008.

Kurmaz Y.V.

Senior lecturer of the Department of architecture and urban planning, postgraduate Federal state budgetary educational institution of higher education Tyumen industrial University.

The world-view of the era in the reflection of architectural space

Abstract. This article is the result of characterization, analysis of the worldview of the epochs and the corresponding spatial solution of architecture. For this purpose, the following were considered: cosmogonic representation of ancient civilizations, ancient Greek and Roman culture with a characteristic order construction of architectural space; culture of theocratic society with the Christian religion (with a basilical and cross-domed solution of the temple). The worldview of the era is formed as some universals. Myths in ancient cultures were reproduced in the images of spaces. A particularly considered and played form of the ancients is the circle. Ancient Greece and Rome were the beginning of the order system, arranged by Vitruvius and Palladio. Religious worldview allows a person to assess historically their position in existence, and correlate with the absolute. The theoretical nature of knowledge is associated with the philosophical worldview. Scientific character of knowledge is connected with scientific Outlook. The twentieth century was for architecture a search for the interaction of function, technology, artistic expression through the philosophical and scientific doctrines of the time.

Key words: worldview of the era, architectural space, scientific picture of the world, model of cult space, temple, cosmos, universe, symbol.

Курмаз Ю.В.

Аспирант, Русская Христианская Гуманитарная Академия (г. С-Петербург), старший преподаватель кафедры архитектуры и градостроительства, ФГБОУ ВО Тюменский индустриальный университет.

Мировоззрение эпохи в отражении архитектурного пространства

Аннотация. Данная статья является результатом характеристики, анализа мировоззрения эпох и соответственного для них пространственного решения архитектуры. Для этого были рассмотрены: космогоничное представление древних цивилизаций, античной греческой и римской культуры с характерным ордерным построением архитектурного пространства; культура теократического общества с христианской религией (с базиликальным и крестово-купольным решением храма). Мировоззрение эпохи складывается как некие универсалии. Мифы в древнейших культурах воспроизводились в образах пространств. Особо рассматриваемая и обыгранная форма древних – круг. Античная Греция и Рим явились началом ордерной системы, переложенной Витрувием и Палладием. Религиозное мировоззрение дает человеку оценивать исторически свое положение в бытии, и соотносить с абсолютном. Теоретический характер познания связан с философским мировоззрением. Научный характер познания связан с научным мировоззрением. Двадцатый век стал для архитектуры поиском взаимодействия функции, технологии, художественной выразительности через философские и научные доктрины времени.

Ключевые слова: мировоззрение эпохи, архитектурное пространство, научная картина мира, модель культового пространства, храм, космос, вселенная, символ.

Курмаз Ю.В.

Аспирант, Русская Христианская Гуманитарная Академия
(г. С.-Петербург), старший преподаватель кафедры архитектуры
и градостроительства, ФГБОУ ВО Тюменский индустриальный университет.

Мировоззрение эпохи в отражении архитектурного пространства*

Мировоззрение эпохи складывается как некие универсалии, категории, которые заключают в себе накопленный социальный, культурный, практический опыт. В системах мировоззрения человек оценивает, осмысливает, переживает мир, сводит в целостность все явления действительности¹.

Мировоззрение можно определить как совокупность взглядов, оценок, норм и установок, определяющих отношение человека к миру и самому себе. По мнению профессора Радугина, если говорить об эпохальном мировоззрении, то наиболее ранним является мифическое представление. Оно зафиксировало в исторических источниках стремления первобытного человека упорядочить представления вокруг себя, понимания кто он есть сам, и где, в каком миропорядке живет. В общем, мифологическое представление включает в себя и начатки научной картины мира. Представления космогонического характера носят ту степень практического познания, которую человек мог освоить и схематизировать в виде своего представления абсолютного².

Мифы в древнейших культурах воспроизводились в образах пространств, созданных руками людей самой первой архитектуры. Простейшие изображения могли служить опорными точками ориентации в мире и ближайшем родовом кругу. Абстрактные формы, как способность интеллектуального мышления, были рождены человеком как противопоставление природному окружению и как элемент познания себя и выделения из него. Примером могут служить некоторые места в пространстве, закрепленные культовым знаком, также закрепленные типы образов, принесенные из звериного мотива. Достаточно взглянуть на каменистое плато южного Перу, где лежат огромные рисунки, графика ушедшей цивилизации Наска. Кромлех Стоунхендж из Англии, по мнению наиболее частому, имел культовое назначение с астрономическим уклоном, линии просветов камней фиксировали положение солнца. Простота и утилитарность архитектурой формы, черта присущая древним постройкам. Можно взглянуть на пирамиды Египта в Гизе, перед зрителем последует простая тектоника, выверенная геометрически и обозначенная культом функционально.

Особо рассматриваемая и обыгранная форма древних – круг. Этот символ, трактуемый как небо, край территории, формы солнца и т.д., чаще других выражал суть абсолютного и мироустройства в целом. Не случайны центричные первые поселения прославыян, например городище Березняки, или села Боршева на Дону.

«Становясь Осью мира (Axis Mundi), центр поселения или храм принимал на себя функцию связи между Небом и, Землей и Адом. Эта связь должна была получить архитектурное овеществление – такая связь воплощалась в образе Свя-

* © Курмаз Ю.В., 2019.

Мировоззрение эпохи в отражении архитектурного пространства

1 Степин В.С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. 61 с.
2 Радугин А.А. Философия: Курс лекций. - М.: Владос, 1995. 18 с.

щенной горы, где встречаются Небо с Землей, столпа или Мирового дерева. Функции Священной горы принимал на себя храм или дворец. В верованиях Двуречья Небо, Землю и различные территории соединяет «Гора стран». Как ее воплощение создавался зиккурат, семь этажей которого представляли семь небес, соответствующих семи планетам (зиккурат в Борсипе) или семи цветам мира (зиккурат в Уре)³.

Античная Греция и Рим явились началом ордерной системы, переложенной Витрувием и Палладио, давшей основу стилю классицизм. В корне математического расчета храмов лежит пропорция и масштаб, связанные с человеком (модуль, радиус колонны равен среднему размеру мужской стопы). Мироустройство космос, где все имеет свое место, и не должно нарушать порядок вещей, установленный во вселенной, где человек тоже часть этой вселенной отражает эпохальное мировоззрение и научную картину мира.

Религиозное мировоззрение дает человеку оценивать исторически свое положение в бытии, и соотносить с абсолютном. Проявилось оно наиболее в период Средневековья в странах с теократической формой власти. «Первые упоминания о теократии встречаются в священных писаниях и религиозных трактатах, дошедших до нас с древнейших времен. Как правило, теократические идеи развивались в рамках отдельных вероучений, во многих из которых встречаются представления о некоем наивысшем, идеальном (райском) обществе, где люди живут под непосредственным божественным руководством в беззаботно-счастливым досуге и полной гармонии с божественной волей. Здесь торжествуют добро, справедливость, любовь, отсутствуют какие-либо человеческие пороки. Рай может видеться в минувших событиях прошлого либо, наоборот, в отдаленной перспективе будущего человечества, принимая образы «царства божьего», «золотого века», «царства сына человеческого» и т. д. В отдельных вероучениях, например в древнеегипетской религии, исламе, буддизме, зороастризме и христианстве»⁴.

«Модель пространства поклонения христианского храма обычно раскрывается через тип базиликального и центрального крестово-купольного построения объема здания. Начинается путь восхождения с нартекса или притвора (на западной стороне), где люди проходили оглашение и начинали свой путь веры. Центральное место храма занимает среднее положение двух пересекающихся нефов и подкупольное пространство, поднимающееся над ним, где символически запечатлено главное, сердечное, действие литургии. Обычно это самое высокое и широкое объемное решение. С боковых сторон пространства храма меньше и убывают по высоте. Иерархичное расположение объясняют так же и росписи. Восхождение происходит к главному образу в куполе Христа-Пантократора, а затем снижаясь к апостолам и святым.

Апсиды, расположенные за перекрестием обозначают «горнее место» или алтарное, выходящее на восточную сторону. «Алтарь – основная святыня храма, освящающая все здание. Алтарь – та часть храма, которая символически изображает «селение Божие», «небо небесе», место, по словам св. Германа, патриарха Цареградского, где восседает на престоле с апостолами Христос.»⁵.

Указанные выше типы мировоззрения носят духовно-практический характер

3 Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: КомКнига, 2006. 120 с.

4 Салыгин Е.Н. Теократическое государство. //«Наука образование»: электронная научная библиотека. М., 2017. // URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/politika/218361/fulltext.htm (08.08.2019).

5 Курмаз Ю.В. Картина религиозного мироустройства и ее модели пространства поклонения. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 48-50.

познания. Теоретический характер познания связан с философским мировоззрением. Научный характер познания связан с научным мировоззрением. В.И. Вернадский пишет: «Философия никогда не решает загадки мира, она их ищет. Она пытается охватить жизнь разумом, но никогда достигнуть этого не может»⁶.

Двадцатый век стал для архитектуры поиском взаимодействия функции, технологии, художественной выразительности через философские и научные доктрины времени, мировоззрения культуры, ярко сменяющие друг друга. Это может подтвердить короткая жизнь стилей в зодчестве часто не достигающая даже 10 лет, например, архитектура, основанная на социальных утопиях Ш.Фурье, вдохновившая его успехами науки и техники, модерн начала века, захвативший в свой маньеризм и художников авангардистов и архитекторов, мечтающих о гармоничном обществе с таким же пространством вокруг. Философия Гете дала толчок для становления антропософской архитектуры, которая как бы встала на плечи модерна. Новая скульптурная пластика подразумевала духовное развитие человека, отождествляющего себя с природой. Органичную связь с природой, в противовес машинному веку поддерживал Ф.Л. Райт, создавая перетекающее пространство изнутри наружу и, как бы закручиваясь вокруг очага - ядра дома. Футуристическая архитектура искала методы безразрывной наследственности архитектуры в век технологий.

Технократические утопии Вальтера Гропиуса и Ле Корбюзье были призваны найти тот эстетизм, который вернул бы архитектуру в центр образного законодателя рационального пространства.

И, наконец, в заключении хочется сказать об архитектуре постмодерна, которая приобрела язык для описания мировоззрения своей эпохи словами Ч. Дженкса, - «...постмодернистский архитектор, подобно художнику-сюрреалисту, кристаллизует свой собственный духовный мир вокруг возможных находящихся под рукою метафор. Метафизика, таким образом, выражается через любую подразумеваемую или явную метафору, которая обозначена формой»⁷.

References

- [1] Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist. - М., 1988. 331 p.
- [2] Ikonnikov A.V. Space and form in architecture and urban planning. - М.: KomKniga, 2006. 352 p.
- [3] Kurmaz Yu.V. A picture of the religious world order and its model of the space of worship. Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. № 11-1. P. 48-50.
- [4] Radugin A.A. Philosophy: Course of lectures. - М.: Vlados, 1995. 304 p.
- [5] Salygin E.N. Theocratic state. // "Science Education": electronic scientific library. Moscow, 2017. // URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/politika/218361/fulltext.htm (08.08.2019).
- [6] Stepin V.S. Civilization and culture. - SPb.: SPbGUP, 2011. 408 p.
- [7] C. Jenks. The language of postmodern architecture. - М.: Stroyizdat, 1985. 137 p.

Библиографический список:

- [1] Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. 313 с.
- [2] Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: КомКнига, 2006. 352 с.
- [3] Курмаз Ю.В. Картина религиозного мироустройства и ее модели пространства поклонения. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 48-50.
- [4] Радугин А.А. Философия: Курс лекций. - М.: Владос, 1995. 304 с.
- [5] Салыгин Е.Н. Теократическое государство. // «Наука образование»: электронная научная библиотека. М., 2017. // URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/politika/218361/fulltext.htm (08.08.2019).
- [6] Степин В.С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
- [7] Ч. Дженкс. Язык архитектуры постмодернизма. – М.: Стройиздат, 1985. 137 с.

6 Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. 73 с.

7 Ч. Дженкс. Язык архитектуры постмодернизма. – М.: Стройиздат, 1985. 112 с.

Fais-Leutskaia O.D.

*Candidate of Historical Sciences.
Researcher Superior of the Center of European
and American Studies Of the Institute of Ethnology
and Antropology of the Russian Academy of Science.*

Sicilian cuisine in the context of Islamic culture in the middle ages

Abstract. The present article is devoted to the problem, specific features and examples of Arab (Islamic) influence on Medieval Sicilian cuisine in the context of multiethnic and multi-confessional societies of such States as the Emirate of Sicily (827-1072) and the Norman Kingdom (1091 – 1194). The study also analyzes the mutation of the Muslim tradition in the conditions of the region and its adaptation to local tastes, needs and food norms.

Key words: Sicily, Middle Ages, Islamic conquest, Norman Kingdom, Muslim culture, Arab food influence, traditional cuisine, Haram, violation of food prohibitions.

Фаис-Леутская О.Д.

*Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра Европейских
и Американских Исследований Института Этнологии
и Антропологии Российской Академии Наук.*

Кухня Сицилии в контексте исламской культуры в средние века

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме, специфике и конкретным примерам арабского (исламского) влияния на средневековую сицилийскую кухню в контексте мультиэтничности и поликонфессиональности социумов таких государств, как Эмират Сицилии (827 – 1072 гг.) и норманнское королевство (1091 – 1194 гг.). В исследовании также подвергается анализу мутация мусульманской традиции в условиях региона и ее адаптация к локальным вкусам, потребностям и пищевым нормам.

Ключевые слова: Сицилия, Средние века, исламское завоевание, норманнское королевство, мусульманская культура, арабское пищевое влияние, традиционная кухня, харам, нарушение пищевых запретов.

Фаис-Леутская О.Д.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 Центра Европейских и Американских
 Исследований Института Этнологии и Антропологии Российской Академии Наук.

Кухня Сицилии в контексте исламской культуры в средние века*

В последние годы, в свете развития гасистики и Food Studies как глобального исследовательского поля, пища как предмет изучения все больше привлекает внимание исследователей как комплекс конкретных элементов материальной культуры и как совокупность множества социо-культурных кодов и ключей, позволяющих раскрыть характер социума, ментальности населения, традиционных моделей поведения, распределения социальных ролей в обществе – всего того, что в совокупности составляет самобытность той или иной общности. По словам французского философа и семиотика Р. Барта, пища – «не просто набор продуктов...но и система коммуникации, набор образов, протокол употреблений, ситуаций и способов поведения»¹. Историк же Дж. Дики утверждает, что гастрономия того или иного региона есть зеркало, в котором отражаются не только его история и история его завоеваний, но и социум, межкультурные контакты, этнический и конфессиональный, культурный и социальный состав его населения².

Есть и другой аспект обращения к теме кухни. Тема взаимоотношений между представителями различных народов и религий в наши дни в контексте Европы, население которой становится все более полиэтничным и поликонфессиональным по своему составу, предельно актуальна в мировом научном дискурсе. Именно поэтому интерес вызывает опыт мультикультурных государств прошлого, в частности, средневековой арабо-норманнской Сицилии, в которой сосуществовали различные конфессиональные, этнические и культурные сообщества, причем особого внимания заслуживают их взаимоотношения в повседневности, в том числе и социо-культурная и гастрономическая грани этих взаимоотношений³

В силу этого мы и хотим обратиться к феномену сицилийской кухни как объекту изучения.

В частности, мы полагаем интересным остановиться на «укоренении» в ней арабских заимствований в эпохи завоевания Сицилии арабами, создания исламского государства – Эмирата Сицилии (827–1072) а также норманнского королевства (1091 – 1194), в котором культурное влияние арабов сохранялось⁴.

По мнению большинства исследователей, именно арабы оставили решающий

* © Фаис-Леутская О.Д., 2019.

Кухня Сицилии в контексте исламской культуры в средние века

1 Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Академический проект. 2018, С.310.

2 Дики Джон. Delizia! Эпическая история итальянцев и их еды. М.: Вече. 15 с.

3 Houben H. Ruggero II di Sicilia: un sovrano tra Oriente e Occidente. Roma-Bari: Laterza.1999.P.41; Houben H. Normanni tra Nord e Sud. Roma: Di Renzo. 2003.P.9.

4 La Duca R. Da Panormus a Palermo. La città ieri e oggi. Palermo: Vittorietti. 2008. P.67-68; Rigoli S. La Sicilia all'epoca normanna. Palermo: La bottega di Hefesto. 1964. 143 p.

след в различных областях сицилийской культуры⁵. Уточним, что термин «арабское завоевание» применительно к Сицилии достаточно условен. Этнический состав «пришлых» был пестр, о чем пишет, например, Ибн Хаукаль, арабский географ и путешественник X в., посетивший Эмират Сицилии и, в частности, Палермо⁶: арабы составляли 10% новопривывших, остальные включали берберов, сиро-ливанцев, критских сарацин, даже иранцев⁷.

И все же в культуре, включая алиментарную, начиная с IX в. начинает довлеть именно арабское, или, точнее, мусульманское влияние. Его глубина объясняется, как мы полагаем, не только самим фактом завоевания, но и рядом дополнительных факторов.

Во-первых, арабы не оставили без внимания ни одну сферу локальных экономики, культуры и повседневности. При них Сицилия переживает период подъема, в первую очередь в сфере сельского хозяйства.⁸ Было внедрены многие сельскохозяйственные культуры: цитрусовые, сахарный тростник; абрикосы и персики; дыни и арбузы; баклажаны, спаржа, артишоки; плоды рожкового дерева; опунция и финиковая пальма; рис; разнообразные пряности⁹. Арабы привнесли новые техники рыбной ловли, культуру кофе, с ними связано и появление первых в Европе макаронных изделий¹⁰.

Во-вторых, высокой степени ассимиляции мусульманской культуры сицилийцами способствовала, на наш взгляд, и достаточно мягкая тактика завоевателей в отношении местных жителей, за которыми сохранялись родной язык и свобода вероисповедания. Правда, христиане и иудеи облагались двумя специальными налогами – подушной джизьей, которую платили в обмен на личную защиту и неприкосновенность имущества, и поземельным хараджем. Освобождение от налогов обеспечивал переход в ислам, который происходил настолько массово, что уже к середине XI в. мусульманами стали $\frac{3}{4}$ населения острова¹¹.

В-третьих, аккультурации сицилийцев способствовал и демографический фактор: численность жителей одной только столицы, Палермо, при арабах в кратчайший период возрастает более чем в 10 раз, с 25 тыс. человек до рекордной для того времени цифры в почти 300 тыс. человек (!), за счет притока населения, «притянутого» в город на волне завоевания¹².

В-четверых, и в Эмирате Сицилии, и в королевстве норманнов, в котором арабская культура сохранялась, на практике воплощались принципы «плавильного тигля», что значительно увеличивало площадь контактов, в том числе и культурных, между представителями различных этносов, культур и религий.

5 Palermo 1070 -1492 (a cura di H.Bresc e G.Bresc-Bautier). Soveria Mannelli-Messina: Rubbettino. 1996. P. 42-43; Di Franco C. Itinerario gastronomico arabo-normanno. Palermo: Lapademi. 2018. P.42.

6 Ibn Hawqal Muhammad. Description de Palerme au milieu du Xe siècle de l'ère vulgaire (trad. Michele Amari). Paris: Imprimerie royale. 1845. P. 11214.

7 Palermo Patera G. Palermo araba. Palermo: La Bottega di Hefesto. 1998. P. 8-9.

8 Amari M. Storia dei musulmani in Sicilia. Firenze: Felice Le Monnier. 2003. V.I. 512 p.; Palermo Patera G. Op.cit. P. 52-53.

9 D'Alba T. La cucina siciliana di derivazione araba. Palermo: Vittorietti.1980. P. 11-18; Riera-Melis A. Il Mediterraneo, crogiuolo di tradizioni alimentari. Il lascito islamico alla cucina catalana medievale // Il mondo in cucina. Storia, identità, scambi (a cura di Montanari M.). Roma – Bari: Gius. Laterza & Figli. 2002. P. 6-28.

10 Al-Idrisi Mohammad. Kitab Rugeri. Palermo: Archivi storici – Flaccovio. 2007.P.48; D'Alba T.Op.cit. 25 p.

11 Amari M. Op.cit. V.I., 480 p.

12 Amari M. Op.cit. V.I., P. 525; La Duca R. Op.cit. P. 69; Palermo Patera G. Op.cit. 8 p.

В итоге именно арабские влияния, по признанию исследователей Сицилии, сыграли решающую роль в оформлении сицилийской кухни как законченного культурно-гастрономического явления¹³.

Мусульманское господство в Сицилии мало исследовано антропологами. Вследствие этого арабские влияния на сицилийскую кухню не становились ранее предметом полноценного антропологического исследования; особое внимание этой теме уделили лишь такие этнологи, как Дж. Кория, П. Корренти и Т. Д'Алба. Это тем более удивительно, что арабам в средневековой Европе принадлежит роль популяризаторов многих традиций античной культуры, в том числе и алиментарной; во многом именно благодаря им новые гастрономические вкусы распространялись в Италии, а потом и в Европе¹⁴.

Нами также, впервые в отечественной науке, был внесен скромный вклад в дело изучения «восточной основы» традиционной сицилийской кухни, преимущественно базирующийся на полевых материалах автора¹⁵.

Помимо отдельных блюд, кухня Сицилии ассимилировала ряд общих характеристик арабской системы питания – например, пристрастие к характерной кисло-сладкой и остро-сладкой вкусовой гамме, достигаемой применением сахара (меда) и уксуса – оно отсутствует в других итальянских региональных кухнях.

На вооружение был взят и принцип подачи одного «единого» блюда, потребление которого и составляет, в сущности, трапезу: в Сицилии и сегодня отсутствует перемена блюд, восходящая к традициям Древнему Риму и характерная для региональных кухонь Италии и в целом для Европы¹⁶.

Также арабам Сицилия обязана существованием огромного «реестра» сластей (сиц. «*così duci*», «сладкие вещи»). Это доказывают документальные свидетельства времен Эмирата и норманнов на Сицилии, наличие прямых аналогов сицилийских сластей в кухнях Магриба и Ближнего Востока¹⁷; богатство ассортимента сицилийских десертов – свыше 250 наименований (факт, не имеющий аналогов ни в Италии, ни в Европе, но имеющий их в восточных кухнях).

Ограничимся лишь единичными примерами «заимствований».

Это, например, кускус (сиц. «*Cuscusu*»), пришедший из кухни берберов: его в Сицилии традиционно готовят как с рыбой, так и с мясом.

Обжаренные колобки из вареного риса с начинкой из мясного фарша, томатов и шафрана – «аранчине» (сиц. «*Arancine*») – обнаруживают сходство с колобками кеббе, распространенными в кухне Туниса.

Арабской считается «Стигьола» (сиц. «*Stigghiola*») – кишки ягненка/козленка на вертеле; их жарят фаршированными смесью соленого овечьего сыра с луком, чесноком и томатом.

Арабское блюдо Магриба, «Забиййа» (араб. «*Zabibiya*»), жареная рыба, залитая сладким уксусом, в котором проварили изюм, засыпаемая при подаче дро-

13 Amari M. Op.cit. V.I.,P.468; La Duca R. Op.cit. P. 65-66;

14 Каппати Ф., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. Москва: Новое Литературное Обозрение. 2006. С. 138-139,144.

15 Фаис О. Плавильный тигель сицилийской гастрономии: восточный компонент //Вестник антропологии. № 2. 2018. С. 138-154; Фаис О. Арабское наследие в традиционной кухне Сицилии//Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. Москва: Издательство «МГИМО-Университет». 2019.

16 D'Alba T.Op.cit. 18 p.

17 Фаис О. Арабское наследие...С. 273-276.

бленным миндалем с добавлением богатейшего «набора» пряностей, имеет полный аналог в Сицилии – «Лентичи а сарса ри мента» (сиц. «Lentici a Sarsa ri Menta»), или «Зубан под мятным соусом».

Все исследователи кухни единодушно считают арабскими многочисленные блюда на основе баклажан, которыми славится Сицилии, в частности, «Капонату» (сиц. «Caponata») – «кальку» тунисского «Баба гануша» («Baba ghanoush»), «Салуна(х)а» («Saluna(h)») (Оман) и «Мутаббала» («Mutabbal») (Саудовская Аравия).

Примеры арабского влияния можно найти и среди продукции хлебопечения в Сицилии. Так, хлеб «табиска» (сиц. «Tabisca»), название которого происходит от арабского термина «tabisc», обозначающего лепешку из пресного теста, представляет собой плоскую ковригу, которую перед запеканием, в соответствии с древней традицией, смазывают оливковым маслом и подсаливают¹⁸.

Говоря о сицилийских десертах, нельзя не упомянуть и такой знаковый шедевр, как «Кассату» (сиц. «Cassata») – покрытый глазурью сладкий круглый бисквитный торт, слои которого перемежаются кремом на основе творога, меда, сахара и засахаренных фруктов. В отношении происхождения этого десерта существуют конкретные древние документальные свидетельства. Так, его готовили арабские повара при дворе норманнского короля Ружера¹⁹, хотя данная сладость была известна и ранее, в эпоху Эмирата²⁰.

Список восточных заимствований можно было бы продолжать бесконечно, но следует отметить один существенный момент, характеризующий многие «арабизмы» в традиционной кухне Сицилии и заставляющий задаться рядом вопросов о характере культурных и конфессиональных взаимоотношений «пришлых» и «местных» в эпоху Средневековья в этом регионе.

При всей широте и глубине влияния мусульманской культуры на Сицилию, при том, что доля блюд арабского происхождения в сицилийской традиционной кухне превышает 60 % ее объема²¹, исламизация Сицилии не смогла «сокрушить» некоторые основополагающие принципы локальной системы питания, заложенные до начала мусульманской культурной «интервенции».

Речь идет об использовании вина в готовке и о широчайшем применении свиного смальца или свинины, тем более что традиционная сицилийская кухня всегда тяготела – и продолжает тяготеть – к использованию лярда как основного вида жира для готовки (распространение оливкового масла есть результат средневекового еврейского влияния на традиционную кухню Сицилии; оно достигает пика своей популярности лишь во второй половине XX в.). Таким образом, на примере Сицилии в контексте Эмирата и норманнского королевства нам приходится констатировать «становление», наличие и «хождение» блюд арабской (мусульманской) рецептуры с заведомо запретными для ислама компонентами.

Обратимся, например, к таким блюдам, как «Санджели» (сиц. «Sangeli») – сладкой кровяной колбасе с цукатами, сахаром и медом, или «Мпанатигги» (сиц. «Mpanatigghi») – пирожкам с начинкой из мяса, цукатов, сахара, засахаренных фруктов, меда и корицы. В Сицилии их традиционно относят к числу прямых арабских заимствований, в основном опираясь на мнение такого эксперта, как

18 Atlante del pane di Sicilia. Agrigento: Consorzio "Gian Pietro Ballatore". 2004. 280 p

19 Al-Idrisi Mohammad. Op.cit. P. 69-70.

20 Там же.

21 D'Alba T.Op.cit. 15 p.

Т. Д'Алба²². Но против подобной классификации данных блюд возражают другие исследователи, считающие эти блюда «опосредованными», видоизмененными арабизмами по одной веской причине – в обоих случаях использовалась свинина²³. По этой же причине разногласия возникают и в отношении еще одного старейшего сицилийского десерта, а именно «Канноли» (сиц. «Cannoli»), – трубочек из теста, обжаренных в свином жире, и начиненным сладким творожным кремом, с добавлением измельченных цукатов и пряностей, хотя у этой сласти есть прямые аналоги в кухне Ближнего Востока и Магриба – например, трубочки макруд (Тунис).

Хотелось бы добавить, что в сицилийском меню есть также множество других рецептов, которые по рецептуре и ингредиентам очевидно относятся к арабской (исламской) традиции, но предполагают применение вина либо свинины (свиного жира).

В этой связи приходится задаться непростым вопросом, который неизбежно возникает при анализе блюд традиционной сицилийской кухни, в том числе и тех, которые исследователи зачастую относят к числу «прямо заимствованных» из исламской пищевой традиции, но которые при этом содержат «запрещенные» пищевые компоненты (вино, свинину/свиной жир) – а именно: имеем ли мы дело с нарушением мусульманами в Сицилии харама – жесткого пищевого табуирования, предписанной канонам, или с «преломлением» в локальных условиях арабской (мусульманской) кулинарной традиции?

Несомненно, что на местной почве многие рецепты адаптировались либо видоизменялись применительно к локальным вкусам и возможностям, а также модифицировались в зависимости от социальной принадлежности потребителей (одно и то же блюдо могло приобретать один вид при подаче элите и совершенно иной при его потреблении низами).

Допустимо также предположить, что многие рецепты рождались, пусть и в русле арабской традиции, но уже вдали от арабского мира, на сицилийской почве, – или в русле уже опосредованной традиции, как это происходило, например, в эпоху норманнского королевства. Таких рецептов в Сицилии много: у них не отнять их арабских корней, но они уже местные, они принадлежат числу «косвенных заимствований», если оперировать классификацией и терминологией, предложенными Т. Д'Альба²⁴.

В их числе вспомним, например, «Нукатули» (сиц. «Nucatuili») (от арабского «naqal» – «сухие фрукты», «сладость»), – твердую выпечку из теста на основе муки, свиного лярда, желтков и розовой воды, с начинкой из тушеной на воде, масле и вине смеси дробленого миндаля, сухих фруктов, меда и корицы. Казалось бы, все ингредиенты как у арабов – но в тесто добавляется сладкое вино. Также любопытным примером модификации традиции может служить рецепт такого блюда, как «Пастизцу ди Мохаммед ибн Тумна» (сиц. «Pastizzu di Mohamed Ibn Tumnah»), названное именем эмира Катании. Оно появилось на свет не ранее X–XI вв. и очень тесно перекликается с таким «общеисламским» блюдом, как «Сарид» в его тунисской модификации. Все те же составляющие – тесто, сухой мякиш, бульон, курятина, пряности, практически идентичный рецепт приготовления, – но обжарка производится на свином жире и в состав блюда включается, помимо курятины, и свинина. Точно так же свинина уже с эпохи Средневековья очень часто входила в состав всех бытующих

22 D'Alba T.Op.cit. P. 123,139.

23 Coria G. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Cavallotto, 2006. P. 535, 555; Correnti P. Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia. Milano: Mursia. 1976. P. 85-86, 437.

24 D'Alba T.Op.cit. 15 p.

арабских по происхождению блюд из риса, «тесня» тем самым «эксклюзивность» традиционных и разрешенных для мусульманского меню говядины и баранины.

Но, обоснованно предполагая вероятность модификации арабской рецептуры на местной почве, мы также осмеливаемся допустить, что могли иметь место и игнорирование и нарушения мусульманских пищевых запретов, хотя бы потому, что любая, даже самая жесткая традиция их допускает.

Собственно, такие примеры, относящиеся к «классическому» исламскому миру, есть; их наличие подтверждают исследователи мусульманской системы питания, например, Л. Заули, культурный антрополог из Туниса²⁵. Так, невзирая на табуирование в исламе потребления мяса жертвенного животного, мусульмане в Тунисе готовят особенное блюдо – сухую баранину, или «кадид»: в дело идет правая лопатка барана, забитого во время жертвоприношения на Праздник разговения (Ураза-байрам). Отступлением от религиозных пищевых предписаний ислама, несомненно, надо считать и обычай арабов-кочевников, вполне правоверных мусульман, есть внутренние органы животных, например, бараньи почки²⁶.

Тем легче нам предположить вероятность харама в условиях сосуществования и тесных культурных контактов местного (в нашем случае – сицилийского) и пришлого арабо-берберского населения, особенно в эпоху норманнского королевства, когда влияние ислама было ограничено только культурной сферой.

Правда, прямых указаний на это в литературе и источниках не имеется, поэтому мы в своем «крамольном» предположении опираемся на косвенные доводы.

В первую очередь мы исходим из мнения, высказанного историком иудейской кухни А. Тоаффом, который, анализируя конфессионально-гастрономические стандарты поведения еврейского населения в Сицилии эпохи норманнов, отмечает факты эпизодических смягчений и даже игнорирования норм кашрута в условиях интенсификации контактов, в том числе и гастрономических, между представителями христианского, мусульманского и иудейского населения²⁷. Приведенные им факты в отношении нарушений законов кашрута со стороны иудеев в Сицилии подтверждают и другие исследователи, в частности, Ф. Оливери²⁸, а также П. Казелли²⁹. Сделанные ими выводы в отношении иудейской диаспоры в Сицилии мы «переносим» на мусульманскую общину, предполагая возможность «нарушений» в целом во всех алиментарных пищевых заимствованиях на сицилийской почке.

Но, главное, хотелось бы остановиться на точке зрения уже упомянутого Ибн Хаукаля, который, описывая современных ему мусульман Сицилии, в первую очередь сицилийцев-неофитов, крайне скептичен в оценке «истинности их веры»³⁰. Пристально анализируя увиденные им реалии, Ибн-Хаукаль обвиняет «неомусульман» в

25 Zaouali L. L'Islam a tavola. Dal Medioevo a oggi. Roma -Bari: Laterza & Figli. 2007. P. 21-22.

26 Van Gelder J.G. Of Dishes and Discourse. Classic Arabic Literature Representation of Food. Richmond: Routledge.2002. P.91; Rodinson M., Arberry A.J., Perry Ch. Medieval Arab Cookert: Essays and translations. Totnes: Prospect Books. 2001. 43 p.

27 Toaff A. Cucina ebraica, cucine ebraiche // Il Mondo in Cucina. Storia, identità, scambi (a cura di M.Montanari). Roma-Bari: Laterza. 2002. 145 -146; Toaff A. Il vino e la carne. Una comunità ebraica nel Medioevo. Bologna: Il Mulino.2007.P.119; Toaff A. Mangiare alla giudia. Cucine ebraiche dal Rinascimento all'età moderna. Bologna: Il Mulino. 2011. 78 p.

28 Oliveri F. Giudei e musulmani in Sicilia // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi. 1995. P. 297-298.

29 Caselli P. Spazio ebraico e ritualità // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi. 425 p.

30 Ibn Hawqal Muhammad. Op.cit. P. 42-43.

игнорировании истинных для мусульманина религиозных и моральных ценностей, полагая, что принятие ими ислама диктовалось корыстью и расчетом, а посему их вера достаточно поверхностна и формальна – «не больше чем видимость, за которой стоит пустота»³¹. Он осуждает смешанные браки между мусульманами и христианами в Сицилии, говоря, что на практике это порождает «двоеверие», за которым стоит фактическое исповедование христианства, внешне прикрытое демонстративным отправлением исламских ритуалов. Даже 300 мечетей, воздвигнутых в Палермо (и прославившие город в тогдашнем цивилизованном мире), он с горечью именуется «тремястами ненужными мечетями»³² на том основании, что посещавшие их приверженцы Аллаха зачастую действительно не были истинными мусульманами, но людьми, формально обратившимися в новую веру, чтобы избежать уплаты джизьи и в целом «соответствовать» новым порядкам и властителям. Если описания, приведенные Ибн-Хаукалем, соответствуют действительности – а не верить ему у нас нет оснований – то из численной мусульманской общины Эмирата Сицилии лишь небольшая ее часть, много меньшая, чем, очевидно, это принято считать, придерживалась «истинных» для мусульманина взглядов и принципов, в том числе и в пищевой сфере.

Исходя из этого, а также принимая во внимание длительность пребывания собственно арабского (или, точнее, восточного) «анклава», пусть и исповедовавшего правоверный ислам, в Сицилии, – т.е. вне своей исконной территории, в условиях проявления инокультурности и поликонфессиональности (в эпоху как Эмирата, так и норманнского королевства), – мы вполне допускаем, что ригидность исламских пищевых запретов в Средние века в Сицилии могла несколько смягчиться. Это, в свою очередь, могло породить некоторые локальные инновации в рамках мусульманской традиции, что нашло свое отражение в появлении на свет внешне «исламизированного» пласта блюд с опосредованным арабским влиянием, вполне адаптированных к привычкам и потребностям местного населения.

References

- [1] Bart R. Fashion System. Articles on the semiotics of culture. Moscow: Academic project. 2018.
- [2] Dickey John. Delizia! The epic story of Italians and their food. M.: Veche.
- [3] Cappati F., Montanari M. Italian cuisine. The history of one culture. Moscow: New Literary Review. 2006. 479 p.
- [4] Fais O. Melting crucible of Sicilian gastronomy: the eastern component // Bulletin of Anthropology. 2018. № 2. P. 138-154.
- [5] Fais O. Arabian heritage in the traditional cuisine of Sicily // Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, culture and religions of the peoples of Asia and Africa. Moscow: Publishing house "MGIMO-University". 2019.
- [6] Al-Idrisi Mohammad. Kitab Rugeri. Palermo: Archivi storici – Flaccovio. 2007.
- [7] Amari M. Storia dei musulmani in Sicilia. Firenze: Felice Le Monnier. 2003.
- [8] Atlante del pane di Sicilia. Agrigento: Consorzio "Gian Pietro Ballatore". 2004.
- [9] Caselli P. Spazio ebraico e ritualità // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi.
- [10] Coria G. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Cavallotto, 2006. 670 p.
- [11] Correnti P. Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia. Milano: Mursia. 1976. 560 p.
- [12] D'Alba T. La cucina siciliana di derivazione araba. Palermo: Vittorietti. 1980.
- [13] Di Franco C. Itinerario gastronomico arabo-normanno. Palermo: Lapademi. 2018. 104 p.
- [14] Houben H. Ruggero II di Sicilia: un sovrano tra Oriente e Occidente. Roma-Bari: Laterza. 1999.
- [15] Houben H. Normanni tra Nord e Sud. Roma: Di Renzo. 2003.
- [16] Ibn Hawqal Muhammad. Description de Palerme au milieu du Xe siècle de l'ère vulgaire (trad. Michele Amari). Paris: Imprimerie royale. 1845.
- [17] Italia Judaica, Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombo. 1995. 507 p.

31 Там же.

32 Там же

- [18] La Duca R. Da Panormus a Palermo. La città ieri e oggi. Palermo: Vittorietti. 2008. 384 p.
- [19] Oliveri F. Giudei e musulmani in Sicilia // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi. 1995.
- [20] Palermo 1070-1492 (a cura di H.Bresc e G.Bresc-Bautier). Soveria Mannelli-Messina: Rubbettino. 1996.
- [21] Palermo Patera G. Palermo araba. Palermo: La Bottega di Hefesto. 1998. 285 p.
- [22] Riera-Melis A. Il Mediterraneo, crogiuolo di tradizioni alimentari. Il lascito islamico alla cucina catalana medievale // Il mondo in cucina. Storia, identità, scambi (a cura di Montanari M.). Roma – Bari: Gius. Laterza & Figli. 2002.
- [23] Rigoli S. La Sicilia all'epoca normanna. Palermo: La bottega di Hefesto. 1964.
- [24] Rodinson M., Arberry A.J., Perry Ch. Medieval Arab Cookert: Essays and translations. Totnes: Prospect Books. 2001.
- [25] Toaff A. Cucina ebraica, cucine ebraiche // Il Mondo in Cucina. Storia, identità, scambi (a cura di M.Montanari). Roma-Bari: Laterza. 2002. 135-148.
- [26] Toaff A. Il vino e la carne. Una comunità ebraica nel Medioevo. Bologna: Il Mulino. 2007. 316 p.
- [27] Toaff A. Mangiare alla giudia. Cucine ebraiche dal Rinascimento all'età moderna. Bologna: Il Mulino. 2011. 300 p.
- [28] Van Gelder J. G. Of Dishes and Discourse. Classic Arabic Literature Representation of Food. Richmond: Routledge. 2002.
- [29] Zaouali L. L'Islam a tavola. Dal Medioevo a oggi. Roma -Bari: Laterza & Figli. 2007.

Библиографический список:

- [1] Барт П. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Академический проект. 2018.
- [2] Дики Джон. Delizia! Эпическая история итальянцев и их еды. М.: Вече.
- [3] Каплати Ф., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. Москва: Новое Литературное Обозрение. 2006. 479 с.
- [4] Фаис О. Плавленный тигель сицилийской гастрономии: восточный компонент // Вестник антропологии. 2018. № 2. С. 138-154.
- [5] Фаис О. Арабское наследие в традиционной кухне Сицилии // Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. Москва: Издательство «МГИМО-Университет». 2019.
- [6] Al-Idrisi Mohammad. Kitab Rugeri. Palermo: Archivi storici – Flaccovio. 2007.
- [7] Amari M. Storia dei musulmani in Sicilia. Firenze: Felice Le Monnier. 2003.
- [8] Atlante del pane di Sicilia. Agrigento: Consorzio "Gian Pietro Ballatore". 2004.
- [9] Caselli P. Spazio ebraico e ritualità // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi.
- [10] Coria G. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Cavallotto, 2006. 670 p.
- [11] Correnti P. Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia. Milano: Mursia. 1976. 560 p.
- [12] D'Alba T. La cucina siciliana di derivazione araba. Palermo: Vittorietti. 1980.
- [13] Di Franco C. Itinerario gastronomico arabo-normanno. Palermo: Lapademi. 2018. 104 p.
- [14] Houben H. Ruggero II di Sicilia: un sovrano tra Oriente e Occidente. Roma-Bari: Laterza.1999.
- [15] Houben H. Normanni tra Nord e Sud. Roma: Di Renzo. 2003.
- [16] Ibn Hawqal Muhammad. Description de Palerme au milieu du Xe siècle de l'ère vulgaire (trad. Michele Amari). Paris: Imprimerie royale. 1845.
- [17] Italia Judaica, Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombo. 1995. 507 p.
- [18] La Duca R. Da Panormus a Palermo. La città ieri e oggi. Palermo: Vittorietti. 2008. 384 p.
- [19] Oliveri F. Giudei e musulmani in Sicilia // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombi. 1995.
- [20] Palermo 1070-1492 (a cura di H.Bresc e G.Bresc-Bautier). Soveria Mannelli-Messina: Rubbettino. 1996.
- [21] Palermo Patera G. Palermo araba. Palermo: La Bottega di Hefesto. 1998. 285 p.
- [22] Riera-Melis A. Il Mediterraneo, crogiuolo di tradizioni alimentari. Il lascito islamico alla cucina catalana medievale // Il mondo in cucina. Storia, identità, scambi (a cura di Montanari M.). Roma – Bari: Gius. Laterza & Figli. 2002.
- [23] Rigoli S. La Sicilia all'epoca normanna. Palermo: La bottega di Hefesto. 1964.
- [24] Rodinson M., Arberry A.J., Perry Ch. Medieval Arab Cookert: Essays and translations. Totnes: Prospect Books. 2001.
- [25] Toaff A. Cucina ebraica, cucine ebraiche // Il Mondo in Cucina. Storia, identità, scambi (a cura di M.Montanari). Roma-Bari: Laterza. 2002. 135-148.
- [26] Toaff A. Il vino e la carne. Una comunità ebraica nel Medioevo. Bologna: Il Mulino. 2007. 316 p.
- [27] Toaff A. Mangiare alla giudia. Cucine ebraiche dal Rinascimento all'età moderna. Bologna: Il Mulino. 2011. 300 p.
- [28] Van Gelder J. G. Of Dishes and Discourse. Classic Arabic Literature Representation of Food. Richmond: Routledge. 2002.
- [29] Zaouali L. L'Islam a tavola. Dal Medioevo a oggi. Roma -Bari: Laterza & Figli. 2007.

Xiong Hui Jing

*Teachers of Music College
of Jiangxi Normal University.*

A Study of Ji Kang's Judgments and Conceptual Definitions of Music

Abstract. In modern musical studies, Ji Kang's musical ideas are attributed to the Taoist School, which contrasts with the main idea of Confucianism. This article analyzes in terms of logic and extensive conceptualism and concludes that Ji Kang's musical ideas are not only not opposed to orthodox Confucian thought, but, on the contrary, they have completely inherited the traditional ideological system of Confucianism. It is concluded that his detailed conceptual definitions of music played an important role in the development of Confucian culture. In addition, in the process of rethinking the conclusions, he applied a conceptualized understanding to the objective conditions of life. Developing objective universality in subjective musical identity, he suggested that music improve human hearts so that personal musical goals appear in objective human thinking, and then lead to the main goal - the ideological transformation of society.

Key words: Ji Kang's musical ideas, Confucianism, musical originality.

Сюнь Хуи Цзинь

*Педагог консерватории
Педагогического университета провинции Цзянси.
Провинция Цзянси, город Наньчан.*

Исследование суждений и концептуальных определений Цзи Кана о музыке

Аннотация. В современных музыкальных исследованиях музыкальные идеи Цзи Кана относят к «Даосской школе», которая противопоставляется главной мысли конфуцианства. В данной статье проводится анализ с точки зрения логики и развернутого концептуализма и делается вывод о том, что музыкальные идеи Цзи Кана не только не противоположны ортодоксальной конфуцианской мысли, а наоборот, они полностью унаследовали традиционную идеологическую систему конфуцианства. Делается вывод о том, что его подробные концептуальные определения о музыке сыграли важную роль в развитии конфуцианской культуры. Кроме того, в процессе переосмысления умозаключений он применил концептуализированное понимание к объективным условиям жизни. Развивая объективную универсальность в субъективном музыкальном своеобразии, он предлагал музыкой улучшать человеческие сердца, чтобы личные музыкальные цели проявлялись в объективном человеческом мышлении, а затем приводили к главной цели – идеологическому преобразованию общества.

Ключевые слова: Музыкальные идеи Цзи Кана, конфуцианство, музыкальное своеобразие.

Сюн Хуи Цзинь

Педагог консерватории Педагогического университета провинции
Цзянси. Провинция Цзянси, город Наньчан.

**Исследование суждений
и концептуальных определений
Цзи Кана о музыке***

Цзи Кан (224 – 263 гг, или 223 – 262 гг), второе имя Шу Е. Родился в Цяосянь, мыслитель, музыкант, писатель эпохи Троецарствия. Оценка его традиционной китайской музыкой ограничивается тем, что он «продвигал новый стиль учения о сокровенном, пропагандировал идеи о том, что «нужно выходить за рамки этических взглядов конфуцианства и следовать природе»¹, «нужно судить по правде», и называют его духовным лидером «семи мудрецов из бамбуковой рощи», а также о том, что ценность его главной работы о музыке «В звуке нет ни печали, ни радости» заключается только в критике конфуцианских музыкальных воззрений, что он принадлежит «Даосской школе», которая противопоставляется главной мысли конфуцианства. Однако при анализе с точки зрения логики и развернутого концептуализма становится ясно, что музыкальные идеи Цзи Кана не только не противоположны ортодоксальным конфуцианским воззрениям, но и, наоборот, полностью унаследовали традиционную идеологическую систему конфуцианства, а подробные концептуальные определения о музыке значительно способствовали развитию конфуцианской культуры. Также в процессе переосмысления умозаключений он применил концептуализированное понимание к объективным условиям жизни, развивал объективную универсальность в субъективном музыкальном своеобразии и затем получил всеобщее признание как «искатель бессмертия».

Суждения Цзи Кана о конфуцианской концепции музыки

В многочисленных конфуцианских трактатах о концепции музыки присутствует путаница слов, и самая большая – в понимании слов: «шэн» (звук), «инь» (шум, звук), «юэ» (музыка). В музыкальных комментариях Цзи Кана точно представлена связь этих трех слов и переосмысленная последовательность. Он сказал: «Когда материя неба и земли переплетаются (двоякая материя инь и ян), все сущее получает возможность расти, когда четыре времени года (четыре сезона) сменяют друг друга, тогда пять стихий (металл, дерево, вода, огонь и земля) получают возможность сформироваться, при этом пять стихий выражаются в пяти цветах и отчетливо проявляются как пять ступеней гаммы. После рождения «инь», подобно аромату, существующему между небом и землей, его хорошее и плохое, пусть даже и при изменении времени, также по-прежнему сохраняет первоначальный облик, и не может преобразоваться, почему же тогда из-за человеческих эмоций любви, нена-

* © Сюн Хуи Цзинь, 2019.

Исследование суждений и концептуальных определений Цзи Кана о музыке

1 «Исторические примечания к «Китайской музыкальной эстетике», подстрочные замечания Цай Чжундэ, 2007. 453 с.

висти, скорби и радости изменяется его природа?»². Он дал четкое определение для «инь» и «шэн» в субъективной концепции конфуцианской музыки, при этом не отклоняясь от мышления конфуцианской музыкальной культуры, все сделанные им выводы основываются на фактах. В классическом произведении конфуцианской музыкальной культуры «Диспут в Зале Белого тигра» четко отмечается, что «основных звуков пять (пять ступеней протодиатонического лада): До, Ре, Ми, Соль, Ля»³. В «Комментарии к «Изъяснению письмён и толкованию иероглифов»» сказано: «шэн» - это «инь»⁴. Эти записи к конфуцианским каноническим книгам представили для концепции Цзи Кана убедительные доказательства. Иными словами, определение концепции «шэн» и «инь» Цзи Каном заключается в том, что «инь» - это своеобразие звуков природы, рожденное природной универсальностью, он утверждает, что иероглиф «инь» подразумевает базовые музыкальные звуки, обладающие фиксированной частотой вибрации и определенной эстетической ценностью. В «Комментарии к «Изъяснению письмён и толкованию иероглифов»» сказано, «Инь, шэн (звуки) рождаются в сердце, а ограничения есть снаружи»⁵. «Ограничения» как раз означают обязательные правила, образцы и требования. Поэтому «пять основных звуков» в традиционном китайском конфуцианстве – это именно До, Ре, Ми, Соль, Ля (пять ступеней китайской гаммы). «Диспут в Зале Белого тигра» гласит, что «юэ» берет пример у ветров восьми направлений, шести нечетных ступеней китайского звукоряда и четырех времен года»⁶. «Сводные комментарии к «Четверокнижию»» гласят, что пять ступеней гаммы и шесть нечетных ступеней китайского звукоряда неполноценны, их недостаточно для «юэ». Также говорится, что ««юэ», только объединив правила пяти ступеней гаммы и шести нечетных ступеней китайского хроматического ряда, может стать музыкой»⁷. Поэтому Цзи Кан в сочинениях неоднократно употреблял иероглифы «инь», «шэн», но не упоминал «юэ», он старался не допускать ошибочного понимания людьми музыки, а также он как раз в процессе субъективной концептуализации конфуцианской мысли проводил тщательные логические выводы.

Логические выводы в музыкальных воззрениях Цзи Кана о природе происхождения «инь», «шэн» и «юэ»

Концептуальное определение природы происхождения «инь», «шэн» и «юэ» является необходимым процессом музыкального философского размышления, выражением перехода сущности китайской музыкальной культуры из мировоззрения в рамки человеческой жизни, развития от природной необязательности и случайности к универсальности и неизбежности объективного мира. Концептуальное определение Цзи Кана для «инь», «шэн», «юэ» наследует систему развития

2 «Исторические примечания к «Китайской музыкальной эстетике», подстрочные замечания Цай Чжундэ, 2007. 461 с.

3 «Диспут в Зале Белого тигра», комментарии Чэнь Ли (династия Цин). Китайское книгоиздательство, 1994. 342 с.

4 «Комментарий к «Изъяснению письмен и толкованию иероглифов», автор: Сюй Шэнь (династия Хань), комментарии Дуань Юйцяя (династия Цин). Издательство «Шанхай Гуцзи», 1998. 1436 с.

5 «Комментарий к «Изъяснению письмен и толкованию иероглифов», автор: Сюй Шэнь (династия Хань), комментарии Дуань Юйцяя (династия Цин). Издательство «Шанхай Гуцзи», 1998. 675 с.

6 «Диспут в Зале Белого тигра», комментарии Чэнь Ли (династия Цин). Китайское книгоиздательство, 1994. 46 с.

7 «Сводные комментарии к «Четверокнижию», комментарии Чжу Си (династия Сун). Китайское книгоиздательство, 2011. 82 с.

конфуцианской мысли, делает выводы, взяв за эмпирическую основу конфуцианскую культурную идеологию, с логической точки зрения осваивает различные последовательности развития музыки. Это исследование уже превзошло имеющиеся в настоящее время исследования музыкальной мысли Цзи Кана, где считается, что он придавал значение только музыкальной форме, красоте, эстетическому чувству, а также подчеркивал идею музыки, как «искусство ради искусства».

В сочинениях Цзи Кан неоднократно приводит иероглифы «инь, шэн», он упоминает об «обычаях, политическом управлении, которое привело к приобретениям или убыткам политики просвещения в истории страны, рассматривает процветание и упадок национальных нравов, ироничный характер декламаций, умышленно говорит, что «упадническая музыка для скорбных размышлений». Муж печалится и радуется, любит и ненавидит, стыдится и боится, все живые сталкиваются с выражением любви, разница лишь в том, что есть те, кто не может это преодолеть». «Если в звуке преобладает добро и зло, тогда там нет печали и радости; если в печали и радости эмоции вторичны, тогда не получится звука»⁸.

Он считает главным в природе звуков – добро и зло, где под «добром» следует понимать «волю», что отличается от понимания «добра» в рационалистическом познании. Это также унаследовано от конфуцианской традиции, Мэн-цзы говорил: «Человек по природе добр», «Взрослые не теряют их душевной чистоты», Чжу Си объяснял: «Закон душевной чистоты – единство и не лицемерность. Единая и нелицемерная душевная чистота – это подлинное намерение людей, их природная склонность». В классическом конфуцианском произведении «Записки о благопристойности» также написано: «Музыканты – это те, от которых происходит звук, корни которого находятся в ощущении сути вещей в человеческом сердце. По этой причине, голос скорбящего затихающий и замирающий, голос веселящегося медленный и неторопливый, голос радующегося распускающийся и рассыпающийся, голос возмущенного грубый и злой, голос испытывающего уважение прямой и честный, голос любящего мягкий и нежный. Эти шесть перечисленных качеств не являются характерами, их приводят в движение ощущения от сути вещей». Поэтому в «Истории династии Цзинь. Биографии Цзи Кана» о бескорыстии благородного мужа сказано: «Чувства не связаны с желаниями, поэтому можно по ним судить об уважении и признании, и понять настроения людей. Если настроение людей почтительное, то великий принцип неукоснительно соблюдается, нормы учения исполняются по велению сердца, поэтому ложь и истина застигаются врасплох. Потому что в благородном муже ничего не доминирует, понимание природы вещей и человеческих чувств становится совершенным».

Цзи Кан поистине разобрался в сути такого рода философского мышления, равно как и в детальных различиях между ними, поэтому в сочинениях он пишет: «Инструмент хорош бессмысленной красотой, флейта настроена не мудростью, в таком случае то, что есть в сердце, и то, что объявляется, это две вещи, действительно, две разные, поэтому просящий о снисхождении не обращает внимания на образ, а тревожащийся не слушает звук». Он также сказал: «Раз звук и сердце идут разными дорогами, несвязно, как он может быть окрашен спокойствием, радостью или печалью, носить пустое название траурной музыки?». Он подчеркивал разли-

8 «Исторические примечания к «Китайской музыкальной эстетике», подстрочные замечания Цай Чжундэ, 2007. 467 с.

чие между сердцем и звуком, а также ввел для них схематизированные определения, при таком логическом способе мышления выбор «звука» (шэн) в качестве исходной точки описания также являлось точным отражением социальных реалий того времени.

Суждения Цзи Кана о роли своеобразия в музыке

В традиционных китайских воззрениях о музыке считается, что «юэ» (музыка) может воспитывать людей, очищать сердца людей, но также считается, что без применения ограничений использование музыки может быть излишним и затем может принести вред человеку, и более того, если рассматривать вопрос шире, даже целому обществу.

В «Записках о благопристойности» написано: «Музыка рождается звуком, корень которого находится в чувствах в сердце человека, которые возникают при соприкосновении с внешними объектами». «Муж по природе обладает кровью и дыханием, сердцем и разумом, но не неизменными скорбью или весельем, радостью или гневом, реакция происходит от вещей и приходит в движение, а затем формируются внутренние побуждения». Опираясь на эти традиционные музыкальные воззрения, было сформулировано: «правители прошлого осторожно относились к эмоциям, в этикете в основе желаний мораль, в музыке в основе звуков гармония». Цзи Кан исследовал промежуточную исключительность, пересмотрел выводы об универсальности «шэн», «инь», «юэ», ввел определения их природы, а затем сделал выводы об их неизбежности. Он считал, что «благородный муж в знаниях и действиях опирается на дух и встает на ноги (формируется), дух формирует и спасает, познавшему законы жизни легко ошибиться, познавший зло восстанавливается, чтобы защитить дух, обретает полное спокойствие. Любовь и ненависть не задерживаются в эмоциях, грусть и радость не остаются в мыслях, но характер всегда остается гармоничным». Он также считал, что «радость или гнев нарушают чувство справедливости, думы рассеивают его ум, горе и радость вредят его чистому спокойствию». Он пришел к осознанию, что «музыка может возвращать умы и эмоции людей, существовать скромно и не мрачно, а безмолвие может граничить со звуком».

Из суждений об универсальности были получены эмпирические доказательства индивидуального неизбежного опыта. Понимание воспитания духа в современном обществе, по-видимому, уже стало стандартом, к даосской школе теоретические беседы о поддержании жизни, в свою очередь и музыкальная идеология Цзи Кана также была причислена к даосской школе. Однако в своем труде «Ода о лютне» он касается «двух литературных стилей, объединенных даровитыми мужами прошлых эпох. Их форма оригинальна, они неуклонно следуют традиции, их таланты, основанные на небесном дао, растут через трудности и горести, в основе звучания их рифмованной прозы печаль, ценностью является красота их нравственного влияния через слезы, законы изящного стиля прекрасны, однако это не вполне разумно. Исходя из этих причин, можно сказать об изначальной путанице звуков: рассматривается их цель и задача, а не достигаются эмоции церемонии и музыки». Благодаря глубоким имманентным воззрениям Цзи Кана о ритуале и музыке, его музыкальные идеи были неразрывно связаны с основной идеей конфуцианства. Он считал гармонию сущностью музыки, прежде всего, необходимо

очищать природу человека, так в очищенной универсальности можно реализовать воспитание духа, претворить в жизнь идеологическое преобразование общества, исправить неизбежность общественных нравов.

Что касается главной цели – идеологического преобразования общества, прежде всего необходимо с помощью музыки улучшать сердца людей, позволять субъективным музыкальным целям проявляться в объективных человеческих мыслях, а не сосредотачивать внимание на таких мелочах, как «изящность и грубость». Необходимо жестко противостоять погоне за мелочами и игнорированию главного в науках и общественной практической деятельности. При изучении теории музыки необходимо тщательно понять и пересмотреть нормы поведения конфуцианской школы. Нельзя анализировать музыку только по ощущениям от внешних акустических проявлений, также необходимы более глубокие размышления и суждения. Только обладая полным пониманием положения и концепции «звука» во всей традиционной музыкальной идеологии, можно по-настоящему достичь высшей степени понимания «разницы в звуках, чтобы понять музыку».

Цзи Кан жил в царстве Вэй, по всей вероятности, в социальных реалиях того времени придавалось большое значение малосущественным правилам приличия, культуры и т.д. В избытке возникали феномены, когда основное упускалось ради погони за второстепенными мелочами. Он через суждения о музыке затрагивал концептуальные определения, через ключевые понятия «звука» в музыке проводил глубокие исследования. Его смелость противостоять общественным нравам, сверху донизу заполненным пустым хвостовством, это не только его личная харизма, но и отражение его теоретического курса и теоретического уровня в музыкальном аспекте, логическое понимание последовательности развития и изменения музыкального мышления.

References

- [1] “Commentary on “ Explaining the Writing and Interpretation of Hieroglyphs ””, author: Xu Shen (Han Dynasty), comments by Duan Yujsai (Qing Dynasty). Shanghai Guji Publishing House, 1998.
- [2] “The Correct Meaning of the Notes on Decency,” by Zheng Xuan (Han Dynasty), the correct meaning (commentary) is Kun Indus (Tang Dynasty). Shanghai Guji Publishing House, 2008.
- [3] “Summary Commentary on the Four Books,” comments by Zhu Xi (Song Dynasty). Chinese Book Publishing House 2011.
- [4] “Dispute in the White Tiger Hall,” comments by Chen Li (Qing Dynasty). Chinese Book Publishing, 1994.
- [5] “Historical Notes on the Chinese Musical Aesthetics,” Cai Zhundde’s Interlinear Comments, 2007.

Библиографический список:

- [1] «Комментарий к «Изыяснению письмен и толкованию иероглифов», автор: Сюй Шэнь (династия Хань), комментарии Дуань Юйцая (династия Цин). Издательство «Шанхай Гуцзи», 1998.
- [2] «Правильный смысл «Записок о благопристойности», автор: Чжэн Сюань (династия Хань), правильный смысл (комментарии) Кун Инда (династия Тан). Издательство «Шанхай Гуцзи», 2008.
- [3] «Сводные комментарии к «Четверокнижию», комментарии Чжу Си (династия Сун). Китайское книгоиздательство, 2011.
- [4] «Диспут в Зале Белого тигра», комментарии Чэнь Ли (династия Цин). Китайское книгоиздательство, 1994.
- [5] «Исторические примечания к «Китайской музыкальной эстетике», подстрочные замечания Цай Чжундэ, 2007.

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY:
ACTUALITY AND INNOVATION**

Tresheva K.S.

Researcher Research Center 1
Federal State Institution «All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia».

Aksenova E.I.

Doctor of Economics, Associate Professor,
Director of the Research Institute
of Health Organization and Medical Management
of the Department of Health of Moscow.

Academic mobility as a factor in the development of international relations in education.

Part 1. Theoretical aspects

Abstract. For more than 10 years, Russia has been a full participant in the Bologna process, perhaps the most significant process of international educational integration and internationalization, proclaiming the need for national and international mobility of teachers, researchers and students. With Russia's entry into the Bologna process, academic mobility has become the basis not only for improving the efficiency of individual universities, but also the basis for the global competitiveness of the national educational system in the global, global space.

Key words: international relations, education, academic mobility, internationalization.

Трещева К.С.

Научный сотрудник Научно-исследовательский
центр 1 ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел России».

Аксенова Е.И.

Доктор экономических наук, доцент,
директор НИИ организации здравоохранения
и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения г. Москвы.

Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования. Часть 1. Теоретические аспекты

Аннотация. Более 10 лет Россия является полноправным участником Болонского процесса, пожалуй, наиболее значимого процесса международной образовательной интеграции и интернационализации, провозглашающего необходимость национальной и международной мобильности преподавателей, исследователей и студентов. С вступлением России в Болонский процесс академическая мобильность стала основой не только повышения эффективности отдельно взятых университетов, но и базой для глобальной конкурентоспособности национальной образовательной системы в глобальном, общемировом пространстве.

Ключевые слова: международные отношения, образование, академическая мобильность, интернационализация.

Трещева К.С.

Научный сотрудник Научно-исследовательский центр 1 ФГКУ
«Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел России».

Аксенова Е.И.

Доктор экономических наук, доцент, директор НИИ организации
здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы.

Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования. Часть 1. Теоретические аспекты*

Более 10 лет Россия является полноправным участником Болонского процесса, пожалуй, наиболее значимого процесса международной образовательной интеграции и интернационализации, провозглашающего необходимость национальной и международной мобильности преподавателей, исследователей и студентов. Академическая мобильность между университетами, безусловно, является не только фактором стратегического развития образовательных организаций, но и представляет интерес с точки зрения позиционирования России на мировом образовательном рынке как полноправного участника, а в некоторых сферах – и лидера современных глобальных образовательных трендов.

Понятие академической мобильности дано в рекомендациях «Об академической мобильности» и положении «О региональной академической мобильности», принятых в 1995 и 1996 году Комитетом Министров Совета Европы (Committee of Ministers of the Council of Europe). В Рекомендациях отмечается, что «термин «академическая мобильность» подразумевает период обучения, преподавания и/или исследования в иной стране, чем страна постоянного проживания преподавателя, ученого или студента (далее – «родная страна»). Этот период имеет ограниченный срок действия, и предполагается, что преподаватель, ученый или студент вернутся в свою родную страну после завершения обозначенного периода. Термин «академическая мобильность» не предназначен для определения понятия миграции из одной страны в другую» [14; 15]. В Законе Российской Федерации «Об образовании» термин «академическая мобильность» не нашел институционального закрепления. Однако, его определение встречается в другом документе - в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. С оговоркой «для целей настоящей Концепции» дается следующая трактовка данного понятия: «академическая мобильность – международные перемещения ученых и преподавателей в целях осуществления научной и преподавательской деятельности, обмена опытом, представления результатов исследований, а также в других профессиональных целях» [7]. Таким образом, в указанном документе акцент делается на преподавателях и исследователях, в то время как студенты не

* © Трещева К.С., Аксенова Е.И., 2019.

Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования. Часть 1. Теоретические аспекты

Рисунок 1. Формы академической мобильности.
Источник: разработано авторами на основе [10]

рассматриваются в качестве участников процесса.

С другой стороны, многие исследователи оставляют вне рамок своего внимания ученых, оставляя право на участие в академических обменах только студентам и преподавателям. Так, например, в печати встречается следующее определение: «Академическая мобильность представляет собой переезд студентов и преподавателей высших учебных заведений в другой институт внутри или за пределами своей страны для учебы или преподавания в течение ограниченного периода времени» [12]. Или определение, в котором участники ограничены только кругом студентов: «академическая мобильность – это перемещение обучающихся ... в другое учебное заведение, расположенное как в Российской Федерации, так и за рубежом» [4].

Н.С. Бринёв, Р.А. Чуянов под академической мобильностью понимают период обучения студента в стране, гражданином которой он не является.

Этот период ограничен во времени; также подразумевается возвращение студента в свою страну по завершении обучения за рубежом [3].

Как утверждает А.Н. Шермет, академическая мобильность является интегративной личностной характеристикой, выраженной в способности преодолевать международные языковые и межстрановые барьеры и оперативно реагировать на меняющиеся условия окружающей среды для достижения своих образовательных целей [11]. Исследователь Н.К. Дмитриева под академической мобильно-

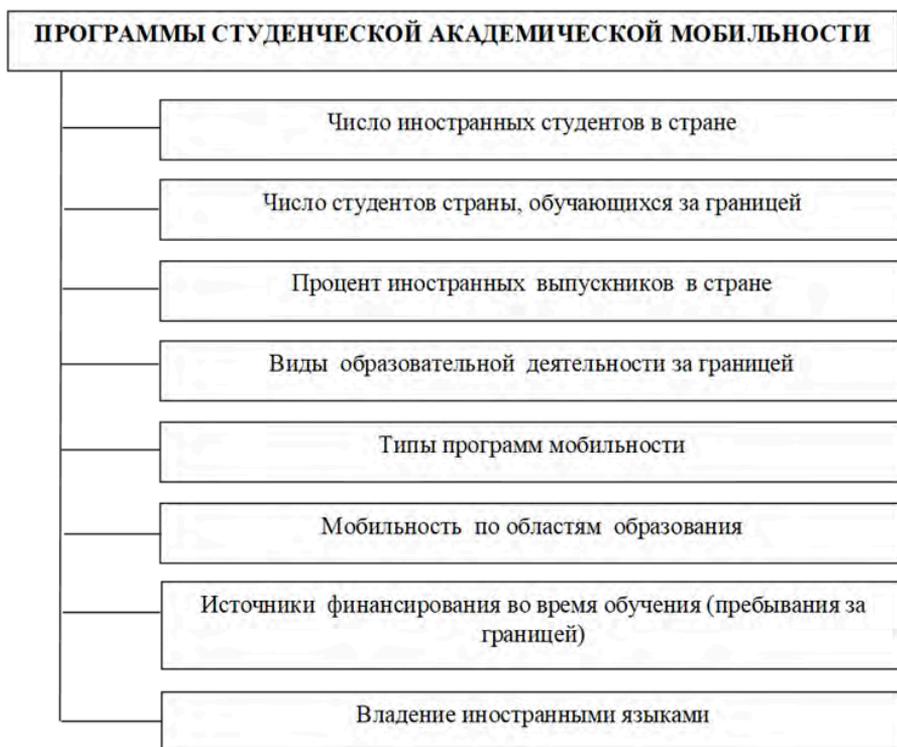
стью понимает целостное личностное качество, формируемое в процессе обучения и представляющее динамичное состояние составляющих его компонентов, характеризующее ее способность и готовность адаптироваться, изменяться и преобразовывать себя и окружающую среду [6].

Глобализация академической мобильности на рынке высшего профессионального образования в современную эпоху, интерпретируемую как эпоха «экономики знаний», становится показателем экономической конкурентоспособности университета, а интернационализация высшего образования часто рассматривается как инновационный ответ на внешние маркетинговые вызовы. Интернационализация принимается в качестве базовой стратегии образовательной конкуренции во многих странах, с акцентом на позиционирование образовательных организаций в мировых рейтингах университетов, а также конкуренция за лучших и самых ярких студентов и ученых.

В XXI веке показатели мобильности студентов возросли быстрее, чем когда – либо прежде - с 2010 по 2015 год их число выросло на 50%. Для 84% студентов, обучающихся в странах ОЭСР, главными направлениями были США, Великобритания, Германия, Франция и Австралия. Две трети иностранных студентов в странах ОЭСР являются выходцами из стран, не входящих в ОЭСР, а основными «поставщиками» студентов являются Китай, Индия, Марокко, Малайзия и Гон-

Рисунок 2. Показатели эффективности программ международной студенческой академической мобильности.

Источник: составлено авторами на основе [9]

конг (Китай) (OECD 2017). Можно утверждать, что академическая мобильность, особенно студенческая мобильность, тесно связана с глобальной рыночной ориентацией высшего образования.

Согласно Национальным отчетам по реализации цели и задач Болонского процесса в период 2012–2015гг, академическая мобильность может быть представлена в следующих формах (рисунок 1).

Вне зависимости от воплощенной формы, академическая мобильность как социальный институт решает ряд задач:

- повышение качества образования в рамках образовательной организации,
- повышение качества и эффективности научных исследований,
- интернационализация образовательного процесса;
- установление и развитие внешних и внутренних партнерских отношений,
- внедрение новых форм и технологий обучения,
- формирование условий для освоения профессиональных компетенций студентами;
- обеспечению конкурентоспособности выпускников образовательной организации на рынке труда,
- развитие совместных научно-исследовательских проектов;
- пр.

По утверждению исследователей А. Барблан, В. Папациба, академическая мобильность студентов расширяет горизонты личности, стимулирует интеллектуальную маневренность и поднимает общий уровень знаний. Кроме того, академическая мобильность — это мобильность мыслей, идей и методов. Это неотъемлемая форма существования интеллектуального потенциала личности, отражающая его реализацию в движении в пространстве социальных, экономических, культурных, политических взаимоотношений и взаимосвязей [13].

Во многих странах академическая мобильность принята за основу государственной политики по привлечению талантов для развития системы высшего образования и исследовательских организаций. Так, в частности, инициативы по повышению качества как на национальном, так и на наднациональном уровне в Европейских странах включают в себя следующие программные документы, принятые на государственном уровне:

Европейский Союз: European Excellence Initiative (EIE);

- Германия: Excellence Initiative (Exzellenzinitiative);
- Франция: Programmed'Investissementd'Avenir;
- Объединенное Королевство: Research Excellence Framework;

В странах Азии работают такие документы как:

- Южная Корея: Brain Korea 21, World Class University Project;
- Япония: COE (Centre of Excellence), Super Global Universities Project;
- Китайская Народная Республика: Project 211 and 985; 1,000 Talent Plan.

Развитие академической мобильности в глобальном масштабе, по мнению российского исследователя связано с рядом причин. «Одна из причин – чисто экономическая – желание расширить участие в привлечении огромных финансовых потоков глобального рынка образовательных услуг. Прямым следствием этого явления становится и все большее превращение высшего образования в одну из разновидностей бизнеса. Второй причиной можно считать политический аспект

АМ, связанный с желанием расширить и усилить влияние на развитие событий в других странах и регионах, а также помочь экспорту национальных ценностей и идеологий. Но главной, по моему мнению, причиной и движущей силой развития АМ является желание получить передовой международный опыт для обеспечения инновационного развития науки и производства, для диверсификации в подготовке кадров. А это должно помочь созданию новых идей и технологий, а также обеспечению более высоких темпов их внедрения» [9].

Согласно государственной программе развития образования РФ на 2013–2020 гг. удельный вес численности студентов вузов, прошедших в течение учебного года обучение в зарубежном вузе не менее одного семестра, в общей численности студентов должен составить 6% к 2020 г. Удельный вес численности профессорско-преподавательского состава, прошедшего стажировки в ведущих российских и зарубежных вузах и научных центрах, к 2020 г. должен достичь 12%.

Оценка показателей эффективности программ академической мобильности осуществляется по трем блокам показателей, характеризующих результативность программ для преподавателей, исследователей и студентов. Так, например, для оценки студенческих программ используются показатели, представленные на рисунке 2.

Таким образом, давно и успешно реализующиеся в зарубежных странах программы академической мобильности студентов, преподавателей и исследователей, активно развиваются и в российских университетах. Не смотря на то, что пока еще эти программы характерны для крупных федеральных и отраслевых образовательных организаций, можно утверждать, что академическая мобильность выступает фактором развития международных отношений в сфере образования. С вступлением России в Болонский процесс академическая мобильность стала основой не только повышения эффективности отдельно взятых университетов, но и базой для глобальной конкурентоспособности национальной образовательной системы в глобальном, общемировом пространстве.

References

- [1] Ananchenkova P.I. Image as a factor of competitiveness of a higher educational institution. - M.: Academy of Labor and Social Relations, 2013.
- [2] Ananchenkova P.I., Anikeeva O.P., Akhmetzyanova G.N., Akhmetshin A.Kh., Ascheulov V.A., Badeeva E.A., Bezborodova T.M., Bulakhova Yu.V., Volodin A.I., Gaididei Yu.M., Golubeva A.I., Gorbenko S.M., Goryunov I.V., Gridina L.V., Gurov V.S., Gushchina L.S., Derkanosova N.M., Donetskaya S.S., Dremova L.A., Dubov G.M. et al. Quality management and innovation in education: a regional aspect. Collective monograph in 2 volumes. - M., 2010.
- [3] Brinev N.S. Academic mobility of students as a factor in the development of the process of internationalization of education // URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o60.htm>. (09.10.2019)
- [4] Varlamova A.V. Academic mobility of students of Russian universities (on the example of FSBEI "RGU-TiS") // Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities. 2014. № 1. P. 74-79.
- [5] Galaeva E.V., Dolzhenkova Yu.V., Zhukov A.L., Zbyshko B.G., Kyazimov K.G., Roik V.D., Rofe A.I., Samrailova E.K., Shakhovoj V.A., Ananchenkova P.I., Balandina O.V., Vashalomidze E.V., Veshkurova A.B., Govorova N.A., Ivanov G.S., Iglitskaya E.A., Kopylova G.A., Kugushev R.R., Kumar Yu.B., Ser L.M. et al. Development of the theory and practice of labor economics. - M. - Berlin, 2017.
- [6] Dmitrieva N.K. Academic mobility as a personal quality of the subjects of the educational process // Scientific electronic quarterly journal "Continuing Education: XXI Century". № 4.
- [7] The concept of state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025: approved. President of the Russian Federation on June 13, 2012 // Your right. Migration. 2012. № 13.
- [8] Kuzmina NN, Ananchenkova P.I. Fourth Industrial Revolution: Global Challenges and Prospects for Digitalization. Part 1. Digitalization as the basis of the fourth industrial revolution // Labor and social relations. 2018. № 2. P. 5-14.

- [9] Popov L.V. Academic mobility. Measurements and estimates // Vestn. Mosk. un-that. Ser. 20. Pedagogical education. 2017. № 2. P. 49-59.
- [10] Teplyakova OA Academic mobility as a platform for the development of Russian-Scandinavian relations // Matters of Russian and International Law. 2016. Vol. 6. Is. 11A. P. 58-68.
- [11] Sheremet A. N. Formation of academic mobility of future informatics teachers by means of information and communication technologies // Abstract. dis. ... cand. ped sciences. - Novokuznetsk, 2009.
- [12] Academic Mobility. URL: <https://www.hse.ru/en/studyspravka/acmob>. (09.10.2019)
- [13] Papatsiba V. Student mobility in Europe: an academic, cultural and mental journey? Some conceptual reflections and empirical findings // International Relations. International Perspectives on Higher Education Research, 2005. Vol. 3. P. 29-65.
- [14] Recommendation № R (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 2 March 1995 at the 531st meeting of the Ministers' Deputies // URL: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf>. (09.10.2019)
- [15] Recommendation № R (96) 7 of the Committee of Ministers to Member States on regional academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 5 September 1996 at the 572nd meeting of the Ministers' Deputies // URL: http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/regiona_academic_mobility_95.pdf. (09.10.2019)

Библиографический список:

- [1] Ананченкова П.И. Имидж как фактор конкурентоспособности высшего учебного заведения. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2013.
- [2] Ананченкова П.И., Анিকেева О.П., Ахметзянова Г.Н., Ахметшин А.Х., Ащеулов В.А., Бадеева Е.А., Безбородова Т.М., Булахова Ю.В., Володин А.И., Гайдидей Ю.М., Голубева А.И., Горбенко С.М., Горюнов И.В., Гридина Л.В., Гуров В.С., Гущина Л.С., Дерканосова Н.М., Донецкая С.С., Дремова Л.А., Дубов Г.М. и др. Менеджмент качества и инновации в образовании: региональный аспект. Коллективная монография в 2 томах. – М., 2010.
- [3] Бринёв Н. С. Академическая мобильность студентов как фактор развития процесса интернационализации образования // URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o60.htm>. (10.09.2019)
- [4] Варламова А.В. Академическая мобильность обучающихся российских вузов (на примере ФГБОУ «РГУТиС») // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2014. № 1. С. 74-79.
- [5] Галаева Е.В., Долженкова Ю.В., Жуков А.Л., Збышко Б.Г., Кязимов К.Г., Роик В.Д., Рофе А.И., Самраилова Е.К., Шаховой В.А., Ананченкова П.И., Баландина О.В., Вашаломидзе Е.В., Вешкурова А.Б., Говорова Н.А., Иванов Г.С., Иглицкая Е.А., Копылова Г.А., Кугушев Р.Р., Кумар Ю.Б., Сер Л.М. и др. Развитие теории и практики экономики труда. – М. - Берлин, 2017.
- [6] Дмитриева Н.К. Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса // Научный электронный ежеквартальный журнал «Непрерывное образование: XXI век». № 4.
- [7] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13.
- [8] Кузьмина Н.Н., Ананченкова П.И. Четвертая промышленная революция: глобальные вызовы и перспективы цифровизации. Часть 1. Цифровизация как основа четвертой промышленной революции // Труд и социальные отношения. 2018. № 2. С. 5-14.
- [9] Попов Л.В. Академическая мобильность. Измерения и оценки // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 20. Педагогическое образование. 2017. № 2. С. 49-59.
- [10] Теплякова О.А. Академическая мобильность как платформа для развития российско-скандинавских отношений // Matters of Russian and International Law. 2016. Vol. 6. Is. 11A. C. 58-68.
- [11] Шеремет А.Н. Формирование академической мобильности будущих учителей информатики средствами информационных и коммуникационных технологий // Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Новокузнецк, 2009.
- [12] Academic Mobility. URL: <https://www.hse.ru/en/studyspravka/acmob>. (10.09.2019)
- [13] Papatsiba V. Student mobility in Europe: an academic, cultural and mental journey? Some conceptual reflections and empirical findings // International Relations. International Perspectives on Higher Education Research, 2005. Vol. 3. P. 29-65.
- [14] Recommendation № R (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 2 March 1995 at the 531st meeting of the Ministers' Deputies // URL: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf>. (10.09.2019)
- [15] Recommendation № R (96) 7 of the Committee of Ministers to Member States on regional academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 5 September 1996 at the 572nd meeting of the Ministers' Deputies // URL: http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/regiona_academic_mobility_95.pdf. (10.09.2019)

Tresheva K.S.

*Researcher Research Center 1
Federal State Institution «All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia».*

Internationalization of higher education: sociological aspect

Abstract. Modern trends that have the greatest impact on all socio-economic systems and trajectories of society (globalization, digitalization, demographic imbalance, etc.) inevitably affect the development of education as a social institution. International cooperation makes the work of modern universities not just focused on partnership, but turns them into open social systems that integrate with each other. Thus, internationalization in the system of higher education is an actual social phenomenon and a process that ensures the effective entry of educational organizations into the world system and their sustainable development in the global educational market.

Key words: globalization, world market, education, University, internationalization.

Трещева К.С.

*Научный сотрудник Научно-исследовательский
центр 1 ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел России».*

Интернационализация высшего образования: социологический аспект

Аннотация. Современные тренды, осуществляющие наибольшее воздействие на все социально-экономические системы и траектории развития общества (глобализация, цифровизация, демографический дисбаланс и пр.) неизбежным образом оказывают влияние на развитие образования как социального института. Международное сотрудничество делает работу современных университетов не просто ориентированными на партнерское взаимодействие, а превращает их в открытые социальные системы, интегрирующиеся друг с другом. Таким образом, интернационализация в системе высшего образования выступает актуальным социальным явлением и процессом, обеспечивающим эффективное вхождение образовательных организаций в мировую систему и их устойчивое развитие на глобальном образовательном рынке.

Ключевые слова: глобализация, мировой рынок, образование, университет, интернационализация.

Трещева К.С.

Научный сотрудник Научно-исследовательский центр 1 ФГКУ
«Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел России».

Интернационализация высшего образования: социологический аспект*

Современные тренды, осуществляющие наибольшее воздействие на все социально-экономические системы и траектории развития общества (глобализация, цифровизация, демографический дисбаланс и пр.) неизбежным образом оказывают влияние на развитие образования как социального института. При этом национальные образовательные системы с одной стороны, вынужденно стараются включиться в мировое образовательное пространство, обеспечить себе конкурентные преимущества и занять достойное место на образовательном рынке. А с другой стороны – находятся в процессе сохранения собственной идентичности, национальных особенностей познания. Однако, в настоящее время уже неоспоримым является факт, что современное образование (преимущественно высшее) вступило в поле интернационализации, невозможности функционирования всех его субъектов вне международного образовательного пространства.

Социальная природа института образования, участвующего в процессах глобализации, не позволяет национальным образовательным системам функционировать изолированно друг от друга. Как отмечают Береговая О.А. и Кудашов В.И., «под ее действие попадают социальные системы, институты и связи, что говорит о непосредственном влиянии данного процесса на высшее образование, так как оно в большей степени, чем другие виды образования, интегрировано в систему мирохозяйственных, политических и культурных связей» [3. С. 112–121]. Международное сотрудничество делает работу современных университетов не просто ориентированными на партнерское взаимодействие, а превращает их в открытые социальные системы, интегрирующиеся друг с другом. В связи с тем, что образование – это одна из фундаментальных основ конкурентоспособности общества и фактор его национальной безопасности, процесс, происходящие в нем как в глобальном, так и в локальном масштабах не могут не оказывать взаимного влияния на технологии, методики, стратегии и иные составляющие образовательного процесса.

Основными причинами глобализации в высшем образовании являются:

- формирование международного рынка труда, стремительный рост информационных технологий, развитие экономики знаний;
- рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение;
- расширение учебных планов и обучение студентов в зарубежных вузах;
- расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов;

* © Трещева К.С., 2019.

Интернационализация высшего образования: социологический аспект

- повышение качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др. [6]. В настоящее время эти причины не утратили своей актуальности. Более того, именно они обуславливают стратегические планы развития отдельно взятых университетов и иных образовательных организаций, взаимодействующих в рамках глобального образовательного пространства. При этом интернационализация образовательных систем является «проактивным инструментом модернизации высшего образования для успешного существования в условиях еще большей глобализации» [10. Р. 24]. Интернационализацию называют не только одним из образовательных трендов, но и наиболее значимой характеристикой стратегического университетского менеджмента, обеспечивающей эффективность управления образовательной организацией по некоторым ключевым направлениям. На рисунке 1 представлены основные эффекты процесса интернационализации через призму междисциплинарных исследований.

Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама сказал: «В мире 21-го века, где рабочие места могут быть организованы там, где есть подключение к интернету ... рабочий, родившийся в Далласе, теперь конкурирует с рабочим в Нью-Дели». Это означает, что национальные образовательные системы в целом, и отдельные университеты в частности, интернационализируя образовательные программы должны брать во внимание и аспекты технологизации, цифровизации происходящих социальных процессов.

В этом аспекты интересным представляются данные американского агентства «Global Perspectives», которое в 2016 году на исследование, отражающее современные тренды, влияющие на развитие образовательных систем [7]. Согласно полученным данным, 60% выпускников средних школ считают понимание различных культур наиболее важной предметной областью, опережая навыки письма и математические навыки. Поскольку технологии делают наш мир более доступным, и поскольку классы становятся все более разнообразными, студенты признают необходимость понимания культуры других, а также своей собственной.

Почти все (98%) студенты, участвовавшие в исследовании, согласились с тем, что глубокое понимание мировой истории и событий имеет решающее значение для выработки решений глобальной проблемы. Студенты заинтересованы в том, чтобы быть лучшими гражданами мира. Изучение мировых событий позволяет им глубже понять прошлое, чтобы изменить будущее.

Студенты, которые узнают о глобальных проблемах, более чем в два раза чаще видят важность личного принятия социальных мер. Глобальное обучение способствует осознанию и критическому осмыслению таких вопросов, как нищета, изменение климата, религиозные и культурные различия, мировая торговля и политика.

Девять из 10 студентов, преподавателей и лидеров отрасли признают, что рабочие места станут все более международными. Существует широкое понимание того, что глобализация приводит к тому, что компании становятся более разнообразными, чем когда-либо прежде.

Число транснациональных корпораций выросло с 7 000 в 1990-х годах до 65 000 в 2013 году. Число многонациональных корпораций продолжает расти по мере того, как развитие технологий и транспорта революционизирует рабочую силу.

Рисунок 1. Эффекты процесса интернационализации через призму междисциплинарных исследований.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Внедрение международного измерения. Интернационализация на национальном, секторальном и институциональном уровнях определяется как процесс внедрения международного, межкультурного или глобального измерения в цели, задачи и методы высшего образования (Джейн Найт, Институт образовательных исследований при Университете Торонто, Канада [11, с. 6])

Улучшение качества высшего образования. Растущий фокус на международное образование повышает качество высшего образования на глобальном рынке труда, но также ставит вопрос оценки качества высшего образования (Дирк Ванн Дамм, отдел инноваций и оценки эффективности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Париж, Франция [13, с.103])

Международное образование. [Интернационализация] варьируется от ставших традиционными программ обучения за рубежом, которые позволяют студентам узнать другие культуры, до предоставления доступа к высшему образованию в тех странах, где местные университеты не справляются с потребностями экономики и рынка труда. Другие направления деятельности уделяют внимание развитию международного кругозора и навыков студентов с помощью программ языковой подготовки и развития межкультурного взаимопонимания (Филип Альтбах, Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США; Джейн Найт, Институт образовательных исследований при Университете Торонто, Канада [8, с. 291])

Рост предпринимательства, менеджмент высшего образования. Растущий фокус на международное образование повышает качество высшего образования на глобальном рынке труда, но также ставит вопрос оценки качества высшего образования (Дирк Ванн Дамм, отдел инноваций и оценки эффективности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Париж, Франция [13, с.103])

Рекрутинг иностранных студентов, академическая мобильность преподавателей. Это поток студентов и сотрудников университетов в обоих направлениях, стратегические партнерства, совместные программы с зарубежными университетами (Джон Филден, консалтинговая компания в области менеджмента, в графство Хемпшир, Великобритания [9, с. 32])

Развитие сотрудничества в сфере высшего образования. Фокус на развитие сотрудничества для уменьшения рисков, увеличения конкурентоспособности, углубления и расширения базы знаний для исследований, предпринимательства и образования (Ульрих Тайхлер, Международный центр по исследованиям высшего образования в Университете г. Кассель, Германия [12, с. 20])

Есть более чем 1 миллиард человек, которые говорят по-китайски, и только 508 миллионов человек, которые говорят по-английски. Английский больше не является доминирующим мировым языком. Для студентов, ставших гражданами мира, знание второго языка будет иметь решающее значение.

Только половина студентов в США изучают мировой язык по сравнению с Европой, где 90 процентов студентов изучают хотя бы один иностранный язык. Европейские школы создают двуязычных студентов, которые будут рассматриваться как гораздо более ценные для многонациональных компаний. В будущем ожидается, что люди будут говорить более чем на одном языке, чтобы успешно конкурировать на рабочем месте.

Университеты разрабатывают свои стратегии интернационализации для того, чтобы иметь основу для адаптации к новым глобальным тенденциям и региональным вызовам, а также использовать возможности, открывающиеся на глобализованном и более либерализованном международном рынке высшего образования. Понимание того, что «быть международным» означает как географические, так и качественные аспекты, поскольку оно включает в себя как работу с организациями-партнерами, так и работу с людьми из других стран и гарантию того, что качество научных исследований и обучения в учреждении соответствует стандарту, который будет рассматриваться как «международный» в рамках экспертной оценки.

Уровень заинтересованности и вовлеченности в интернационализацию позволяет ввести так называемую неформальную классификацию вузов. Исследователями выделяются пять категорий университетов в соответствии с моделью интернационализации:

- отечественные университеты (ориентированные только на национальный контекст);
- империалистические университеты (широкий перечень международных программ, но плохие условия для иностранных студентов);
- университеты с международными программами (пытаются иметь международный профиль, но не занимаются набором иностранных студентов);
- международные университеты (работающие на международной арене в рамках институциональных партнерств и набирающие иностранных студентов и сотрудников);
- университеты, ориентированные на международную деятельность (уровень прогресса и достижений в области интернационализации является наиболее сильным).

В целом, стратегия интернационализации вводит так называемую «дорожную карту», которая предназначена для достижения основных международных целей учреждения, и она может включать широкий спектр конкретных мероприятий по реализации, но часто выражается через:

- перестройку учебной программы для обеспечения международного охвата и направленности, а также актуальности для иностранных студентов;
- интернационализация преподавания и обучения, признавая различные культурные идентичности в стиле обучения и нанимая зарубежный педагогический персонал;
- предоставление услуг, отвечающих практическим и культурным потребно-

стями иностранных студентов;

- бенчмаркинг образовательных услуг, не связанных с национальными организациями, но связанных с другими странами;

- повышение мобильности студентов и сотрудников между университетами в разных странах, поощрение студентов проводить время в зарубежных университетах в рамках своих программ и поощрение преподавателей проводить исследовательскую работу с партнерскими учреждениями за рубежом;

- формальное включение «зарубежного» элемента в проекты, программы исследований, например, путем включения возможностей для проведения международных полевых исследований;

- создание совместных учебных программ с зарубежными учреждениями, например, соглашений о партнерстве, совместных программ получения степени или отдельных программ PhD;

- создание филиалов зарубежных университетов на базе своих, часто в партнерстве с другими организациями частного или государственного сектора;

- налаживание партнерских отношений в области исследований с зарубежными университетами.

Таким образом, являясь одной из основных современных тенденций, интернационализация высшего образования определяется как разнообразие политики и программ, реализуемых университетами и правительствами в ответ на глобализацию. Интернационализация в высшем образовании коренным образом изменила общую картину «современного университета», в определенной степени сместив фокус с национальных образовательных парадигм в сторону глобальных, интернациональных. Современные университеты, ориентированные на глобальный образовательный рынок, неизбежно вынуждены выстраивать стратегию своего развития с учетом глобальных трендов, что требует разработки соответствующих учебных программ, внедрения технологий, изменения маркетинговой политики по набору студентов и в целом – пересмотр университетской идеологии.

References

- [1] Ananchenkova P.I. Image as a factor of competitiveness of a higher educational institution. - M.: Academy of Labor and Social Relations, 2013.
- [2] Ananchenkova P.I., Anikeeva O.P., Akhmetzyanova G.N., Akhmetshin A.Kh., Ascheulov V.A., Badeeva E.A., Bezborodova T.M., Bulakhova Yu.V., Volodin A.I., Gaididei Yu.M., Golubeva A.I., Gorbenko S.M., Goryunov I.V., Gridina L.V., Gurov V.S., Gushchina L.S., Derkanosova N.M., Donetskaya S.S., Dremova L.A., Dubov G.M. et al. Quality management and innovation in education: a regional aspect. Collective monograph in 2 volumes. - M., 2010.
- [3] Coastal O.A., Kudashov V.I. The globalizing world and the transformation of higher education // The Century of Globalization. 2017. № 4. P. 112-121
- [4] Galaeva E.V., Dolzhenkova Yu.V., Zhukov A.L., Zbyshko B.G., Kyazimov K.G., Roik V.D., Rofe A.I., Samrailova E.K., Shakhoj V.A., Ananchenkova P.I., Balandina O.V., Vashalomidze E.V., Veshkurova A.B., Govorova N.A., Ivanov G.S., Iglitskaya E.A., Kopylova G.A., Kugushev R.R., Kumar Yu.B., Ser L.M. et al. Development of the theory and practice of labor economics. - M. - Berlin, 2017.
- [5] Kuzmina N.N., Ananchenkova P.I. Fourth Industrial Revolution: Global Challenges and Prospects for Digitalization. Part 1. Digitalization as the basis of the fourth industrial revolution // Labor and social relations. 2018. № 2. P. 5-14.
- [6] Draft Concept of the federal target program "Development of Informatization in Russia for the Period Until 2010" // URL: <http://www.libertarium.ru> (access mode: free). - Zagl. from the screen.
- [7] 7 Shocking Statistics Illustrating the Importance of Global Education // URL: <https://medium.com/global-perspectives/7-shocking-statistics-illustrating-the-importance-of-global-education-b6b68d70e22d> (10.09.2019)

- [8] Altbach P., Knight J. The internationalization of higher education: Motivations and realities. *Journals of Studies in International Education*. 2006. Vol. 11 (3-4). P. 290-305.
- [9] Fielden J. The practice of internationalization: Managing International Activities in UK Universities. UK Higher Education International Unit, 2008. 70 p.
- [10] Globalization and internationalization in higher education: theoretical, strategic and management perspectives [Text] / F. Maringe, N. Foskett (Ed.). 2010. 24 p.
- [11] Knight J. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*. 2004. Vol. 8 (1). P. 5-31.
- [12] Teichler U. The changing debate on internationalisation of higher education. *Higher education*. 2004. Vol. 48. P. 5-26.
- [13] Van Damme D. Quality issues in the internationalization of higher education. *Higher Education*. 2001. Vol. 41. 415 p.

Библиографический список:

- [1] Ананченкова П.И. Имидж как фактор конкурентоспособности высшего учебного заведения. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2013.
- [2] Ананченкова П.И., Аникеева О.П., Ахметзянова Г.Н., Ахметшин А.Х., Ащеулов В.А., Бадеева Е.А., Безбородова Т.М., Булахова Ю.В., Володин А.И., Гайдидей Ю.М., Голубева А.И., Горбенко С.М., Горюнов И.В., Гридина Л.В., Гуров В.С., Гущина Л.С., Дерканосова Н.М., Донецкая С.С., Дремова Л.А., Дубов Г.М. и др. Менеджмент качества и инновации в образовании: региональный аспект. Коллективная монография в 2 томах. – М., 2010.
- [3] Береговая О.А., Кудашов В.И. Глобализирующийся мир и трансформация высшего образования // Век глобализации. 2017. № 4. С. 112-121
- [4] Галаева Е.В., Долженкова Ю.В., Жуков А.Л., Збышко Б.Г., Кязимов К.Г., Роик В.Д., Рофе А.И., Самраилова Е.К., Шаховой В.А., Ананченкова П.И., Баландина О.В., Вашаломидзе Е.В., Вешкурова А.Б., Говорова Н.А., Иванов Г.С., Иглицкая Е.А., Копылова Г.А., Кугушев Р.Р., Кумар Ю.Б., Сер Л.М. и др. Развитие теории и практики экономики труда. – М. - Берлин, 2017.
- [5] Кузьмина Н.Н., Ананченкова П.И. Четвертая промышленная революция: глобальные вызовы и перспективы цифровизации. Часть 1. Цифровизация как основа четвертой промышленной революции // Труд и социальные отношения. 2018. № 2. С. 5-14.
- [6] Проект Концепции федеральной целевой программы «Развитие информатизации в России на период до 2010 года» // URL: <http://www.libertarium.ru> (режим доступа: свободный). – Загл. с экрана.
- [7] 7 Shocking Statistics Illustrating the Importance of Global Education // URL: <https://medium.com/global-perspectives/7-shocking-statistics-illustrating-the-importance-of-global-education-b6b68d70e22d> (10.09.2019)
- [8] Altbach P., Knight J. The internationalization of higher education: Motivations and realities. *Journals of Studies in International Education*. 2006. Vol. 11 (3-4). P. 290-305.
- [9] Fielden J. The practice of internationalization: Managing International Activities in UK Universities. UK Higher Education International Unit, 2008. 70 p.
- [10] Globalization and internationalization in higher education: theoretical, strategic and management perspectives [Text] / F. Maringe, N. Foskett (Ed.). 2010. 24 p.
- [11] Knight J. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*. 2004. Vol. 8 (1). P. 5-31.
- [12] Teichler U. The changing debate on internationalisation of higher education. *Higher education*. 2004. Vol. 48. P. 5-26.
- [13] Van Damme D. Quality issues in the internationalization of higher education. *Higher Education*. 2001. Vol. 41. 415 p.

Нараева А.А.

*Graduate student of the department
«Philosophy and Humanities»
of the North-Caucasian State Academy.*

Social elements that influence the formation of normative consciousness

Abstract. Normative consciousness is a value that is necessary and fundamental for the realization of human rights and peace. In its simplest and most basic form, normative consciousness is the understanding, acceptance and awareness of the norms and rules existing in society.

Key words: man, youth, humanity, morality, consciousness, society.

Ханаева А.А.

*Аспирант кафедры «Философия
и гуманитарные дисциплины»
Северо-Кавказской Государственной Академии.*

Социальные элементы, влияющие на формирование нормативного сознания

Аннотация. Нормативное сознание представляет собой ценностью, являющейся необходимой и основополагающей для реализации прав человека и достижения мира. В своей самой простой и основной форме нормативное сознание есть пониманием, принятием и осознанием существующих в обществе норм и правил.

Ключевые слова: человек, молодежь, человечность, нравственность, сознание, общество.

Хапаева А.А.*Аспирант кафедры «Философия и гуманитарные дисциплины»
Северо-Кавказской Государственной Академии.*

Социальные элементы, влияющие на формирование нормативного сознания*

Формирование нормативного сознания как понимание и принятие существующих норм и правил лишь нижняя ступенька для достижения одной из целей общества. За формированием нормативного сознания должны следовать понимание, уважение, почтение и, наконец, активное сотрудничество между субъектами общества.

Важнейшую роль в реализации идеи нормативного сознания играет образование. Образование является важнейшей ниточкой в процессе прививания индивиду основных качеств нормативного сознания, так как у педагога есть возможность действовать на человека на уровне индивидуального сознания. Очень важно повлиять на сознание индивида еще в юношеском возрасте, пока она еще не попало в безнравственную паутину.

Молодежь является основной сферой общества, поколением которое со временем приходит на смену другим. На этой стадии своего жизненного цикла человек строит тот фундамент на котором будут стоять ценности и нормы будущих поколений. И естественно очень важно какой след в этом вопросе оставит нынешняя молодежь. От того какие интересы преобладают в этой сфере зависит, что будет в дальнейшем с обществом и государством в целом, в области социально-экономического, политического и культурного развития.

Молодежь – это огромная часть нашего общества. И каждое поколение привносит в общество свои нормы и ценности и отвергает старые. Она создает свой собственный стиль жизни.

Как уже выше было отмечено основную роль на развитие мышления у подростков играет образование. Основной целью высших учебных заведений, безусловно, является дать студентом соответствующий уровень знаний, но не маловажную роль играет и воспитать в будущем члене социокультурного общества нормативного сознания. Большая нагрузка в этом передается гуманитарным дисциплинам, таким как социология, философия, политология, культурология, право, психология и др..

Острая необходимости уделить этому вопросу больше внимания не оставляет никаких сомнений. На сегодняшний день, как и в остальные времена, особенно пост период развала СССР, практика показывает, что состояние нормативного сознания оставляет желать лучшего. Так же необходимо отметить, что в военное и послевоенное время нормативное сознание было в более лучшем состоянии, что можно услышать из уст наших предков, не смотря на тяжелые условия жизни.

Развитие духовно-нравственных качеств субъекта является необходимым для развития общества и нормативного сознания, является основой для экономиче-

* © Хапаева А.А., 2019.

Социальные элементы, влияющие на формирование нормативного сознания

ской стабильности страны и длится на протяжении всей жизни человека¹.

Но нельзя всю ответственность возложить только лишь на образовательные учреждения. Наш век, это век прогресса и этот прогресс принес нам с собой не мало благ, одним из которых является и информационное пространство, которое имеет не мало важную роль в развитии субъекта и его нормативного сознания.

На сегодняшний день, основным видом информационного пространства является глобальная сеть интернет, которая поглотила все вокруг, и привела с собой стремительно ворвавшиеся в нашу жизнь, социальные сети, не оставившие в стороне практически никого.

Это все является следствием научно технического прогресс, который привел наше общество в такое состояние, когда большинство людей перестали представлять свою жизнедеятельность без интернета и социальных сетей. Они на сегодняшний день является основной сферой деятельности и увлечением большой группы населения не только нашей страны, но и всего мира. Мы ни в коем случае не приводим утверждений что научно технического прогресс не явился благом для нашего общества, но является ли благом присутствие интернета в нашей жизни нам еще стоит обсудить.

В 2019 году аудитория интернет пользователей насчитывает 4.39 миллиарда человек, а в социальных сетях зарегистрированы 3,48 миллиардов человек. Учитывая что население мира в 2019 году насчитывает 7,7 миллиардов человек, из которых не будем учитывать детей и стариков, то больше половины населения земного шара пользуются услугами социальных сетей. Сегодня с младенчества детей приучают к гаджетам, и им с молоком матери прививается понятие того, что это является неотъемлемой частью их жизнедеятельности. Телевизор, телефон, интернет становятся воспитателями, друзьями, учителями подрастающего поколения, а как мы указывали выше, это поколение есть наше будущее, и то какими они станут благодаря информационному пространству и есть, то чем будет наше общество в будущем и нынешнем. Нынешнее поколение до 30 лет уже выросла на этих «благах» постиндустриального общества. Безусловно нельзя выразить однозначного мнения на счет пользы или вреда данных видов информационного пространства, но можно выразить свое мнение по этим поводам. Человек может простым пером написать бессмертный роман или подписать указ о казне, любую вещь можно использовать как и во благо так и во вред, как и любую ситуацию можно растолковать во множестве различных вариантов, так же дела обстоят и с использованием и пользованием предоставленных нам благ. Необходимо научиться и научить получать из всего «информационного излишества» лишь необходимое и полезное для нас, нашего общества и нашего будущего.

С появлением в нашей жизни социальных сетей и сети интернет все для человека стало доступно, информация, книги, люди, общение и многое другое, и в следствии своей доступности все потеряло цену. Человеческие качества стали пропадать в социальной паутине, стало актуально лишь качество «портфолио» на сайте. И в следствии того, что «виртуальная социальная жизнь» занимает значительную часть в жизни социального субъекта, она имеют неоспоримое воздействие на его сознание.

В современном мире особенно актуально воспитание нормативного сознания.

1 Шершнева П.И. Внеаудиторные мероприятия в духовно-нравственном воспитании студентов / П.И. Шершнева, М.В. Куимова // Молодой ученый. 2015. №2. 568 с.

На ряду с этими элементами необходимо уделить внимание и такому как этнические общество и их восприятие и отношение к состоянию общественной нравственности. В каждом этносоциуме должно уделяться этому вопросу колоссальное внимание, ведь основным источником прививания человеку нравственных качеств является именно его этническая среда. Этносоциум представляет собой большую семью которая несет ответственность за привитые ребенку качества Человека. И тут начинает входить в силу понятие субъект – субъектных отношений, развивая которые мы придем к развитию экзистенциально-ценностного поведения, развивая которые мы добьемся становления понятия «Человек», благодаря которому мы придем к такому состоянию общества которого пытается добиться нормативное сознание. Именно благодаря формированию Человека проблема не принятия и не понимания нормативного сознания, и не только, может искорениться. Человек является необходимым и главным элементом формирования нормативного сознания, элементом без которого нормативное сознание априори не может существовать, постольку поскольку нормативное сознание формируется из качеств присущих Человеку: человечности, справедливости, милосердия, этичности и т.п..

Человек - это возвысившаяся над людским родом личность субъект-субъектного типа, жизнедеятельность которой осуществляется на основе диалоговой формы общения с себе подобными и средой обитания. Данное определение, основанное на законе родовидовых отношений, выявляет смысловой стержень сущности Человека- осознание человечности как основы собственного существования. Человечность есть осознание единства собственного Я и других Я, как проявление субъект-субъектных отношений, выводящих Человека на уровень диалоговой формы общения, позволяющее проявиться гуманизму в полном объеме.

С учётом сказанного можно утверждать, что Человек есть нравственно возвышенный представитель людского рода, осознавший свою способность решать морально - этические проблемы долга и должного в пределах исторического процесса жизнедеятельности, основанной на идеях субъективных отношений и диалоговой формы общения с себе подобными и окружающей средой обитания.

В общем и целом тренд на самоуход человека и самоликвидацию привычных институтов существования, которые держат человека (семья, брак, мораль, право, образование, культура, воспитание и др.) становятся ярко выражены².

И если этот аутсорсинг беспределен и человек все более трансформируется радикально и онтологически, тогда это – естественный процесс мутации человечества и его исчезновение нормально, как является нормальным естественный процесс смены биологических видов³.

Основным фактором возникновения и существования нормативного сознания является человечность!

Человечность – это аккумулятивно – определяющее сущность Человека качество, выделяющее из людской среды интеллектуально – креативную и свободно – ответственную за свои деяния Личность субъект – субъектного типа, усвоившая диалоговую форму общения с окружающей средой обитания на основе признания силы ненасильственного преодоления зла.

2 Смирнов С.А. ФОРСАЙТ ЧЕЛОВЕКА Опыты по неклассической философии человека Новосибирск 2015. 306 с.

3 Там же С. 311

Человечность- это скованное этико-аксиологическим обручем единство автономного и интеллектуально-креативного существования Личности. Человечность не существует самостоятельно, оторвано от ее носителя- Человека.

Человечность как базовое качество человека известно было со времен античности, где оно как не как формулирующее и упорядочивающее жизнь противопоставлялось поведению нечеловеченных людей (варварам). Позже это понятие было утрачено и термин «человек» отождествленный со словом «люди», вышел в словоупотребление «научное обращение как синоним последнего. Так появилось и утвердилось мнение, что «человек – это люди в единственном числе», а «люди – это во множественном числе», зафиксированные в словарях так на долгое время было обесмыслено и обесценено и гордое имя очеловеченной Личности – Человек.

Безусловно, надо достичь такого состояния сознания, чтобы личность могла не только культивировать своеволие, раскрывать множество присущих ей способностей, выявить разрушающие факторы в их жизнедеятельности, но и уметь проявлять силу духа, обеспечивая своему внутреннему «Я» экзистенциальное равновесие в системе ценностно-идеальных отношений. Культивирование нравственными законами позволяет говорить о человеке как о вселенском существе⁴.

Нравственность рождает человека, личность, не лишенную чувства собственного достоинства. Интеллигент, не оплодотворенный нравственностью лишен сознания. Он есть тот самый сон разума, который рождает чудовищ.

Наше общество, после нескольких десятилетий все еще находящееся в поле всеобщей относительности с блуждающими культурой и гуманитарными науками, похоже, не осознало еще, что без нравственных людей невозможно строить социально справедливое общество. Поэтому важно понять актуальность проблемы человечности и необходимость увеличения числа нравственных людей - реальных граждан, без которых невозможно формирование реального, не мнимого, гражданского общества.

Растущая технологизация и фрагментация общественной жизни неотступно ведет страну к утверждению коммерциализации и бизнеса. По этой модели в большинстве стран начала строиться вся остальная жизнь общества, что привело к односторонности, игнорированию специфики разных сторон жизни. Эта доминирующая уже не одно десятилетие односторонность делает ненужной базовую ценность-человечность, без которой не может формироваться социально справедливое общество, функционирующее на основе гуманизма. Такого развития общества невозможно достичь, требуя от индивида только четкости, исполнительности, интеллекта, креативности. Как метко и образно заметил Д.И. Менделеев «знание без воспитания -равно, меч в руках сумасшедшего». Сегодня все чувствительнее ощущается важность осознания необходимости преодоления интеллектуальной фрагментарности, восстановления целостности Человека, сохранения и стимулирование развития его основного качества, жить достойно жизни. Если понимание причин и следствий, добра и зла не отражается в действиях очеловеченных людей. Нет смысла говорить о человечности. Человечность ведет человека в первую очередь к освобождению от зависимостей, росту автономии и преодолению эгоцентрически суженного мировоззрения личности, расширению ее перспектив, благодаря, прежде всего, рефлексивному сознанию. Человечность это еще и ме-

4 Газгирева Л.Х. духовная жизнь современного российского общества в экзистенциальном-ценностном измерении. Ставрополь. 2014. 240 с.

ханизм сохранения и передачи духовного наследия. Она работает независимо от усилий самих творцов: основное наследие Гомера и Сократа дошло до наших дней, ориентируя новые поколения на идеалы человечности, связанные с установками на развитие и благополучие других и одновременно самого себя.

Иногда можно встретить суждения, в которых утверждается: «Именно техника, в то числе и социально – антропологическая, выводит человека из нечеловеческого состояния в человеческое»⁵. Как понимать фразу «... выводит человека из нечеловеческого состояния»? Может ли Человек находится в нечеловеческом состоянии? В нечеловеческом состоянии обычно находятся нечеловеческие люди. Человеческая Личность, став однажды Человеком не может оказаться в нечеловеческом состоянии. Он может оказаться по воле рока в нечеловеческой среде и, в этом случае он останется Человеком, если, конечно, до того был таковым. Личность, однажды став Человеком, не может «расчеловечиваться», стать нечеловеческим индивидом.

Свобода выбора и наличное право «решать» делают человека «Челом Века» - носителем вечной истины, именуемой человечностью. Только эти качества позволят нормативному сознанию быть как токовым, а не тем что нужно принимать. Только благодаря этим качествам можно придти к равновесию в Мире.

Как говорят: философы лишь объясняют мир, а нужно переделать его. На самом деле, не мир нужно переделать, а себя. Мир и так хорош, устроен по законам Красоты и Справедливости, что доказывает трансценденталисты. Преумно и человечество как часть Природы. Оно нуждается в постоянной ценности. Одна из притч античности содержит мудрость о том, что в начале творения боги разделили Единого Человека на многих людей, что бы тому был легче справиться с делом.

Делая вывод из выше изложенного мы смело можем сказать, что жить нравственно в безнравственном обществе – вот предназначение Человека – нравственной Личности, возвысившейся над безнравственной личностью. Нынешний мир, который является сетью межинтеллектуальных взаимодействий теперь нуждается не в господстве и безоглядности подчинений, а в сотрудничестве, на основе утверждения субъект – субъектных отношений, диалоговой формы общения и ненасильственного преодоления зла. Иначе будем жить в обществе, которое требует плату за комфорт душевной пустотой и утратой основного качества Человек – гуманности.

References

- [1] Shershnev P.I. Extracurricular activities in the spiritual and moral education of students / P.I. Shershnev, M.V. Kuimova // Young scientist. 2015. № 2. 568 p.
- [2] Smirnov S.A. Foresight of a human Experiments on the non-classical philosophy of man Novosibirsk. 2015. 306 p.
- [3] Gazgireeva L.Kh. the spiritual life of modern Russian society in an existential-value dimension. Stavropol. 2014. 240 p.
- [4] Questions of philosophy. 2011. № 2. 33 p.

Библиографический список:

- [1] Шершнева П.И. Внеаудиторные мероприятия в духовно-нравственном воспитании студентов / П.И. Шершнева, М.В. Куимова // Молодой ученый. 2015. № 2. 568 с.
- [2] Смирнов С.А. ФОРСАЙТ ЧЕЛОВЕКА Опыт по неклассической философии человека Новосибирск. 2015. 306 с.
- [3] Газгиреева Л.Х. духовная жизнь современного российского общества в экзистенциально-ценностном измерении. Ставрополь. 2014. 240 с.
- [4] Вопросы философии. 2011. № 2. 33 с.

5 Вопросы философии 2011. № 2. 33 с.

Domashova E.V.

Applicant of the Department of sociology of the A.I. Herzen state pedagogical University (St. Petersburg), Senior lecturer of the Department of pedagogy, psychology and social work FGBOU VO "Gaga" (Gorno-Altaysk).

Borisov A.F.

Professor, Doctor of Social Sciences, sociology Department of FSBEI, A.I. Herzen state pedagogical University. (St. Petersburg).

Effectiveness of social protection system management at the regional level

Abstract. The article deals with the main problems of effective management of the social protection system. There is an underestimation of the importance of managing the social protection system of the population, which is associated with the weak development of many legal, financial and organizational mechanisms, both at the legislative level and at the level of their implementation. On the basis of the studied scientific literature, the main problems in the management of the social protection system are identified, and it is also noted that at the regional level, the problem field expands depending on the specifics of the region's development, such as: socio-geographical characteristics of the region; socio – economic potential of the region; the level and quality of social security in the region; the degree of infrastructure development and the quality of social services provided in a specific territory; management of the social protection system of the population. The main directions of improving the efficiency of the social protection system management have been identified as the most effective. In conclusion, it is noted that the activities of the management system to date does not meet modern social requirements. In the context of rapidly changing needs of the individual and society, it is necessary to create conditions for effective management of the social protection system.

Key words: social protection, Executive power, legislative power, Federal level, regional level.

Домашова Е.В.

Соискатель кафедры социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург). Старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «ГАГУ» (г. Горно-Алтайск).

Борисов А.Ф.

Профессор, доктор социологических наук, кафедра социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург).

Эффективность управления системой социальной защитой на региональном уровне

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы эффективного управления системой социальной защитой населения. Отмечается недооценка важности управления системой социальной защиты населения, что связано со слабой разработкой многих правовых, финансовых и организационных механизмов, как на законодательном уровне, так и на уровне их реализации. На основании изученной научной литературы выделены основные проблемы в управлении системой социальной защитой, а также отмечается что на региональном уровне проблемное поле расширяется в зависимости от специфики развития региона таких как: социально-географические характеристики региона; социально – экономический потенциал региона; уровень и качество видов социального обеспечения в регионе; степень развитости инфраструктуры и качество предоставляемых социальных услуг на конкретной территории; управление системой социальной защиты населения. Выделены основные направления повышения эффективности управления системой социальной защитой зарекомендовавшие себя как наиболее эффективные. В заключении отмечается что, деятельность системы управления на сегодняшний день не соответствует современным социальным требованиям. В условиях быстро меняющихся потребностей личности и общества, необходимо создавать условия для эффективного управления системой социальной защитой населения.

Ключевые слова: социальная защита, исполнительная власть, законодательная власть, федеральный уровень, региональный уровень.

Домашова Е.В.

Соискатель кафедры социологии ФГБОУ ВО
«Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург).
Старший преподаватель кафедры педагогики, психологии
и социальной работы ФГБОУ ВО «ГАГУ» (г. Горно-Алтайск).

Борисов А.Ф.

Профессор, доктор социологических наук,
кафедра социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург).

Эффективность управления системой социальной защитой на региональном уровне*

Управление системой социальной защитой населения является один из основных элементов стабильного и прогрессивного развития общества. В то же время, очевидно, что в системе социальной защиты Российской Федерации в настоящее время существует ряд серьезных проблем, которые отрицательно отражаются на уровне социальной защищенности населения на региональном уровне.

Причинами, обуславливающими данное обстоятельство, являются: «во-первых, социально-экономическими преобразованиями, проводимыми в России, определившими кризисное состояние социальной сферы и вызвавшими значительное увеличение количества социально незащищенных слоев населения. Во-вторых, тотальная бедность населения связана с низким уровнем заработной платы, стипендий, пособий, отставанием размера минимальной пенсии от прожиточного минимума, сокращением числа наемных работников, нестабильностью и недостаточностью государственного финансирования социальных программ. В-третьих, демографическая обстановка постоянно ухудшается» [7, с. 82].

Предотвращение падения уровня жизни малообеспеченных групп населения является основной целью деятельности социальной защиты и подразумевает усиление адресности оказываемой социальной поддержки, сохранение стабильности через оказание различных видов социальных услуг, а также сохранение стабильности социального самочувствия населения. К малообеспеченным группам населения относятся прежде всего инвалиды, люди пожилого возраста, семьи с детьми и др. [4, с. 25]. В связи с этим в эффективном управлении системой социальной защитой населения нуждается определенная часть населения.

Противоречия в российской системе законодательной и исполнительной власти повышают интерес к исследованию и анализу управления системой социальной защитой населения [2, с. 20].

На основании изученной научной литературы [1-8] можно выделить проблемы в управлении системой социальной защитой:

во-первых, нормативно-правовое обеспечение управления системой социаль-

* © Домашова Е.В., Борисов А.Ф., 2019.

Эффективность управления системой социальной защитой на региональном уровне

ной защитой населения в настоящее время остается неотлаженным;

во-вторых, не менее значимой является кадровая проблема, заключающаяся прежде всего в низкой оплате труда при большом разнообразии и количестве получателей социальных услуг. Руководители не заинтересованы в обучении и повышении квалификации своих специалистов в отрыве их от процесса работы;

в-третьих, механизм управления системой социальной защитой еще находится на стадии становления. Разные уровни власти, различаются друг от друга своими полномочиями, возможностями и уровнем компетенций, что приводит к непоследовательности действий субъектов социальной защиты населения в системе;

в-четвертых, механизм управления системой социальной защитой, взаимодействие систем не отлажен в полном объеме – отсутствует межведомственное взаимодействие, в том числе с НКО, отсутствует механизм по привлечению финансов со стороны к решению актуальных проблем т.е. отсутствует механизм государственно-частного партнерства;

в-пятых, проблема с доступом к информационным ресурсам и информирование населения. Правильная организация процесса информатизации населения способна не только удовлетворить потребности граждан в информации о социальной защите, но и способствовать кардинальному снижению нагрузки на работников органов и учреждений социальной защиты населения всех уровней.

в-шестых, одной из значимых проблем в управлении системой социальной защитой является ограниченность финансовых ресурсов, это связано прежде всего с увеличением нагрузки на бюджет всех уровней власти поскольку увеличивается количество категорий граждан, нуждающихся в социальной защите [2, с. 21].

Отмеченные проблемы в значительной степени снижают возможность эффективного управления системой социальной защиты населения, поскольку контроль осуществляется формально. Такое положение вызвано рядом причин:

1. социальная защита выражена сложно сопоставимыми типами помощи (социально-психологическая, материальная и т.п.);

2. субъекты социальной защиты разнообразны, как и помощь, оказываемая им (многодетные семьи, молодежь, инвалиды, дети-инвалиды, а также престарелые и пожилые и т.д.);

3. привлечение различных специалистов, деятельность которых отличается друг от друга (социально- юридический, социально-педагогический консультант, организатор массового общественного мероприятия и пр.);

4. отсутствие точного срока для измерения уровня результативности управления системой социальной защитой [6, с. 78].

Следовательно, весьма трудно разработать критерии, а также адекватные методы оценки эффективности управления системой социальной защитой. Весьма затруднительно определить субъекты оценки эффективности и разграничить их полномочия.

Это лишь часть проблем в управлении системой социальной защитой, поскольку на региональном уровне существует свой, индивидуальный, специфический ряд проблем зависящий от специфики развития региона на определенном этапе исторического развития [3, с. 229]. Следовательно, при развитии эффективного управления системой социальной защитой, регионам необходимо учитывать:

1. социально-географические характеристики региона (национально-истори-

ческие условия жизни населения, природно-климатические, социальная структура, плотность населения);

2. социально – экономический потенциал региона: уровень и качество жизни населения; участие субъектов РФ в формировании валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, а также его фактическое потребление; величина и структура доходов населения; удельный вес незанятого населения в составе экономически активного населения;

3. уровень и качество видов социального обеспечения в регионе: размеры региональных, дополнительно к федеральным, социальных выплат (пособий, льгот и иных компенсационных денежных форм), количество нуждающихся в данных видах социальной помощи граждан и реальные возможности ее получения;

4. степень развитости инфраструктуры и качество предоставляемых социальных услуг на конкретной территории (степень развитости системы социального обслуживания: количество социальных учреждений по видам, количество оказываемых услуг и их реальное соотношение с потребностью населения в услугах);

5. управление системой социальной защиты населения (структура, функции, основные направления деятельности, показатели и критерии эффективности процесса управления и др.)

Можно сказать, что, в системе социальной защиты Российской Федерации в настоящее время существует ряд серьезных проблем, которые отрицательно отражаются на уровне социальной защищенности населения на региональном уровне. А именно, они определяются недостаточностью сети учреждений социального обслуживания, ограниченным финансированием сферы социальной защиты, несовершенством российского и регионального законодательства, а также в части распределения полномочий между субъектами управления, что в свою очередь является значимым фактором, препятствующим повышению эффективности управления системой социальной защитой населения [7, с. 82].

К основным, на данном этапе, целям развития социальной защиты населения на региональном уровне можно отнести: создание условий, в которых люди могут в большей степени реализовать свои возможности, то есть получить все то что им положено по закону; организация условий, при которых человек, несмотря на душевный срыв, физическое увечье или жизненный кризис, может жить, сохраняя чувство уважения к себе и чувство собственного достоинства; повышение уровня самостоятельности клиентов, их способностью осуществлять контроль за своей жизнью и более эффективно разрешать возникающие проблемы [3, с. 229].

Эффективное функционирование механизма управления системой социальной защитой на региональном уровне определяется наличием соответствующего ресурсного и организационно-правового обеспечения процесса развития региона.

Принятие нормативно-правовых актов обеспечивает организационно-правовое регулирование, а также процессы управления системой социальной защитой, формирование и обеспечение деятельности составляющих организационную структуру.

Ресурсное обеспечение управленческой деятельности представляет собой комплекс имеющихся и потенциальных возможностей региона, используемых в про-

цессе реализации управления системой социальной защитой населения региона (кадровые ресурсы, информационные, финансовые) [5, с. 159].

С целью повышения эффективности управления системой социальной защитой возможно выделить основные направления, зарекомендовавшие себя как наиболее эффективные:

Во-первых, «создание такой среды, где осуществляющие социальную работу государственные учреждения, конкурировали бы между собой, получая и распределяя полученную прибыль самостоятельно» [6, с. 79];

Во-вторых, «появление в социальной сфере негосударственных учреждений» [6, с. 79];

В-третьих, «конкурентный тендер и передача на подряд, благодаря которым представляется возможным усилить контроль за качеством услуг. Тендер представляет собой проведение торгов на основе конкурса, объект которого – передача на подряд выполнения определенных работ. Считается в настоящее время, что тендер и передача на подряд является одним из эффективных способов управления и контроля организации» [6, с. 80];

В-четвертых, «трансферты и ваучеры. Трансферт - перемещение средств с одного счета на другой, ваучер - документ перечисления платежей. В таком случае, государство финансирует определенные услуги, а отдельный субъект выбирает, каким способом воспользоваться данной услугой. Например, ваучер на образование, полученный родителями на образование ребенка, позволяет родителям выбрать самостоятельно школу для бесплатного обучения» [6, с. 80].

Таким образом, на современном этапе управление системой социальной защиты на региональном уровне сталкивается с рядом проблем, к которым относятся: нерешенность финансовых, правовых и организационных механизмов. Кроме того, для каждого региона существует свой специфический круг проблем, как на законодательном уровне, так и на уровне их реализации. Деятельность системы управления на сегодняшний день не соответствует современным социальным требованиям в условиях быстро меняющихся потребностей личности и общества, условиям жизни и деятельности человека.

References

- [1] Daurbekova H.I. State management of social protection of the population / Issues of harmonization of intercultural, interethnic and interfaith relations. Collection of articles of the International scientific-practical conference. Center for the Study of Global Issues of the Present and Regional Problems "Caucasus. Peace. Development"; South Federal University. Publisher: Publishing House "Pero" (Moscow). 2016. P. 338-350.
- [2] Zavgorodny A.F. Theoretical and methodological foundations of the formation and development of public administration of the system of social protection of the population / State and municipal administration in the XXI century: theory, methodology, practice. Publisher: Center for the Development of Scientific Cooperation, limited liability company (Novosibirsk). 2013. № 8. P. 20-24.
- [3] Mamaev D.S. Omarova, K.A. Actual problems of improving the organizational and managerial mechanism of regional systems of social protection of the population / Forms and methods of social work in various spheres of life. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Publisher: East Siberian State University of Technology and Management (Ulan-Ude). 2013. P. 228-230.
- [4] Novikova K.N. Sociology of social problems and its role in the management of social protection of the population / Social policy and sociology Publisher: Russian State Social University (Moscow). 2009. Number: 9 (51). P. 24-28.
- [5] Rabadanova A.A. The theoretical basis for the formation of a mechanism for implementing the strategy

- of socio-economic development of the region / Issues of structuring the economy. Publisher: Scientific and Analytical Center "Ethnoeconomics" (Makhachkala). 2009. № 4. P. 156-160.
- [6] Romanovskaya A.O., Bazyk E.F. Management Efficiency in the Social Sphere, Ways to Increase It // Scientific Community of Students of the XXI Century. ECONOMIC SCIENCES: Sat. Art. by mat. LXI Int. Stud. scientific-practical conf. № 1 (61) // URL: [https://sibac.info/archive/economy/1\(61\).pdf](https://sibac.info/archive/economy/1(61).pdf) (07.27.2019).
- [7] Suprun N.G. The specifics of managing social protection of the population in Russia / Science of the 21st century: questions, hypotheses, answers Publisher: IP Bobyrev A.V. (Taganrog). 2014. № 3. P. 82-86.
- [8] Khabarova E.V. Modern provision of effective social assistance in the Eurasian sociocultural space, regions of Russia at the beginning of the 21st century / The public of Siberia and the Far East on the "third way" for the development of modern society: the context of Eurasia (materials of the first stage of the full-time part-time round table) / ed. S.I. Grigoryeva. - Moscow; Novosibirsk Barnaul: Publishing House of VTsU-ZH. 2014. 48 p. (P. 19-21).

Библиографический список:

- [1] Даурбекова Х.И. Государственное управление социальной защитой населения / Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие»; Южный Федеральный Университет. Издательство: Издательство «Перо» (Москва). 2016. С. 338-350.
- [2] Завгородний А.Ф. Теоретико-методологические основы становления и развития государственного управления системой социальной защиты населения / Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества» (Новосибирск). 2013. № 8. С. 20-24.
- [3] Мамаева Д.С. Омарова, К.А. Актуальные проблемы совершенствования организационно-управленческого механизма региональных систем социальной защиты населения / Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы II Международной научно-практической конференции. Издательство: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ). 2013. С. 228-230
- [4] Новикова К.Н. Социология социальных проблем и ее роль в управлении социальной защитой населения / Социальная политика и социология Издательство: Российский государственный социальный университет (Москва). 2009. Номер: 9 (51). С. 24-28.
- [5] Рабаданова А.А. Теоретические основы формирования механизма реализации стратегии социально-экономического развития региона / Вопросы структуризации экономики. Издательство: Научно-аналитический центр «Этноэкономика» (Махачкала). 2009. № 4. С. 156-160
- [6] Романовская А.О., Базык Е.Ф. Эффективность управления в социальной сфере, пути ее повышения // Научное сообщество студентов XXI столетия. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. LXI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (61) // URL: [https://sibac.info/archive/economy/1\(61\).pdf](https://sibac.info/archive/economy/1(61).pdf) (дата обращения: 27.07.2019).
- [7] Супрун Н.Г. Специфика управления социальной защитой населения в России / Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы Издательство: ИП Бобырев А.В. (Таганрог). 2014. № 3. С. 82-86.
- [8] Хабарова Е.В. Современное обеспечение эффективной социальной помощи в евразийском социокультурном пространстве, регионах России начала XXI века / Общественность Сибири и Дальнего Востока о «третьем пути» развития современного общества: контекст Евразии (материалы первого этапа очно – заочного «круглого стола») / под ред. С.И. Григорьева. – Москва; Новосибирск; Барнаул: Изд-во ВЦУЖ. 2014. 48 с. (С. 19-21).

Belyaeva E.A.

*Candidate of Sociological Sciences,
associate Professor.*

Ural state mining University, Ekaterinburg.

Features of the sociological study of education (to the formulation of the problem of interaction between universities)

Abstract. The article presents various sociological approaches to the subject of sociology of education. Consideration of various theoretical and methodological approaches to the interpretation of education allows us to draw conclusions about their historical conditionality and dependence on social development. The prevailing trends of social development of society include its humanization, realization of social justice, strengthening of material and spiritual foundations of society, transformation of social norms and principles into an integral characteristic of the life of all members of society. Thus, the main functions of the education system are: the educational function responsible for the transfer of knowledge, values, skills, relationships and socio-transformative function, through which the education system reproduces the socio-economic conditions of society and the state.

Key words: education system, social development, socio-cultural functions of education, sociology of education.

Беляева Е.А.

*Кандидат социологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
горный университет», г. Екатеринбург.*

Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов)

Аннотация. В статье приводятся различные социологические подходы к предмету социологии образования. Рассмотрение различных теоретико-методологических подходов к трактовке образования позволяет сделать выводы об их исторической обусловленности и зависимости от социального развития. К преобладающим тенденциям социального развития общества относятся его гуманизация, реализация социальной справедливости, укрепление материальных и духовных основ общества, превращение социальных норм и принципов в неотъемлемую характеристику жизнедеятельности всех членов общества. Таким образом, основными функциями системы образования являются: образовательная функция, отвечающая за передачу знаний, ценностей, умений, отношений и социально-преобразовательная функция, посредством которой, система образования воспроизводит социально-экономические условия развития общества и государства.

Ключевые слова: система образования, социальное развитие, социокультурные функции образования, социология образования, социально-культурная среда.

Беляева Е.А.Кандидат социологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», г. Екатеринбург.

Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов)*

Система образования в качестве социального института, с одной стороны, выполняет определенные социокультурные функции, которые задаются глобальным уровнем цивилизационного развития, с другой стороны – система образования призвана служить интересам конкретного общества и государства. Универсальный характер системы образования обусловлен тем, что каждый член общества должен в ходе обучения с целью личностного, профессионального и культурного самоопределения, овладеть социокультурным опытом, который накопило человечество¹.

Осуществляя социокультурные функции, система образования обеспечивает воспроизводство и передачу культурного опыта, способствующего накоплению духовного и интеллектуального потенциала конкретного общества и государства. Иными словами, образование понимается как социальная метатехнология воспроизводства социокультурного опыта, рефлексии общества над ним и его преобразования.

Современная социология образования опирается на социологические идеи М. Вебера, К. Дэвиса, Э. Дюркгейма, У. Мура, Т. Парсонса и др., составляющих ее фундамент, на котором успешно развиваются концептуальные идеи современных зарубежных и отечественных ученых (Б. Бернштайн, Р. Будон, П. Бурдьё, Ж.-К. Пассерон, Н.А. Аитов, В.Я. Нечаев, В.Н. Турченко и др.)

Безусловно, истоки социологии образования находятся в функционализме Э. Дюркгейма, на идеях которого социология образования развивалась до середины XX века. Функционализм Э. Дюркгейма, в качестве методологического принципа постулирует положение, согласно которому, в общественном устройстве есть виды деятельности, считающиеся более важными, результаты их более ценными, чем другие. Множество социальных функций образуют иерархическую структуру в зависимости от того, насколько высоко они оцениваются².

Образование, отмечает Э. Дюркгейм, есть «...влияние, оказываемое взрослыми поколениями, на тех, кто еще не готов к социальной жизни. Целью его является воспитание и развитие в ребенке определенного набора физических, интеллектуальных и моральных качеств, которые требует от него как политическая система в целом, так и конкретная среда, для которой он специально предназначен...»³. При

* © Беляева Е.А., 2019.

Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов)

1 Перминова Л.М. Самоидентификация учителя: опыт дидактической рефлексии. СПб.: СПб АППО, 2004. 388 с.

2 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996.

3 Дюркгейм Э. Социология образования / под ред. В.С. Собкина, В.Я. Нечаева. М., 1986. 364 с.

этом, Э. Дюркгейм постоянно подчеркивает, что образование отражает все существенные стороны общества, оказывая друг на друга взаимное влияние. В своих работах Э. Дюркгейм фокусирует внимание на том, что через систему образования общество транслирует социальные нормы и ценности, усвоение которых служит важным показателем успешности обучения и основой для определения готовности к выполнению социальных ролей в обществе⁴.

При этом, основной функцией образования как социального института в общественном устройстве является всемерное содействие сохранению социального порядка. С этих позиций, образование выполняет функцию воспроизводства и передачи моральных ценностей, посредством которых, обеспечивается социальный порядок⁵. Таким образом, согласно воззрениям Э. Дюркгейма, система образования служит инструментом социализации подрастающего поколения. При этом агентом социализации становится образовательное учреждение.

Так же, как Э. Дюркгейм, его соратники и последователи считали основной функцией системы образования воспроизводство и передачу знаний, моральных ценностей, норм поведения, необходимых для обеспечения общественного порядка^{6, 7}. Т. Парсонс, рассматривая функцию социальной селекции, которую выполняет система образования, также как Э. Дюркгейм, связывал, во-первых, с успешностью обучения индивида, во-вторых, со степенью его включенности в социальные групповые отношения⁸. Развивая мысль о социальной дифференциации общества, Т. Парсонс утверждает, что социальный отбор осуществляется через механизм признания способностей и успехов индивидов, происходящее в процессе получения образования. Профессиональные статусы определяются их функциональной значимостью для общества и, как следствие, положением в иерархии социального престижа и материального вознаграждения, которое, необходимо для стимулирования индивидов выполнять значимые для общества функции⁹.

Таким образом, Т. Парсонс наделяет систему образования функцией воспроизводства социальной структуры общества, в том числе, за счет выявления, отбора и обучения наиболее способных и талантливых индивидов для занятия верхних статусных позиций.

К. Манхейма интересовало влияние, которое оказывают на систему образования, социальные факторы. Он исходил из того, что, образование в качестве социального института, участвует в социализации индивидов, данного общества, через формирование их должного социального поведения и служит средством селекции и социального контроля¹⁰.

Согласно ключевым положениям трудов Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и К. Манхейма, одним из факторов, определяющих социальную дифференциацию в обществе, является успешность обучения.

4 Дюркгейм Э. Социология образования / Под ред. В.С. Собкина и В.Я. Нечаева. М., 1996.

5 Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Ее предмет, метод, предназначение – М., 1995. 243 с.

6 Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. 215 с.

7 Davis K., Moore W. Sore Principles of Stratification. // Amer. Sociol. Rev. 1945. Vol. 10. № 4. P. 242.

8 Parsons T. The school class as a social system. - Harvard education revie, 1959. P. 297-318.

9 Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения – THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2.

10 Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.

К. Дэвис и В. Мур в качестве основы социальной дифференциации, определяли функциональная значимость индивида для общества. При том, что наиболее значимые позиции, обеспечивающие выполнение важных социальных функций, замещаются наиболее способными индивидами, выявление и отбор которых, возлагается на институт образования. Тогда содержание основной функции образования интерпретируется таким образом, что его роль состоит в обеспечении индивидов такими знаниями, навыками и квалификациями, которые позволяют им равноправно участвовать в общественном разделении труда¹¹. Научно обоснованная социальная селекция гарантирует, что наиболее значимые социальные функции будут исполняться наиболее способными и талантливыми индивидами¹². Таким образом, система образования, совместно с другими социальными институтами выполняет функцию социальной стратификации общества, обеспечивая готовность индивидов к выполнению, определенных социальных и профессиональных и ролей, принятых в конкретной социальной общности.

Вклад функционалистов в развитие социологического подхода в образовании заключается, в первую очередь, в обосновании наличия явных социальных функций – формирование знаний и умений, норм и ценностей, а также скрытых функций – социальная дифференциация и отбор, которые объявляются закономерным следствием выполнения системой образования своей социальной функции¹³.

Идеи функционализма долгие годы занимали в социологии образования ведущие позиции, но, несмотря на несомненные достижения, он стал уступать свои позиции альтернативным научным подходам, в частности, конфликтологическому.

Ключевым положением конфликтологического подхода является идея, согласно которой различные социальные группы, составляющие структуру общества, имеют различные интересы, в том числе образовательные, поэтому, одни получают от образования большую выгоду, другие меньшую или вообще лишены возможности учиться.

Истоки конфликтологического подхода связаны, в первую очередь, с работами К. Маркса и М. Вебера.

К. Маркс видел в образовании функции идеологической системы, которые осуществляются в интересах, господствующей в обществе, экономической системы. К. Маркс утверждал, что «с момента возникновения классов не род деятельности определяет принадлежность к данному классу, а наоборот, принадлежность к классу определяет заранее заданный круг профессий, которыми может заниматься выходец из данного класса, а система образования лишь «фиксирует» данное положение вещей»¹⁴.

К. Маркс обосновывает тезис о том, что система образования, обслуживая интересы господствующего класса, не заинтересована в обеспечении равных возможностей для развития и совершенствования личности представителей непривильегированных классов общества, тем самым, укрепляя сложившуюся классовую структуру общества, путем контроля видов образования, его содержания, что, в ко-

11 Davis K., Moore W. Sote Principles of Stratification. // Amer. Sociol. Rev. 1945. Vol. 10. № 4. P. 242.

12 Davis K., Moore W. Sote Principles of Stratification. // Amer. Sociol. Rev. 1945. Vol. 10. № 4. P. 242.

13 Фурсова В.В. Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. - Казань: Изд-во КГУ, 2006. С. 85-87.

14 Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. - Москва: Аспект-Пресс, 1996. С. 69.

нечном счете, предопределяет заданные социальные роли индивидов в обществе¹⁵.

М. Вебер, пытаясь определить роль образования в обществе, провел социально-историческое исследование, сравнивая функции образования в различные исторические периоды общественного развития. По мнению М. Вебера, в доиндустриальную эпоху образование выполняло роль средства социальной дифференциации, которое определяло жизненный путь и место индивида, обслуживая его образовательные потребности и интересы. В индустриальном обществе система образования начинает активно влиять на социальные процессы, используя для этого все возрастающую ценность образования, как для индивида, так и для государства и общества¹⁶.

С развитием индустриального общества, как отмечал М. Вебер, оно само начинает оказывать на систему образования всевозрастающее влияние через доминирующие социальные группы, которые контролируют процесс формирования самой системы образования, включая виды и содержание образования¹⁷.

В концепции Т. Веблена, обращается внимание на то, что представители разных социальных групп имеют доступ к разному по виду и содержанию образованию, закрепляя, тем самым, социальную дифференциацию в обществе¹⁸.

Рассмотренные подходы позволяют указать принципиальное расхождение во взглядах на роль образования между функционалистами и конфликтологами. Первые - утверждают, что система образования создает возможность способным занять высокую позицию в социальной структуре общества, вторые - отводят системе образования роль института воспроизведения социальной дифференциации общества.

Структурализм как научный подход, рассматривает любое сложное явление через выявление его внутренней структуры и определение характера связей и отношений элементов системы. Структурные связи и отношения выполняют в системе определенные функции¹⁹.

В этом качестве, по мнению Л. Альтюссера, система образования обеспечивает сохранение социального статуса индивида, что, в свою очередь, закрепляет социальное неравенство, сложившееся в обществе²⁰.

Другими словами, репродуктивная функция, которую выполняет системы образования, закрепляет сложившиеся в обществе социальные связи и отношения. Если Л. Альтюссер описывает функции образования как подсистемы, то С. Холл рассматривает индивида и социальную группу в качестве подсистем системы образования и заключает, что их роль в системе вторична.

С. Холл утверждал: природа общества и социальных институтов такова, что

15 Фурсова В.В. Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. - Казань: Изд-во КГУ, 2006. С. 15-16.

16 Вебер М. Избранные произведения / М.Вебер; пер. с нем. Ю.Н. Давыдов. - М.: Прогресс, 1990. 808 с.

17 Вебер М. Избранные произведения / М.Вебер; пер. с нем. Ю.Н. Давыдов. - М.: Прогресс, 1990. 808 с.

18 Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ., вступ. ст. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В.Мотылевой. - М.: Прогресс, 1984. 367 с.

19 Социальная структура России: теории и реальность / Н.Е. Тихонова. - М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 28.

20 Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // Althusser L. *Positions (1964–1975)*. Paris: Les Éditions sociales, 1976. P. 67-125.

индивид или социальная группа не могут оказывать, сколь-нибудь заметное влияние на функционирование системы образования. Наоборот, общество посредством образования формирует индивидов с заданными социальными качествами как отлаженный механизм воспроизводства социальной дифференциации общества²¹.

Ресурсный подход оформился в самостоятельное направление социологии образования когда сравнительно недавно – в начале постиндустриальной эпохи, провозгласившей главным ресурсом социально-экономического развития общества человеческий капитал, источником является образование.

Д. Белл полагал, что переход в постиндустриальное общество, сопровождающийся трансформацией его социальной структуры, обеспечивается системой образования, готовит кадры для новой высокообразованной элиты²². Таким образом, в постиндустриальном обществе доступ к образованию играет роль одного из основных дифференцирующих факторов, влияющих на социальную стратификацию общества.

Исследования Р. Будона посвящены взаимному влиянию социального статуса индивида и доступа к образованию на основе концепции человеческого капитала. Р. Будон утверждал, что причины неравного доступа к образованию лежат вне его и определяются, в первую очередь, экономическими факторами и система образования не в состоянии преодолеть существующие противоречия. В этой связи Р. Будон утверждает, что «скорее общество, а не образовательная система ответственно за неравенство образовательных возможностей. Более того, мы увидим, что даже если бы образовательная система была высоко эффективна в снижении культурного неравенства (что не так), все равно оставалась бы значительная доля неравенства возможностей...»²³. Р. Будон рассматривал модель системы образования, как инструмента социальной селекции постиндустриального общества, которая учитывает вторичных факторов стратификации, влияющих на успехи индивидов в образовании.

В качестве одного из вторичных факторов Р. Будон ввел такой фактор, как мотивация родителей на обучение детей. «Семья может рассматривать умеренный успех как достаточный, если ребенок достиг академического уровня, позволяющего ему претендовать на равный или более высокий статус, чем присущий его семье на данный момент, даже если этот статус не слишком высок»²⁴. Вместе с тем, для семьи, относящиеся к низшим классам, получение высшего образования детям, может оказаться не интересным, ввиду того, что затраты на получение высшего образования, а они для семьи с низким доходом могут оказаться значительными, в последствии могут не окупиться в силу разных обстоятельств²⁵.

Таким образом, система образования в постиндустриальном обществе, уча-

21 Hall S. Signification, representation, ideology: Althusser and poststructuralist debates//Critical Studies in mass communication. – N.Y., 1985. №2. P. 91-114.

22 Bell D. The coming of post-industrial society. – N.Y. Basic Books, 1986.

23 Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / пер. с фр. М.М. Кириченко; науч. ред. М.Ф. Черныш. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 39.

24 Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр. Шматко Н.А. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 16.

25 Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр. Шматко Н.А. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 26.

ствуя в воспроизводстве человеческого капитала, выполняет функцию социальной селекции.

П. Бурдые внес значительный вклад в развитие концепции человеческого капитала, который, по мнению П. Бурдые, может иметь три разные формы.

В форме экономического капитала, который «...непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности; культурного капитала, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций; социального капитала, образованного социальными обязательствами («связями»)»²⁶. В форме культурного капитала «...особенности поведения, включая особенности речи, и способность к обучению сама по себе, и многие другие особенности, вытекающие из условий социализации каждого конкретного индивида и отражающие его труд по освоению культурного наследия в процессе социализации»²⁷. Формирование культурного капитала происходит не только в процессе обучения, но из чтения книг, посещения театров, межличностного общения и т.д.). Тем не менее, объективным показателем наличия культурного капитала индивида является сертификат академической квалификации, который является необходимым условием занятия соответствующей позиции в социальной структуре общества. Академическая квалификация, в качестве формы культурного капитала, которым обладает индивид, позволяет производить сравнение квалификаций, ранжирование их обладателей, что, является относительно независимой формой социальной дифференциации в обществе.

В форме социального капитала, обладание которым, связано вхождение индивида в различные социальные группы и может быть представлен как «...совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»²⁸.

Модель социальной селекции в системе образования, предложенная П. Бурдые, основывается на теоретических положениях культурного капитала и раскрывает механизм культурного воспроизводства в системе образования.

Культурный капитал, в отличие от других форм капитала неотделим от его обладателя, следовательно, успех индивида в обучении определяется, в первую очередь, культурным капиталом, которым обладает господствующая группа, а также тем, в какой мере индивиду удалось освоить культурный капитал.

Таким образом, образование выполняет социальную функцию превращения культурного капитала индивида в экономический: «Этот продукт превращения культурного капитала в экономический капитал устанавливает (в терминах последнего) ценность [value] владельца данной квалификации относительно других владельцев квалификаций и (посредством этой же операции) денежную стоимость [value], на которую ее можно обменять на рынке труда (академиче-

26 Бурдые П. Формы капитала / Пер. Добряковой М.С. // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60.

27 Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 14

28 Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., РОССПЭН, 2004. С. 528.

ские инвестиции не имеют смысла, если нет объективной гарантии подразумеваемого ими минимального уровня их обратной конвертации [reversibility of the conversion]]»²⁹.

П. Бурдые доказывает, что равенство возможностей относится к социальным мифам, поскольку система образования воспроизводит существующий порядок распределения и освоения культурного капитала в социуме, культура, которую транслирует образование, является культурой господствующей группы. При этом, социальная позиция индивида в социальной структуре общества определяется общим объемом совокупного человеческого капитала. «Совокупный человеческий капитал определяет положение индивидов в социальной структуре общества и формируется «по общему объему капитала, которым они (индивиды) располагают»³⁰.

Выполняя функции воспроизводства, образовательная система становится своеобразным началом социальной вертикальной циркуляции и, как заметил П. Бурдые, – началом создания социальной иерархии с делением на уровни в обществе³¹.

Образовательная система осуществляет отбор определенных слоев общества, воспроизводство или передачу определенных ценностей, норм и правил поведения.

Другими словами, основная функция системы образования состоит социокультурном воспроизводстве, посредством которого воспроизводится структура властных отношений и правящий класс сохраняет свою культурную однородность³².

По мнению Б. Бернштайна в системе образования присутствует классическая академическая и современная маркетинговая составляющая. Академическая - связывается с функцией передачи знаний, стремлением к интеллектуальной свободе, в то время как рыночная составляющая направлена на капитализацию знания³³.

Исследуя роль системы образования в социальной стратификации, Н. Смелзер пришел к выводу, что кроме явных функций образования, при помощи которых общество передает ценности, знания и навыки, есть еще и скрытые, может быть более значимые, функции участия образования в социальной селекции³⁴.

В отечественной социологии ресурсный подход разрабатывался в работах Т.И. Заславской, В.В. Радаевым, Н.Е. Тихоновой и др.

Свою точку зрения на ресурсы, определяющие социальную дифференциацию, обосновывала Т.И. Заславская, которая при анализе социальной структуры российского общества в качестве основного критерия социальной дифференциации

29 Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. Электронный журнал. Том 3 / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / пер. с фр. М. С. Добряковой; под науч. ред. В.В. Радаева. 2002. № 5. С. 60- 75.

30 Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр. Шматко Н.А. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 16.

31 Суворов С.Б. Политические системы и образовательная политика в современном мире. Саратов, 1999. С. 9-11

32 Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. L., Newbury Park, New Delhi: Sage Publications, 1994. С. 6.

33 Bernstein B. On the classification and training of education knowledge // Hopper E. (Ed.). Readings in the theory of educational systems. London: Hutchinson Un. Library, 1972.

34 Смелзер, Н. Социология. - М.: Феникс, 1994. С. 453.

выделяла принцип учета совокупного капитала, присущий индивидам и группам³⁵.

В.В.Радаев, рассматривая ресурсный подход как методологию социальной дифференциации, обратил внимание на то, что «различные виды капитала только тогда могут рассматриваться в качестве таковых, когда они способны конвертироваться один в другой и в экономический капитал и обеспечивают самовозрастание совокупного капитала»³⁶.

Как отмечает Н.Е.Тихонова, ресурсный подход объединил в себе концепции, которые выделяли своей отправной точкой ресурсы (активы, капиталы)³⁷.

Д.Л. Константиновский, изучающий социальную дифференциацию в образовании, а также роль образования в социальной мобильности и формировании социальной структуры общества. Д.Л. Константиновский считает, что проблема социальной дифференциации «...неизменно оказывается связанной с институтом образования в силу выполняемых им функций. И потому, что важна справедливость реального распределения самих по себе потенциальных возможностей, предоставляемых обществом в области образования — возможностей учиться, получать знания, квалификацию. И потому, что образование, специальность, квалификация — ценности не только терминальные, но и инструментальные, способ достижения целей...»³⁸.

В результате социально-исторического анализа эволюции взглядов на предмет социологии образования социологию образования можно сделать вывод о том, что система образования в качестве социального института, функционирует и развивается под влиянием внешних и внутренних противоречий и проблем. Из всего множества проблем: педагогических, психологических, экономических и др. выделяются и социологические противоречия и проблемы, отражающие диалектические противоречия между обществом и системой образования и взаимодействие между которыми, составляет предмет социологии образования.

References

- [1] Davis K., Moore W. Sote Principles of Stratification. // Amer. Sociol. Rev. 1945.Vol. 10. № 4. 242 p.
- [2] Parsons T. The school class as a social system. - Harvard education revive, 1959. P. 297-318.
- [3] Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // Althusser L. Positions (1964–1975). Paris: Les Éditions sociales, 1976. P. 67-125.
- [4] Hall S. Signification, representation, ideology: Althusser and poststructuralist debates // Critical Studies in mass communication. – N.Y., 1985. № 2. P. 91-114.
- [5] Bell D. The coming of post-industrial society. – N.Y. Basic Books, 1986.
- [6] Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. L., Newbury Park, New Delhi: Sage Publications, 1994. 6 p.
- [7] Bernstein B. On the classification and training of education knowledge // Hopper E. (Ed.). Readings in the theory of educational systems. London: Hutchinson Un. Library, 1972.
- [8] Bourdieu P. Forms of capital // Western Economic Sociology. An anthology of modern classics. M., ROSSPEN, 2004. 528 p.

35 Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 150.

36 Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5-16.

37 Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность // М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 248-249.

38 Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / Под ред. В.Н. Шубкина. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 5.

- [9] Veblen T. Theory of the idle class / Transl. from English, entry Art. S.G. Sorokina; Total ed. V.V. Motyleva. - M.: Progress, 1984. 367 p.
- [10] Weber M. Selected works / M. Weber; per. with him. Yu.N. Davydov. - M.: Progress, 1990. 808 p.
- [11] Durkheim E. Sociology of Education / Ed. V.S. Sobkina, V. Ya. Nechaev. M., 1986. 364 p.
- [12] Konstantinovskiy D.L. The dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and paths in the field of education (from the 1960s to 2000) / Ed. V.N. Shubkin. M.: Editorial URSS, 1999. 5 p.
- [13] Manheim K. Diagnosis of our time. - M., 1994.
- [14] Thompson DL, Priestley D. Sociology: an introductory course. M., Lviv: AST, Initiative, 1998. 221 p.
- [15] Radaev V.V., Shkaratan O.I. Social stratification. - Moscow: Aspect-Press, 1996. 69 p.
- [16] Zaslavskaya T.I. Modern Russian society: a social mechanism of transformation. M.: Delo, 2004. 150 p.
- [17] Perminova L.M. Teacher self-identification: experience of didactic reflection. SPb.: SPbAPPO, 2004. 388 p.
- [18] Tikhonova N.E. The social structure of Russia: theories and reality // M. New Chronograph: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2014. P. 248-249.
- [19] Fursova V.V. Sociology of education: foreign paradigms and theories. - Kazan: KSU Publishing House, 2006. P. 85-87.

Библиографический список:

- [1] Davis K., Moore W. Sore Principles of Stratification. // Amer. Sociol. Rev. 1945. Vol. 10. № 4. 242 p.
- [2] Parsons T. The school class as a social system. - Harvard education reviv, 1959. P. 297-318.
- [3] Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // Althusser L. Positions (1964–1975). Paris: Les Éditions sociales, 1976. P. 67-125.
- [4] Hall S. Signification, representation, ideology: Althusser and poststructuralist debates // Critical Studies in mass communication. - N.Y., 1985. № 2. P. 91-114.
- [5] Bell D. The coming of post-industrial society. - N.Y. Basic Books, 1986.
- [6] Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. L., Newbury Park, New Delhi: Sage Publications, 1994. 6 p.
- [7] Bernstein B. On the classification and training of education knowledge // Hopper E. (Ed.). Readings in the theory of educational systems. London: Hutchinson Un. Library, 1972.
- [8] Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., РОССПЭН, 2004. 528 с.
- [9] Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ., вступ. ст. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылевой. - М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- [10] Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. Ю.Н. Давыдов. - М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- [11] Дюркгейм Э. Социология образования / под ред. В.С. Собкина, В. Я. Нечаева. М., 1986. 364 с.
- [12] Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / Под ред. В.Н. Шубкина. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 5 с.
- [13] Манхейм К. Диагноз нашего времени. - М., 1994.
- [14] Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология: вводный курс. М., Львов: АСТ, Инициатива, 1998. 221 с.
- [15] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. - Москва: Аспект-Пресс, 1996. 69 с.
- [16] Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 150 с.
- [17] Перминова Л.М. Самоидентификация учителя: опыт дидактической рефлексии. СПб.: СПбАППО, 2004. 388 с.
- [18] Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность // М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 248-249.
- [19] Фурсова В.В. Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. - Казань: Изд-во КГУ, 2006. С. 85-87.

Khubieva Z.A.

*Candidate of Philosophy,
Associate Professor. Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education «North Caucasian state academy».*

Socio-philosophical analysis of politics, morality and law as elements of social regulation

Abstract. The article pays special attention to the analysis of the role and peculiarities of politics, morality and law in the sphere of social regulation. The author refers to the phenomenon not to describe it, but to determine its essence. The article reveals that among all forms of social consciousness in social regulation a special place belongs to politics, political relations. This is manifested in the fact that politics affects not only all forms of social consciousness, but also goes beyond the relationship of classes, social groups, etc. in the sphere of economy (production, distribution and exchange). At the same time, the most important role of politics in the regulation of social relations is still that the political interests of the dominant political forces find their expression in legal views and legal provisions. The scientific novelty consists in the substantiation that the spiritual crisis that has developed in our country, first of all, is connected with the awareness of spirituality as a value intention of a person. At the same time, special attention in social regulation is paid to the leading role of politics and political relations in relation to law and morality. At the same time, the article reveals the reverse influence of law and morality on politics and political relations.

Key words: politics, morality, law, elements, social regulation, interconnection, behavior.

Хубиева З.А.

*Кандидат философских наук, доцент.
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказская государственная академия».*

Социально-философский анализ политики, морали и права как элементов социального регулирования

Аннотация. В статье особое внимание уделяется анализу роли и особенностям политики, морали и права в сфере социального регулирования. Автор обращается к явлению не для его описания, а с целью определения его сущности. В статье выявляется, что среди всех форм общественного сознания в социальном регулировании особое место принадлежит политике, политическим отношениям. Это проявляется в том, что политика влияет не только на все формы общественного сознания, но и выходит за пределы взаимоотношений классов, социальных групп и т.д. в сферу экономики (производство, распределения и обмена). При этом наиболее важная роль политики в регулировании социальных отношений еще состоит в том, что политические интересы господствующих политических сил находят свое выражение в правовых воззрениях и законоположениях. Научная новизна состоит в обосновании, что сложившийся в нашей стране духовный кризис, в первую очередь, связан с осознанием духовности как ценностной интенции человека. При этом особое внимание в социальном регулировании уделяется ведущей роли политики и политических отношений по отношению к праву и морали. Вместе с тем в статье раскрывается обратное влияние права и морали на политику и политические отношения.

Ключевые слова: политика, мораль, право, элементы, социальное регулирование, взаимосвязь, поведение.

Хубиева З.А.

Кандидат философских наук, доцент.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказская государственная академия».

Социально-философский анализ политики, морали и права как элементов социального регулирования*

Актуальность исследования рассматриваемой проблемы обусловлена радикальными изменениями во всех сферах жизни и деятельности людей российского общества. Эти социальные трансформации требуют по-новому взглянуть на мораль и право как на элементы социального регулирования общественных отношений. Это обусловлено тем, что современный этап социального и научного развития ставит нас перед необходимостью раскрыть роль форм общественного сознания в социальном регулировании.

Среди всех форм общественного сознания в социальном регулировании особое место принадлежит политике, политическим отношениям. Это проявляется в том, что политика влияет не только на все формы общественного сознания, но и выходит за пределы взаимоотношений классов, социальных групп и т.д. в сферу экономики (производство, распределения и обмена). При этом наиболее важная роль политики в регулировании социальных отношений еще состоит в том, что политические интересы господствующих политических сил находят свое выражение в правовых воззрениях и законоположениях.

Политические отношения возникают с разделением социума на классы, осознания ими своих классовых интересов. Субъектами политических взаимоотношений являются классы, общественные группы, политические партии и т.д. При этом политические взаимоотношения в первую очередь проявляют отношение к вопросу об устройстве государственной власти.

Представляется, что тенденция развития духовных отношений в современную эпоху состоит в том, что политические отношения играют ведущую роль, хотя еще много говорят о деполитизации в обществе, о приоритете общечеловеческих гуманистических ценностях и т.д. Проблема лишь в том, какие силы определяют направление и содержание политических отношений на данном этапе, характер их воздействия на другие формы духовных отношений и деятельности.

Однако не только политика влияет на формы общественного сознания, но и указанные формы влияют на политику и политические отношения.

Так, например, политика оказывает влияние на формирование и развитие норм морали, ибо каждая социальная группа, каждая партия, класс, исходя из своих интересов, стремится сформировать определенные нравственные отношения, моральные нормы поведения в обществе.

* © Хубиева З.А., 2019.

Социально-философский анализ политики, морали и права как элементов социального регулирования

Под воздействием политики формируются такие нравственные чувства как патриотизм, коллективизм, гражданственность и взгляды о нравственном и безнравственном, принципы поведения, моральные ценности, цели и идеалы.

В этой связи отметить, что и мораль оказывает обратное влияние на политику и другие формы общественного сознания.

Мораль является наиболее древней формой общественного сознания, а поэтому нравственные отношения трудно выделить от других форм общественно-го сознания в «чистом» виде, ибо указанные отношения органически включены в ткань всех форм духовных отношений. Поэтому мораль стала выступать как элемент регулирования взаимоотношения людей в любой сфере на основе выработанных в обществе нравственных норм о добре и зле, о должном, совести и т.д. Но говоря об относительно самостоятельном поле действия нравственных норм, мы не должны забывать о главном их признаке - всепроникающем характере морали в самые различные области социальных отношений.

Как справедливо отмечает Е.А. Лукашева, «мораль имеет вездесущий, всепроникающий характер» [1, с. 71]. Возникновение морали позволило включить в жизнь общества новые черты нацеленный на ограничение индивидуального в интересах коллективного. Это стимулировало возникновение новой формы памяти, которая отсутствует у животных. Основной причиной появления норм нравственности была потребность в организации новой формы памяти, которая не существовала у животных. Возникшая новая память человека обладала способностью транслировать информацию о навыках, табу, запретах и т.д. от поколения к поколению. По мнению Е.Ф. Поршнева «смена действий животных нравственными действиями является качественным поворотом в человеческой истории» [2, с. 234].

В этой связи следует отметить, что нравственные отношения стали особым видом отношений, которые связаны с оценкой поведения человека. Личность стала осуществлять саморегулирующие действия на основе выработанных в обществе норм морали, она по собственному желанию стала выбирать направление образа действия и их результаты.

Проблемы соотношения политики и морали в современном российском обществе подвергается определенному изменению и переосмыслению. В этой связи возникает вопрос о том, как должна поступать личность в современных условиях в той или иной ситуации. Идея должного поведения в области нравственности означает соответствие политической деятельности конкретным моральным критериям. В политике понятие долга выражает достижение конкретной позитивной цели.

На основе выше изложенного можно заключить, что политика и мораль существенно отличаются, ибо суть морали - в незыблемости раз и навсегда принятых идеалов, норм и ценностей, а суть политики выражается понятием интереса, а не идеала. Следовательно, смысл морального поведения сводиться к подавлению эгоистических начал индивида и проявлению альтруистических. Что же касается политики, то вопрос о моральности средств в политике весьма противоречив. Так, например, политика должна отвечать государственным интересам; охрана государственных интересов требует применения конкретного, а иногда и выраженного насилия, а последнее с нравственной точки зрения

аморально. Отсюда можно заключить, что широкое использование критериев нравственности в политике не всегда оправдано. Другое дело внутренние переживания, моральное состояние людей, осуществляющих политику. Безусловно, они должны быть в своем сознании и поведении нравственными.

На основе выше изложенного можно заключить, что нравственные ценности в политике абсолютно необходимы. Однако на деле же политика - это нередко ложь, изворотливость, лицемерие, а иногда - насилие.

В этой связи возникает вопрос: возможно ли преуспевающему политику, добросовестно исполняющему свой долг, быть моральным человеком и соблюдать требования морали, не поддаваясь «искушению властью», злоупотреблениям ею? С нашей точки зрения, в условиях демократического правового государства при зрелой рыночной экономике это вполне возможно.

В этой связи П. Козловски, говоря о том, что переход России к рыночной экономике означает, возврат к капиталистическим отношениям и пишет: «Тот, кто считает возможным пренебречь этикой и проблемой ценностей, не учитывает, что капитализм как общество свободных индивидов предъявляет отдельному человеку огромные моральные требования и требует моральных установок, которые экономика сама по себе породить не может» [3, с. 18].

Основываясь на реальном состоянии морали в современном российском социуме можно сделать вывод, что невысокий уровень рыночной экономики детерминирует невысокий уровень морального развития, а недостаток нравственного воспитания порождает низкий уровень морали во всех сферах жизни обществом. В этой связи следует отметить, что высокоморальный социум - условие процветающей рыночной экономики. Поэтому с развитием в России зрелых рыночных отношений будет происходить рост нравственности в области политики и в других формах духовных отношений.

Представляется, что мораль наиболее тесно, по сравнению с другими формами общественного сознания, связана с правом. Это обусловлено тем, что мораль является нравственной основой формирования и развития права. Дело в том, что этические ценности свобода, справедливость, равенство и т.д. возникли гораздо раньше, чем указанные ценности в правовых науках. При разработке юридических наук видные правоведы обратили внимание на ценности морали и стали трансформировать эти ценности в правовые науки. В результате этого возникли правовые ценности, которые в неразрывной связи с этическими ценностями стали регулировать социальные отношения.

Указанное единство относятся не только к содержанию права как нормативно-ценностной регулятивной системы, т.е. к содержанию законов, других правовых документов, но и к практике их реализации.

Это обусловлено тем, что функции, морали и права подчиняются принципу взаимодополнительности, они действуют в едином «поле» социальных связей.

По своей огранке право - это глубоко моральный феномен и его функционирование немислимо без включения в ткань нравственных критериев, ценностей и оценок. Поэтому нормы нравственности являются одними из главных черт обоснования права, системой, из координат которой возможна оценка права.

В силу этого лишь при условии учета моральных ценностей возможна выработка эффективных правовых норм социального регулирования.

На основе выше изложенного можно заключить, что право должно отвечать основным требованиям ценностей норм морали. Отсюда вытекает, соответствие права этим ценностям морали и превращает его в справедливое право. Поэтому в ст.45.ч.1 Конституции РФ защита прав и свобод считается обязанностью государства [4, с. 22].

Поэтому решающим постулатом, определяющим само явление права, остается воплощение правовой материи, во всех ее подразделениях, требование справедливости, равной меры и равного правового подхода, которое в правовом поле трансформируется в важнейший правовой принцип - необходимость равновесия, а значит - справедливого права и его справедливого торжества в практических делах - справедливости.

В то же время такое право поддерживается силовой стороной права, поскольку любая попытка утвердить превосходство морали над правом и игнорировать силовой аспект права может привести к господству хаоса и произвола в обществе. Факты показывают, что любые попытки упразднить право, опираясь во всем на мораль и последовательно проводя ее в жизнь, становятся разрушительными результатами для общества.

Поэтому не случайно государственная власть, поддерживая своим карательным могуществом, определенный круг нравственных требований и императивов, облакает их в правовую форму. В результате не только реализуются добродетели права (универсальная нормативность, определенность в содержании, государственная гарантия), но и при режиме законности регулируется властно-принудительная деятельность государства и, кроме того, вся карательная и репрессивная политика, утверждающая строгие нравственные требования, получает престижное «юридическое обоснование».

Говоря о достоинстве права И.Т. Фихте утверждал, что право способствует усвоению основополагающих начал морали.

В то же время нельзя допускать использования права, его возможностей и достоинства для утверждения «высоких» моральных принципов и идеалов в жизни с помощью правовых средств и правовых механизмов. Дело в том, что в этом случае разрушается взаимовлияние, принцип дополнительности и взаимодействия морали и права, происходит подмена одного другим, когда допускается целостное и в то же время двустороннее, морально-правовое обеспечение упорядоченного функционирования их глубоко человеческой первоосновы, и когда ее важнейшая составляющая может превратиться в произвол, в хаос вседозволенности. Поэтому, несмотря на важность нравственных принципов в жизни людей, философское понимание права требует, чтобы оно получило самостоятельное, «суверенное» толкование и обоснование, и в то же время его понимание в глубоком единстве с моралью.

Принцип дополнительности морали и права характеризуются тем, что, с одной стороны, под влиянием морали обогащается и расширяется нравственная основа права, укрепляется его сущность - правовая справедливость. С другой стороны, реальность доминирующей морали, ее реальное воплощение в социальных отношениях в существенной мере обусловлены тем, насколько действенными является правовые установления.

В этой связи Ю.А. Агешин пишет: «Активно воздействуя на мораль, закон

способствует ее более глубокому укоренению в обществе, при этом сам он под влиянием морального фактора постоянно обогащается: расширяется его нравственная основа, возрастает его авторитет, возрастает его роль как социального регулятора общественных отношений» [5, с. 74].

Таким образом, взаимодополняемость и единство морали и права не должны, приводить не только к подмене одного другим или к разрушению их целостности, но и к отрицанию их относительной самостоятельности.

Дело в том, что они одинаково важны для упорядочения жизненных связей между людьми и, имея каждый свои особенности, являются ведущими системами нормативной регуляции. «Право и мораль» - это социальные регуляторы, которые не могут быть выстроены по «ранжиру»; они не должны рассматриваться с точки зрения приоритета одной формы регулирования перед другой» [6, с. 71].

References

- [1] Lukasheva E.A. Law, morality, personality. M.: 1986.
- [2] Porshnev E.F. Social psychology and history. 3rd ed. Add. M.: Nauka, 1989.
- [3] Kozlowski P. Ethics of capitalism. SPB.: 1996.
- [4] Kutafin O.E. Fundamentals of state and law. M.: 2003.
- [5] Ageshin Yu.A. Politics, law, morality. M.: 1982.
- [6] Lukasheva E.A. Law, morality, personality. M.: 1986.

Библиографический список:

- [1] Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986.
- [2] Поршнев Е.Ф. Социальная психология и история. 3е изд. Доп. М.: Наука, 1989.
- [3] Козловски П. Этика капитализма. СПб., 1996.
- [4] Кутафин О.Е. Основы государства и права. М., 2003.
- [5] Агешин Ю.А. Политика, право, мораль. М., 1982.
- [6] Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986.

Dzutsev H.V.

*Doctor of Sociological Sciences,
Center for the Study of the Regions of the South of Russia,
Institute for Socio-Political Studies, Head of the Department of sociology
of the Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz.*

Dibirova A.P.

*Candidate of Biological Sciences,
Senior Lecturer at the North Ossetian Institute for Social Research Center
of the Institute of Social and Political Studies
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala.*

Tutaeva L.O.

Senior Lecturer at Ingush State University.

Kornienko N.V.

*Researcher, Center for the Study
of the Regions of the South of Russia, Institute for Socio-Political Studies,
graduate student, department of sociology
of the Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz.*

Labor and economic life in the Republic of Ingushetia. Part I

Abstract. In July 2019, an ethnosociological study was conducted by the staff of the Center for the Study of Border Regions of the Institute for the Study of Cross-Border Regions at the Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences on the theme: "Labor and economic life in the Republics of the North Caucasus Federal District. During the study, 200 respondents and 10 experts were interviewed in the Republic of Ingushetia. The experts were scientists - sociologists and demographers, lawyers and civil servants. The following aspects of the labor and economic activities of citizens were investigated: the importance of labor, satisfaction with the level of remuneration, the ability to realize one's creative potential, as well as intellectual abilities and labor skills, opportunities for expanding one's professional horizons. The attitude of citizens of the republic to such realities of modernity as the need for the development of new knowledge and skills, self-employment, individual and collective work, extended working hours and overtime work is studied. Part of the study concerned the issues of gender stereotype of labor, the degree of women's involvement in the economic life of the republic, the impact of mothers' employment on the situation in families. The concept of "labor" was considered from two points of view: both as the main source of replenishment of the family budget, and as a way of social and professional self-realization.

The phenomenon of unemployment is considered separately: to what extent it is prevalent in the region, what measures are preferred by citizens to prevent job loss.

Key words: physical and intellectual labor, economic activity, temporary work, information technology, financial resources, salary, intelligence, informal economy, development economy, state work, temporary, permanent, fixed salary, intellectual opportunities.

Дзуцев Х.В.

Доктор социологических наук, профессор,
руководитель Центра исследования приграничных регионов
Юга России Института социально-политических исследований РАН
(Российская академия наук), заведующий кафедрой социологии
Северо-Осетинского государственного университета
имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ.

Дибирова А.П.

Кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник Центра исследования приграничных
регионов Юга России Института социально-политических
исследований РАН (Российская академия наук).

Тутаева Л.О.

Старший преподаватель Ингушского государственного университета.

Корниенко Н.В.

Научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов
Юга России Института социально-политических исследований РАН
(Российская академия наук), аспирантка кафедры социологии
Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия. Часть I

Аннотация. В июле 2019 г. силами сотрудников Центра исследования приграничных регионов ИСПИ ФНИСЦ РАН было проведено этносоциологическое исследование на тему: «Труд и экономическая жизнь в Республиках СКФО РФ. В ходе исследования в РИ были опрошены 200 респондентов и 10 экспертов. Экспертами выступили ученые – социологи и демографы, юристы и госслужащие. Были исследованы следующие аспекты трудовой и экономической деятельности граждан: значимость труда, удовлетворенность уровнем оплаты, возможности реализовать свой творческий потенциал, а также интеллектуальные способности и трудовые навыки, возможности расширения профессионального кругозора. Исследовано отношение граждан республики к таким реалиям современности, как необходимость освоения новых знаний и навыков, самозанятость, индивидуальный и коллективный труд, удлиненный рабочий день и сверхурочная работа. Часть исследования касалась вопросов гендерного стереотипа труда, степени вовлеченности женщин в экономическую жизнь республики, влияния занятости матерей на положение дел в семьях. Понятие «труд» было рассмотрено с двух точек зрения: и как основной источник пополнения семейного бюджета, и как способ социальной и профессиональной самореализации.

Отдельно рассмотрено явление безработицы: в какой степени она распространена в регионе, какие меры предпочитают принять граждане для предотвращения потери работы.

Ключевые слова: физический и интеллектуальный труд, экономическая деятельность, временная работа, информационные технологии, финансовые ресурсы, зарплата, интеллект, неформальная экономика, экономика развития, работа государственная, временная, постоянная, фиксированная зарплата, интеллектуальные возможности.

Дзуцев Х.В.

*Доктор социологических наук, профессор, руководитель
Центра исследования приграничных регионов Юга России Института
социально-политических исследований РАН
(Российская академия наук), заведующий кафедрой социологии
Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ.*

Дибирова А.П.

*Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Центра исследования приграничных регионов
Юга России Института социально-политических
исследований РАН (Российская академия наук).*

Тутаева Л.О.

Старший преподаватель Ингушского государственного университета.

Корниенко Н.В.

*Научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов
Юга России Института социально-политических исследований РАН
(Российская академия наук), аспирантка кафедры социологии
Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.*

Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия¹ Часть I*

В рамках исследования «Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия» был проведен социологический опрос 200 респондентов и 10 экспертов. Цель исследования: аналитика сферы труда и в целом экономики республики в настоящий период.

Труд является основополагающим фактором жизнедеятельности общества и, безусловно, влияет на эффективность его экономического совершенствования.

Республика Ингушетия имеет свои особенности в плане демографического, социального развития. Практически отсутствует крупное промышленное производство. Здесь высокая плотность трудовых ресурсов, безработица, дефицит рабочих мест сочетается с нехваткой квалифицированных кадров по многим направлениям экономики.

В своем исследовании мы постарались охватить работников различных сфер труда, разных возраста, образовательного уровня и социального статуса, поэтому анализ ответов респондентов позволяет видеть достаточно широкий разброс мнений по различным вопросам.

Данная статья написана на материалах массового опроса жителей Республи-

* © Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Тутаева Л.О., Корниенко Н.В., 2019.

Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия. Часть I

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31454 «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса».

ки Ингушетия, проведенного Центром исследований приграничных регионов юга России ИСПИ РАН в июне 2019 г. В опросе приняли участие 200 респондентов и 10 экспертов: журналисты, архитекторы, чиновники, юристы, преподаватели вузов, строители, работники культуры, предприниматели.

Состав респондентов: 42,0 % женщин; 58,0 % мужчин.

Возрастной состав: от 18 до 64 лет, из которых от 18 до 24 - 16,0 %; от 25 до 34 - 18,0 %; от 35 до 44 - 26,0 %; от 45 до 54 - 24,0 %; от 55 до 64 - 16,0 %.

Образование: 76,0 % – высшее; 8,0 % имеют ученую степень (кандидата, доктора наук); 8,0 % – среднее специальное образование (техникум и т.д.); 6,0 % – аспиранты.

В первом вопросе исследования: «Что для Вас означает труд?» чаще других выбирали вариант «работа дает мне возможность поддерживать бюджет семьи».

При анализе ответов на следующий вопрос становится очевидно, что больше половины респондентов недовольны своей заработной платой, а именно 60% опрошенных, что неудивительно при нынешней оплате труда работников бюджетной сферы. 32 % ответили, что заработная плата их вполне удовлетворяет. В этой цифре в большей степени представлены работники правоохранительных органов, Газпрома, банков и др., чья заработная плата выше, чем у остальных категорий населения.

По мнению экспертов, причина неудовлетворенности заработной платой коренится в том, что она не позволяет отвечать требованиям растущих потребностей современного человека. Причем речь идет не только о базовых потребностях, но и о желании заниматься каким-то досугом. Кроме всего прочего, поддержание родственных отношений в ингушском обществе также способствует дополнительным расходам: свадьбы, поминки, рождение детей, новоселье и другие мероприятия требуют больших расходов со стороны родственников.

В заключениях экспертов встречались и такие реплики: «Если не устраивает заработная плата, необходимо сменить работу».

Таблица 1. Что для Вас означает труд? (в %)

	Все опрошенные
Это набор заданий там, где я работаю	18,0
Работа представляет основу для приобретения навыков и реализации моих способностей	26,0
Работа – это форма общения с коллегами, которое отличается от домашней обстановки	6,0
Работа дает определенное направление моим ежедневным занятиям	8,0
Работа дает возможность участвовать в общих делах с другими людьми	14,0
Работа дает мне возможность поддерживать бюджет семьи	28,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	100

Таблица 2. В какой отрасли Вы работаете на данном этапе? (в %)

Таблица 2 показывает достаточно широкий спектр отраслей труда, в которых заняты респонденты. Наибольшее число составляют госчиновники – 30% и работники сферы образования и науки – 20%. В «другое» попали достаточно большое число респондентов – 20%, поскольку у многих нет определенного рода занятий.

	Все опрошенные
Я работаю на заводе, фабрике, т.е. занимаюсь индустриальным производством	4,0
Работаю в аграрно-промышленной сфере (агроном, фермер, выращиваю с/х культуры)	8,0
Работаю в сфере цифровых технологий	10,0
Работаю в системе госаппарата (госчиновник)	30,0
Работаю в сфере науки, образования	20,0
Работаю в системе силовых и правоохранительных структур	8,0
Другое	20,0
Затрудняюсь ответить	0,0
	100,0

Таблица 3. Вас удовлетворяет Ваша зарплата? (в %)

	Все опрошенные
Вполне удовлетворяет	32,0
Не удовлетворяет	60,0
Если нет, то причины	4,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Вопрос об уровне реализованности в трудовой сфере позволяет сделать достаточно оптимистичный вывод о том, что 60 % респондентов в какой-то мере реализовывают свои интеллектуальные и трудовые возможности, и лишь 20% тех, кто не вполне удовлетворен.

Вопрос о возможности показать свой талант связан с предыдущим. Возможность показать свой талант, свои профессиональные навыки подтвердили 40% респондентов.

Таблица 4. Уровень трудовой активности в полной мере использует Ваши интеллектуальные и трудовые возможности? (в %)

	Все опрошенные
Безусловно, да	10,0
В какой-то мере я реализовываю свои интеллектуальные и трудовые возможности	60,0
Не вполне удовлетворен (-а)	20,0
Абсолютно неудовлетворен (-а)	8,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Таблица 5. Как Вам кажется, работа дает возможность показать свой талант? (в %)

	Все опрошенные
Да, у меня есть возможности показать свой талант, свои профессиональные навыки	40,0
Не в полной мере	40,0
Абсолютно не дает	16,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Три четверти опрошенных (78,0 %) работают на постоянной работе, и это вполне предсказуемо при таком высоком уровне безработицы в республике (26,2 % от численности рабочей силы): люди держатся за свою работу.

16% ответивших, что работа у них временная, по мнению экспертов, просто не нашли пока постоянно.

Работа способствует налаживанию дружеских контактов у 90,0% респондентов – такой высокий процент ответивших положительно свидетельствует о важности общения для работающих, поскольку других возможностей у них не так много при их занятости.

Вопрос о чувстве стабильности для поддержания дохода семьи, на наш взгляд, является ключевым в сфере трудовой деятельности.

В первую очередь человек трудится, чтобы обеспечить себя и своих близких. По мнению экспертов, государству необходимо скорректировать оплату труда работников бюджетных организаций, поскольку других источников доходов у них нет.

Таблица 6. Ваша работа временная или постоянная? (в %)

	Все опрошенные
Постоянная	78,0
Временная	16,0
Другое	6,0
Итого	100,0

Таблица 7. Если Ваша работа временная, то дает ли Вам такой характер вкладывать свой талант там, где Вы числитесь в данное время? (в %)

	Все опрошенные
Я и не работаю с полной отдачей	8,0
На временной нет возможности реализовать себя	10,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	80,0
Итого	100,0

Таблица 8. Дает ли Вам работа возможность для налаживания дружеских контактов с другими людьми? (в %)

	Все опрошенные
Да, дает	90,0
Нет, не дает	8,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Таблица 9. Дает ли Вам работа чувство стабильности, чтобы поддерживать доход семьи? (в %)

	Все опрошенные
Да, в полной мере	24,0
Нет, не в полной мере	46,0
Нет, не дает	30,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	100,0

Две трети опрошенных ответили, что предпочитают работать в государственной экономике с фиксированной зарплатой, что, казалось бы, демонстрирует доверие респондентов к государственной экономике. Действительно, в государственном секторе есть стабильность. Но и цифра в 28,0 % желающих работать в неформальной экономике достаточно высокая, что говорит о большой готовности работников рисковать, брать на себя ответственность при уходе в «свободное плавание».

Таблица 10. Как Вы считаете, где лучше работать: в неформальной экономике или в государственной с фиксированной зарплатой, определяемой государством? (в %)

	Все опрошенные
Я предпочитаю работать в неформальной экономике	28,0
Я предпочитаю работать в государственной экономике с фиксированной зарплатой	66,0
Другое	6,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	100,0

Вопрос о том, какая работа предпочтительнее: с определенным государством или вне государственной системы, особых изменений в цифрах не вызвал по сравнению с предыдущим.

Таблица 11. Как Вы считаете, что Вам подходит – работа, которая выполняется за определенный оклад государством, или предпочитаете работать вне государственной системы? (в %)

	Все опрошенные
Я предпочитаю работать в государственной системе	62,0
Я предпочитаю работать вне государственной системы	34,0
Другое	4,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	100,0

Почти три четверти респондентов решили, что место их работы не является высокотехнологичным предприятием с современными цифровыми технологиями.

Четыре из пяти респондентов занимаются интеллектуальным трудом.

Таблица 12. Вы работаете на высокотехнологичном предприятии с современными цифровыми технологиями? (в %)

	Все опрошенные
Да	18,0
Нет	78,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Таблица 13. Ваша работа в большей степени связана с физическим трудом или Вы работник, которого можно отнести к «белым воротничкам»? (в %)

	Все опрошенные
Я занимаюсь в основном физическим трудом	12,0
Я занимаюсь интеллектуальным трудом	80,0
Другое	8,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	100,0

Треть опрошенных заявили, что работают в системе экономики знаний, половина – далеки от такой формы работы, у каждого десятого он вызвал затруднение. Экономический рост республики оставляет желать лучшего, отсюда и такой высокий процент сомневающихся.

Таблица 14. Мы живем в век новых информационных технологий. Как считаете, Вы работаете в системе экономики знаний, в которой идеи информации и их различные формы подкрепляют экономический рост республики, страны? (в %)

	Все опрошенные
Да, я работаю в системе экономики знаний	36,0
Нет, мы далеки от такой формы работы	50,0
Другое	4,0
Затрудняюсь ответить	10,0
Итого	100,0

References

- [1] Gasyukova E.N., Karacharovsky V.V., Yastrebov G.A. A different precari: on the sources and forms of instability of the social status of indie species and groups // *Social Sciences and the Present*, 2016. № 3. P. 48-63.
- [2] Gimpelson V.E., Sharunina A.V. Flows in the Russian labor market: 2000–2012 / Preprints. High School of Economics. WP3 Series “Labor Market Issues”. № 7. М.: NIUVSE, 2014. 50 p.
- [3] Klepikova EA Mobility of workers in the private and public sectors // *Social Sciences and the Present*, 2016. № 3. P. 75-90.
- [4] Pain EA The Costs of Russian Modernization: Ethnopolitical Aspect // *Social Sciences and the Present*, 2005. № 1. P. 148-159.
- [5] Sirazhudinova S.V. Civil society: traditionalism and Islam in the North Caucasus. - Rostov-on-Don: AzovPrint, 2012. 200 p.
- [6] Sirazhudinova S.V. Gender equality as a condition for the development of civil society in the North Caucasus // *Sociology of Power*, 2010. № 4. P. 170-177.
- [7] Starikov I.G. Social capital and social mobility in Makhachkala, or What if you do not have influential relatives? // *Social sciences and the present*, 2015. № 4. P. 153-164.

Библиографический список:

- [1] Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // *Общественные науки и современность*, 2016. № 3. С. 48-63.
- [2] Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. / Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 “Проблемы рынка труда”. № 7. М.: НИУВШЭ, 2014. 50 с.
- [3] Клепикова Е.А. Мобильность работников частного и государственного секторов // *Общественные науки и современность*, 2016. № 3. С. 75-90.
- [4] Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // *Общественные науки и современность*, 2005. № 1. С. 148-159.
- [5] Сиражудинова С.В. Гражданское общество: традиционализм и ислам на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: АзовПечать, 2012. 200 с.
- [6] Сиражудинова С.В. Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // *Социология власти*, 2010. № 4. С. 170-177.
- [7] Стариков И.Г. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? // *Общественные науки и современность*, 2015. № 4. С. 153-164.

Kubanova A.K.

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Philosophy and Humanities. North Caucasus State Academy.*

Public services in the modern information society

Abstract. Public services are the functions of public authorities and their implementation on a new information and communication basis. Public services are provided by executive bodies, their institutions, in direct interaction with citizens, while state bodies can execute them not only independently, but also delegate the performance to local authorities, as well as organize their performance by commercial and non-profit organizations. Social services are allocated depending on the sphere in which these services are provided, which in itself confirms their generally significant orientation and puts them on a par with public services. Social services can be state and non-state, depending on what structures the services are provided. A separate area of optimization of state and municipal services is improving the procedure for their provision and determining the most demanded state and municipal services.

Key words: public services, public services, public functions.

Кубанова А.К.

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Государственные услуги в современном информационном обществе

Аннотация. Государственные услуги это функции органов государственной власти и их реализация на новой информационно-коммуникационной основе. Публичные услуги осуществляются органами исполнительной власти, их учреждениями, при непосредственном взаимодействии с гражданами, при этом государственные органы могут исполнять их не только самостоятельно, но и делегировать исполнение органам местного самоуправления, а также организовать их исполнение коммерческими и некоммерческими организациями. Социальные услуги выделяют в зависимости от той сферы, в которой данные услуги оказываются, что само по себе подтверждает их общезначимую направленность и ставит в один ряд с публичными услугами. Социальные услуги могут быть государственными и негосударственными, в зависимости от того, какими структурами оказываются услуги. Отдельным направлением оптимизации государственных и муниципальных услуг является совершенствование порядка их предоставления и определения наиболее востребованных государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, сервисные услуги, публичные услуги, государственные функции.

Кубанова А.К.*Кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.*

Государственные услуги в современном информационном обществе*

Переход к новой стадии общественного и инновационного развития, реального роста значения в жизни общества производства, распространения и использования информации, проводимые в стране реформы, осуществление Концепции социально-экономического развития России до 2020 года - все это требует от государства реформирования всей системы, форм, методов управления обществом. Результативность преобразования непосредственно зависит от тщательного анализа логики прошедших событий, объективных и субъективных реалий государственного развития, учета национальной, территориальной, коммуникационной, информационной и иной специфики развития конкретного общества. Государственно-правовые изменения, произошедшие в нашей стране за последние два десятилетия, в том числе по созданию вертикали власти, необратимо изменили облик государства, его социально-политический и экономический строй. В этих условиях России снова требуется модернизация политической системы, экономики, других сфер деятельности, в числе которых, повышение качества государственных услуг и возможности их предоставления с использованием информационно-коммуникационных технологий [1, с. 142].

Радчук В.А. обращает внимание на заинтересованность закона и практики государственного управления к связи функций, выполняемых государственными органами власти в сфере государственных услуг, представляющих собой порядок удовлетворения потребностей граждан и юридических лиц, с иными группами функций органов государственной и муниципальной власти, в сфере развития социального государства и их осуществлении на современной информационно-коммуникативной основе [2, с. 394]. При этом исследователь считает, что нет четкого разграничения существующих разнообразных государственных полномочий, что приводит к возникновению проблем при подготовке административных регламентов, регулирующих реализацию государственных функций в отношении предоставления государственных услуг, составлении их реестров. Понятие «услуга» в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой обозначает «действие, которое приносит пользу, помощь другому» [3], в нормативно-правовых актах Российской Федерации значит: деятельность по реализации функций органами, предоставляющими государственные услуги, осуществляемая по запросам заявителей (ФЗ №210 от 27.07.2010г. Ст.2) [4, с.]; определенные действия или определенная деятельность (Гражданский кодекс РФ, ст. 779) [5]; работы, которые оказываются или выполняются, в установленных законом порядке, органами как государственной власти так и местного самоуправления, иными юридическими

* © Кубанова А.К., 2019.

Государственные услуги в современном информационном обществе

лицами (Бюджетный кодекс РФ. Ст. 6, абз.32; в ред. Федерального закона от 08.05.2010 N83-ФЗ) [6].

Из-за формирования коммерции услуг, в современных условиях, наша рыночная экономика приобретает сервисный характер, незаметно преобразовывающий её в экономику особого удовлетворения специальных потребностей заказчиков. Безграничное предоставление сервисных услуг превращается в главный фактор, который устанавливает завершающее окончание плодотворного действия производства и обращения, с выделением их в независимый вид функционирования коммерческо-посреднических структур, дифференцируемый на такие независимые группы, как: услуги обращенные на промышленное потребление и оказываемые, как правило, юридическим лицам; услуги, которые адресованы населению и направлены на личное итоговое потребление, с учетом отраслевой и целевой сосредоточенности услуг, уровня потребности коммерциализации, состояния тарификации, ценообразования, прибыльности и ряда других особенностей.

В настоящее время имеются разные виды систематизации, классификации, типизации услуг, которые предполагают увеличенное объединение сервисных услуг в большие группы и очень условную конкретизацию вплоть до отдельной разновидности, связанной с их предоставлением. Воспользуемся следующим вариантом классификации услуг: производственные и непроизводственные услуги; предпродажные и послепродажные услуги; транспортные и экспедиторско-складские услуги; логистические услуги; информационно-коммерческие услуги; маркетинговые услуги и прогнозы; рекламные услуги и услуги системы паблик рилейшнз; расчетно-кассовые (банковские) услуги; дилерские, брокерские и дистрибьюторские услуги; агентские и комиссионные услуги; страховые услуги; консалтинговые и инжиниринговые услуги; лизинговые услуги; аудиторские услуги; нотариальные, адвокатские и другие юридические услуги, государственные услуги.

Впервые термин «государственные услуги» был введен Указом Президента РФ №824 от 23 июля 2003 года [7], ставшим правовой основой для начала проведения в России административной реформы, направленной на повышение результативности функционирования государственных исполнительных органов власти и формирование благоприятных условий для реализации своих полномочий и потребностей субъектами предпринимательства. В действие нашего государственного управления была введена модель «сервисного государства», широко используемая в других странах. Исследователи считают, что ввод термина «государственные услуги» был вызван переменной значения роли российского государства в обществе, принятием новообразованных ценностей и придания особенного значения меняющейся практике государственного управления [8, с. 103].

Причина выделения государственных услуг из числа государственных функций содержится в проявлении инициатора взаимодействия, в том случае, если это орган власти, и осуществляется контрольная проверка, расчет каких-либо общих тарифов, то взаимодействие квалифицируется как государственная функция; если же инициатором взаимодействия является гражданин, получающий паспорт, дубликат утерянного документа или организация, осуществ-

вляющая расчет индивидуального тарифа, то такое взаимодействие является государственной услугой.

Исследователи обращают внимание, что часто как синонимы применяются названия «публичные» и «социальные» услуги. По их мнению, абсолютно принимать одно за другое не рекомендуется, в связи с тем, что они с различных сторон определяют те услуги, которые оказываются. Но при этом их противопоставление неправильно в связи с тем, что в ряде случаев услуга представляется как государственная, предоставляемая органами государственной власти; как публичная, оказываемая органами исполнительной власти, учреждениями при их прямом взаимодействии с гражданами; как социальная, предоставляемая государственными, муниципальными структурами, коммерческими и некоммерческими негосударственными организациями, являясь, соответственно, государственной и негосударственной (в образовании они могут характеризоваться как публичная государственная социальная услуга и как публичная негосударственная социальная услуга). Государственные услуги подразумевают их исполнение непосредственно государственными структурами.

Публичные услуги могут исполняться государственными органами как самостоятельно, так и передачей их исполнения местным органам самоуправления, организацией их осуществления как коммерческими, так и некоммерческими организациями [9, с. 99]. Для различения социальных услуг характерна та сфера, в какой эти услуги предоставляются - здравоохранение, образование, культура, наука, что само по себе свидетельствует об их общезначимой направленности и определяет в один ряд с публичными услугами. Различные авторские подходы предлагают классифицировать государственные услуги на публичные и административные, определяя государственные услуги как адресованные, по отношению к государству, внешним клиентам, называя их государственными публичными услугами, которые порой носят принудительный характер, возлагают обязанность на физических или юридических лиц вступать во взаимодействие с государственным органом по конкретному поводу. Таким образом, государственные и муниципальные услуги это функции, выполняемые органами исполнительной власти федерального, регионального и муниципального уровня, органами управления государственными внебюджетными фондами, в рамках их полномочий, в соответствии с действующим законодательством, осуществляемые по запросу заявителей, которые направлены на внешних, по отношению к государству, клиентов, с целью избежать санкций или других негативных последствий.

Они могут носить принудительный характер, возлагая обязанность на физических или юридических лиц вступать во взаимодействие с государственным органом власти по определенному поводу.

References

- [1] Petrosyan S.I. Political management and information technology in the provision of state and municipal services // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015. № 3-2 (53).
- [2] Radchuk V.A. Prospects for the development of the market for information services in the region // Engineering Bulletin of the Don. 2012. Issue № 2. Volume 20.
- [3] Explanatory dictionary of the Russian language S.I. Ozhegova, N.Yu. Swede. Publishing house "Az", 1992.

- [4] Federal Law of July 27, 2010 N 210-ФЗ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" (as amended). // URL: <http://base.garant.ru/12177515/> (04.11.2019).
- [5] Civil Code of the Russian Federation // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=5142> (05.03.2019).
- [6] "Budget Code of the Russian Federation" dated July 31, 1998 N 145-ФЗ (as amended on July 27, 2017) Part I. General Provisions. Chapter 1. Budget legislation of the Russian Federation> Article 6. Concepts and terms used in this Code. // URL: <http://legalacts.ru/kodeks/Bjudzhetnyj-kodeks/chast-i/glava-1/statja-6> (05.03.2019).
- [7] Decree of the President of the Russian Federation of July 23, 2003 N 824 "On measures for the implementation of administrative reform in 2003-2004." Russian newspaper. July 25. 2003. № 148.
- [8] Kuldyaev I.U. To the question of the essence of public // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2013. № 2. Volume 13.
- [9] Karlovskaya E.A. Static and dynamic public services // ARS ADMINISTRANDI. 2011. № 1.

Библиографический список:

- [1] Петросян С.И. Политическое управление и информационные технологии в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-2 (53).
- [2] Радчук В.А. Перспективы развития рынка информационных услуг в регионе // Инженерный вестник Дона. 2012. Выпуск № 2. Том 20.
- [3] Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Издательство «Азъ», 1992.
- [4] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изменениями и дополнениями). // URL: <http://base.garant.ru/12177515/> (дата обращения - 11.04.2019г).
- [5] Гражданский Кодекс Российской Федерации // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=5142>(дата обращения - 03.05.2019г).
- [6] «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 27.07.20107) Часть I. Общие положения. Глава 1. Бюджетное законодательство Российской Федерации> Статья 6. Понятия и термины, применяемые в настоящем Кодексе. // URL: <http://legalacts.ru/kodeks/Bjudzhetnyj-kodeks/chast-i/glava-1/statja-6> (дата обращения - 03.05.2019г).
- [7] Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. N 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003 - 2004 годах». Российская газета. Июль 25. 2003. №148.
- [8] Куддыбаева И.У. К вопросу о сущности государственных услуг // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. Выпуск № 2. Том 13.
- [9] Карловская Е.А. Статичность и динамичность сферы государственных услуг // ARS ADMINISTRANDI. 2011. Выпуск № 1.

Ulturgasheva N.D.

Doctor of Cultural Studies, Professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Novikova D.V.

Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

The experience of the content-analyze of ethnic information in the internet-resources (on the example of create the way of polyethnic Kuzbas)

Abstract. The article is devoted to the nature of the formation, in Internet resources, of the image of the interethnic situation that has developed in Kuzbass (and, in particular, the migration issue). The content analysis of these materials conducted by the author made it possible to draw a conclusion about a stable trend of maintaining, in the mass consciousness, the image of interethnic harmony in the Kuzbass, ensured by realizing the tasks of the regional ethno-national policy, about the priority of this direction in the work of the Kemerovo Region Administration.

Key words: content, ethnonational policy, migrants, conflict, tolerance.

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Новиков Д.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Опыт контент-анализа этнической информации в интернет-ресурсах (на примере формирования образа многонационального Кузбасса)

Аннотация. Статья посвящена характеру формирования, в интернет-ресурсах, образа сложившейся в Кузбассе межэтнической ситуации (и в частности, миграционного вопроса). Проведенный автором контент-анализ данных материалов позволил сделать вывод об устойчивой тенденции поддержания, в массовом сознании образа межэтнического согласия в Кузбассе, обеспечиваемого за счет реализации задач региональной этнонациональной политики, о приоритетности данного направления в работе Администрации Кемеровской области.

Ключевые слова: контент, этнонациональная политика, мигранты, конфликтность, толерантность.

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории народной
художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Новиков Д.В.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории народной
художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Опыт контент-анализа этнической информации в интернет-ресурсах (на примере формирования образа многонационального Кузбасса)*

Актуальность заявленной темы определяется интересом, проявляемым региональными средствами массовой информации к процессам этнического возрождения народов на территории Кемеровской области, начавшимся после распада Советского Союза. Так, с рубежа 1980-х-начала 1990-х гг. в регионе сложилась устойчивая тенденция освещения формирования и деятельности национальных общественных объединений. В частности, это проводимые этнокультурные и образовательные мероприятия, установление диалога с окружающей социокультурной средой, в лице региональных органов государственного управления, общественных и других некоммерческих объединений а также учреждений, функционирующих как за пределами Кемеровской области, так и Российской Федерации. К настоящему времени данная тенденция в полной степени отражена в интернет-ресурсах, аккумулирующих большой объем информации, поступающий как из других СМИ, так и за счет иных источников. Разнородный характер представленного здесь материала, касающегося текущей межэтнической ситуации, различная степень достоверности, определяемая его происхождением, а также задачами и компетентностью авторов, обуславливает необходимость их исследования, в контексте возможных вариантов воздействия на массовое сознание.

Разнообразие анализируемых материалов, как в жанровом отношении, так и по происхождению и объему (включая достаточно краткие информационные сообщения, отчасти региональную прессу и законодательство областного уровня, а также работы учащихся среднего звена, в целом охватившие период 2006 г. – 2018 г.) определило использование методики контент-анализа, для достижения заявленных целей [1]. Указанная особенность анализируемого контента позволяет, на наш взгляд, рассматривать его как достаточно репрезентативный материал, в отражении основных позиций по заявленной проблеме. При этом, мы намеренно не привлекали к анализу размещенные в интернете результаты научных

* © Ултургашева Н.Д., Новиков Д.В., 2019.

Опыт контент-анализа этнической информации в интернет-ресурсах (на примере формирования образа многонационального Кузбасса)

исследований (в виде статей), затрагивающих межэтнические отношения в Кузбассе, поскольку данные работы ориентированы на специфическую аудиторию и не являются фактором воздействия на массовое сознание.

В ходе первичного ознакомления с контентом, нами были условно определены следующие категории анализа: «этнополитика», «миграционная сфера», «конфликтность», «толерантность». Единицами анализа, позволяющими проводить количественные измерения, стали ключевые слова, отражающие сущность текущей межэтнической ситуации в регионе, декларируемых этнополитических задач, характеристики миграционных процессов и проблем. В качестве единиц счета была определена частота встречаемости ключевых слов.

Согласно гипотезе нашего исследования, размещенные в интернете материалы, в духе сложившейся в региональных СМИ тенденции, формируют образ Кузбасса как многонационального по составу населения региона со стабильным характером межэтнических отношений и целенаправленной политикой профилактики потенциальных конфликтных ситуаций, и адаптации мигрантов.

Наиболее часто фиксируемые понятия в рамках категории «этнополитика» (такие, как «гармонизация межэтнических отношений», «укрепление согласия», «предотвращение» любых форм конфликтных ситуаций) указывают на особый приоритет этнического вопроса в региональной политике Кузбасса. В частности, здесь прослеживается достаточно активная регулирующая позиция региональных властей, в процессе этнокультурного развития и межкультурного диалога в регионе [2; 3]. Параллельно ряд формулировок способствует формированию, в аудитории интернет-пользователей, исключительно стабильного образа межэтнического климата, «исторически сложившегося» на территории Кемеровской области. Это подтверждается, в частности, отчетливой подачей идеи о низком потенциале разворачивания здесь этноконфликтных ситуаций [4]. Вместе с тем, относительно высокая частота встречаемости формулировок о необходимости их «профилактики и предупреждения», на наш взгляд, объективно связана с потенциально тревожными факторами, обусловленными динамикой миграционных процессов. На это, в частности указывают пункты о предотвращении нарушений соответствующего законодательства, нелегальной миграции [5].

Следует отметить, что выделенные нами единицы анализа в рамках категории «миграционная сфера», в целом также подтверждают исключительное внимание областного руководства к этническим проблемам. Так, в соответствии с основными задачами региональной этнонациональной политики [6], здесь достаточно явно прослеживается ориентация на превенцию этноконфликтных ситуаций, за счет последовательной декларации курса на «адаптацию и интеграцию» переселенцев в социокультурную среду, полиэтничной по составу населения Кемеровской области.

Существенным, на наш взгляд, моментом является здесь вовлечение представителей мигрантов в сложившуюся на территории Кузбасса систему межкультурного взаимодействия, к настоящему времени представляющую диалог управленческих структур, институтов гражданского общества в лице нацио-

нальных ассоциаций и этнокультурных центров, а также научно-исследовательских кадров высших учебных заведений [7].

В целом, выделенные в рамках данной категории единицы отражают комплекс региональных задач (в сфере этнической политики) по нейтрализации социальных факторов тревожного характера, связанных с миграциями на территорию Кемеровской области. И здесь достаточно четко прослеживается идея сохранения образа Кузбасса как региона межэтнического согласия. Это подтверждается декларируемыми принципами «взаимодействия» и «доверия», как основы выстраиваемых взаимоотношений с мигрантами. Единичное утверждение о практике «сегрегации» трудовых мигрантов в Кузбассе, зафиксированное нами в процессе первичной работы с материалами, выходит за рамки данного суждения. Однако здесь мы сталкиваемся лишь с недостаточно грамотным истолкованием автором материала данного термина и, как следствие, его неправомерным использованием [8].

Материалы, объединенные в категорию «конфликтность», содержат суждения и оценки, относительно потенциала развития противоречий в межэтнических отношениях на территории Кемеровской области. На наш взгляд, данная тематика обусловлена как упомянутым миграционным вопросом, так и накопившимся в регионе опытом проведения этнологических экспертиз, показавших наличие очагов социальной напряженности, вызванной деятельностью угледобывающих предприятий в местах компактного проживания автохтонных этносов [9].

При этом, основная масса представленных в рассмотренном нами контенте формулировок не содержит прямых указаний на данные прецеденты, придерживаясь линии на формирование «положительного» образа многонационального Кузбасса. Косвенная информация прослеживается в формулировках о необходимости постоянной диагностики текущей межэтнической ситуации, мониторинга возможных ситуаций риска. Вместе с тем, в отдельных случаях констатируется наличие угрожающих тенденций в регионе, что выражается в таких понятиях, как «ксенофобия», «экстремизм» и «национализм». Однако здесь практически отсутствует четкая аргументация позиций авторов размещенных в сети материалов, что позволяет предположить их субъективность, в оценивании сложившихся на территории Кузбасса межэтнических отношений [10].

И здесь следует отметить наличие целого ряда единиц относительно противоположного, по содержанию, характера. В основном, у читателя здесь формируется позиция относительно отсутствия в регионе условий, потенциально угрожающих масштабным межэтническим противостоянием. Данные материалы представляют, в основном, информационные сообщения, с экспертными мнениями специалистов административных кругов. В целом, представленные в рамках рассматриваемой категории единицы анализа незначительно различаются по частоте встречаемости [11; 12].

Тенденция формирования указанной позиции в аудитории пользователей сети интернет наиболее выражена в единицах, объединенных нами в категорию «толерантность». Данная тема, в ряде случаев, отражена на примере

проводимых в регионе этнокультурных мероприятий, практика регулярного и подробного освещения которых уже отработана в кузбасских СМИ, за последние десятилетия. На наш взгляд, повышенный интерес к данной теме со стороны журналистов определяется тем, что межкультурные творческие мероприятия, в частности, фестивали и форумы стали наиболее распространенной и, в то же время, удобной для фиксирования формой возрождения, развития и трансляции самобытных черт проживающих в Кузбассе этносов [13].

В целом, указанные единицы представлены уже сформировавшимися в региональной журналистской практике, во многом стереотипными клише, иллюстрирующими атмосферу межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений на территории Кемеровской области в категориях полного взаимопонимания, мирного сосуществования и взаимной поддержки, духовной близости и партнёрства, готовности к взаимопомощи. И здесь, на наш взгляд, достаточно четко прослеживается тенденция к укреплению, в массовом сознании пользователей сети интернет положительного образа многонационального Кузбасса. За рамки рассматриваемой категории отчасти выходит лишь единица «ассимиляция», тем не менее, включенная нами, поскольку употребляется без негативного контекста [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Таким образом, в рассмотренных нами материалах достаточно четко прослеживается ориентация на шаблонное восприятие современной этнической ситуации в Кемеровской области. Последнее определяется, на наш взгляд, значительной долей публикаций официального происхождения и, отчасти, наличием контента, авторы которого, в силу невысокого уровня своей компетентности, не в состоянии достаточно адекватно оценить происходящие в регионе межэтнические процессы. Вместе с тем, рассматриваемый как целое, проанализированный нами контент позволяет составить представление относительно таких аспектов, как декларируемые задачи этнической политики в регионе, позиции региональных властей относительно миграционной сферы, и отчасти, ознакомиться с некоторыми проблемами межэтнических отношений в Кузбассе.

References

- [1] Manaev O.T. Content analysis as a research method [Electronic resource] / O.T. Manaev. - M., 2003. // URL: <https://psyfactor.org/lib/content-analysis3.htm>.
- [2] Resolution of the Administration of the Kuzbass rural settlement dated October 30, 2013. No. 23 "On national policy and the development of interethnic relations in the territory of the Kuzbass rural settlement" // URL: <http://kuzbasskoe-adm.rf>.
- [3] Decree of the Governor of the Kemerovo Region dated April 4, 2011. No. 22-PG "On the creation of a permanent working group on the harmonization of interethnic relations in the Kemerovo region under the Deputy Governor of the Kemerovo Region (on education, culture and sports) (as amended by Resolution of the Governor of the Kemerovo Region dated 04/11/2013 No. 40-pg) // URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2201970>.
- [4] Galina Solovieva: "The issue of interethnic relations in the Kuzbass is not urgent" // URL: <https://www.city-n.ru/view/296163.html>.
- [5] Order of the Board of the Administration of the Kemerovo Region dated 25.12.2013 N 1011-р "On approval of a comprehensive plan of measures for the implementation of the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025 in the territory of the Kemerovo region for 2014-2015." // URL: <http://kemerovo.regnews.org/doc/kq/1w.htm>.
- [6] Akimova T.A. The main directions of the national policy for the preservation of international peace and harmony in the Kemerovo region / T.A. Akimova, L.V. Shchurova // Applied Ethnology and

- Actual Problems of State Ethno-National Policy in the Regions of Western Siberia: Mechanisms of Interaction of Power, Science, and the Public: A Collection of Articles Based on the Results of an Interregional Scientific and Practical Seminar (Kemerovo, November 21-22, 2012). - Kemerovo: Practice, 2013. P. 9-15.
- [7] Order of the Board of the Administration of the Kemerovo Region dated March 3, 2016 n 74-r "On approval of the regional strategy of state national policy in the Kemerovo region for the period until 2025" // URL: docs.cntd.ru ›document432899854.
- [8] Parisakoyan L.V. The specificity of interethnic relations in the city of Berezovsky / L.V. Parisakoyan. - Kemerovo, 2014. // URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/02/10/spetsifika-mezhnatsionalnykh-otnosheniy-v-gorode-berezovskom>.
- [9] Sadovoy A.N., Poddubikov V.V. Ethnological expertise in the practice of regional management: the experience of the Kemerovo region // Bulletin of KemSU. 2011. № 1 (45). P. 22-26.
- [10] Rating of interethnic conflicts and threats of Russian regions // URL: <http://www.kurer-sreda.ru/2014/04/11/137072-rejting-mezhethnicheskix-konfliktov-i-ugroz-regionov-rossii#>.
- [11] The Kuzbass reference university introduced methods and technologies for promoting positive interethnic relations // URL: <https://kemsu.ru/news/2323-opornyy-vuz-kuzbassa-predstavil-metody-i-tehnologii-vospitaniya-pozitivnykh-mezhethnicheskikh-otnosh/>.
- [12] Supporters of "United Russia" discussed strengthening ethnic relations // URL: <https://kemerovo.er.ru/news/2018/11/30/storonniki-edinoj-rossii-obsudili-voprosy-ukrepleniya-mezhnatsionalnyh-otnoshenij/>.
- [13] Kuzbass is multinational. - 2011 (November). - Issue 1 // URL: <http://www.depcult.ru/docs/journal1.pdf>.
- [14] Alexander Sadovoy: "When people are uncomfortable, they begin to look for the enemy" // Weekly Arguments and Facts. 2006. № 45. // URL: <http://www.kuzbass.aif.ru/archive/1783613>.
- [15] Boyko M.I. Interethnic Relations in the Kemerovo Region // URL: https://infourok.ru/statya_na_npk_mezhethnicheskie_otnosheniya_v_kemerovskoy_oblasti-461639.htm.
- [16] A round table was held at the Central Internal Affairs Directorate of the region: "The Impact of Interethnic Relations on the Law and Order in Kuzbass. Problems. Prospects for interaction" // URL: <https://42.mvd.rf/news/item/406782>.
- [17] In the Kemerovo region will create a center for monitoring interethnic relations // URL: <https://nazacent.ru/content/15709-v-kemerovskoj-oblasti-sozhdadut-centr-monitoringa.html>.
- [18] A monitoring center for interethnic relations will be created in Kuzbass // URL: <http://newkuzbass.ru/news/6522/v-kuzbasse-sozhdadut-tsentr-monitoringa-mezhnatsionalnyh-otnoshenij>.
- [19] The impact of interethnic relations on Kemerovo society // URL: bridges.edu.yar.ru/2016/media/works/577_95159.pptx.
- [20] A center for identifying ethnic conflicts will appear in the Kemerovo region // URL: <https://www.gumilev-center.ru/tsentr-dlya-vvyyavleniya-mezhnatsionalnyih-konfliktov-poyavitsya-v-kemerovskoy-oblasti/>.
- [21] A monitoring center for interethnic relations will be created in Kuzbass // URL: <https://kuzbass-today.ru/social/center-monitoring-international-o.html>.

Библиографический список:

- [1] Манаев О.Т. Контент-анализ как метод исследования [Электронный ресурс] / О.Т. Манаев. - М., 2003. // URL: <https://psyfactor.org/lib/content-analysis3.htm>.
- [2] Постановление Администрации Кузбасского сельского поселения от 30.10.2013 г. № 23 «О национальной политике и развитии межэтнических отношений на территории Кузбасского сельского поселения» // URL: <http://кузбасское-адм.рф>.
- [3] Постановление Губернатора Кемеровской области от 4 апреля 2011 г. № 22-пг «О создании постоянно действующей рабочей группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Кемеровской области при заместителе губернатора Кемеровской области (по вопросам образования, культуры и спорта) (в ред. постановления Губернатора Кемеровской области от 11.04.2013 № 40-пг) // URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2201970>.
- [4] Галина Соловьева: «Вопрос межнациональных отношений в Кузбассе остро не стоит» // URL: <https://www.city-n.ru/view/296163.html>.
- [5] Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 25.12.2013 N 1011-р «Об утверждении комплексного плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Кемеровской области на 2014-2015 гг.» // URL: <http://kemerovo.regnews.org/doc/kq/lw.htm>.
- [6] Акимова Т.А. Основные направления национальной политики по сохранению межнационального мира и согласия в Кемеровской области / Т.А. Акимова, Л.В. Щурова // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной

- Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сборник статей по итогам межрегионального научно-практического семинара (Кемерово, 21-22 ноября 2012 г.). – Кемерово: Практика, 2013. С. 9-15.
- [7] Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 3 марта 2016 года n 74-р «Об утверждении региональной стратегии государственной национальной политики в Кемеровской области на период до 2025 года» // URL: docs.cntd.ru.document432899854.
- [8] Парисакоян Л.В. Специфика межнациональных отношений в г. Березовском / Л.В. Парисакоян. – Кемерово, 2014. // URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/02/10/spetsifika-mezhnatsionalnykh-otnosheniy-v-gorode-berezovskom>.
- [9] Садовой А.Н., Поддубиков В.В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник КемГУ. 2011. № 1 (45). С. 22-26.
- [10] Рейтинг межэтнических конфликтов и угроз регионов России // URL: <http://www.kurer-sreda.ru/2014/04/11/137072-rejting-mezhetnicheskix-konfliktov-i-ugroz-regionov-rossii#>.
- [11] Опорный вуз Кузбасса представил методы и технологии воспитания позитивных межэтнических отношений // URL: <https://kemsu.ru/news/2323-opornyy-vuz-kuzbassa-predstavil-metody-i-tekhnologii-vospitaniya-pozitivnykh-mezhetnicheskikh-otnosh/>.
- [12] Сторонники «Единой России» обсудили вопросы укрепления межнациональных отношений // URL: <https://kemerovo.er.ru/news/2018/11/30/storonniki-edinoj-rossii-obsudili-voprosy-ukrepleniya-mezhnatsionalnyh-otnoshenij/>.
- [13] Кузбасс многонациональный. – 2011 (ноябрь). – Выпуск 1 // URL: <http://www.depcult.ru/docs/journal1.pdf>.
- [14] Александр Садовой: «Когда людям неуютно, они начинают искать врага» // Еженедельник «Аргументы и Факты». 2006. № 45. // URL: <http://www.kuzbass.aif.ru/archive/1783613>.
- [15] Бойко М.И. Межэтнические отношения в Кемеровской области // URL: https://infourok.ru/statya_na_npk_mezhetnicheskie_otnosheniya_v_kemerovskoy_oblasti-461639.htm.
- [16] В ГУВД области прошел «круглый стол» на тему: «Влияние межнациональных отношений на правопорядок в Кузбассе. Проблемы. Перспективы взаимодействия» // URL: <https://42.мвд.рф/news/item/406782>.
- [17] В Кемеровской области создадут центр мониторинга межнациональных отношений // URL: <https://nazaccent.ru/content/15709-v-kemerovskoj-oblasti-sozdadut-centr-monitoringa.html>.
- [18] В Кузбассе создадут центр мониторинга межнациональных отношений // URL: <http://newkuzbass.ru/news/6522/v-kuzbasse-sozdadut-tsentr-monitoringa-mezhnatsionalnyh-otnoshenij>.
- [19] Влияние межнациональных отношений на кемеровское общество // URL: bridges.edu.yar.ru/2016/media/works/577_95159.pptx.
- [20] Центр для выявления межнациональных конфликтов появится в Кемеровской области // URL: <https://www.gumilev-center.ru/tsentr-dlya-vyyavleniya-mezhnatsionalnykh-konfliktov-poyavitsya-v-kemerovskoy-oblasti/>.
- [21] Центр мониторинга межнациональных отношений создадут в Кузбассе // URL: <https://kuzbass-today.ru/social/центр-мониторинга-межнациональных-о.html>.

Дзуцев Х.В.

Доктор социологических наук, профессор, руководитель
Центра исследования приграничных регионов Юга России Института
социально-политических исследований РАН
(Российская академия наук), заведующий кафедрой социологии
Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ.

Дибирова А.П.

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Центра исследования приграничных регионов
Юга России Института социально-политических
исследований РАН (Российская академия наук).

Тутаева Л.О.

Старший преподаватель Ингушского государственного университета.

Корниенко Н.В.

Научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов
Юга России Института социально-политических исследований РАН
(Российская академия наук), аспирантка кафедры социологии
Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия¹ Часть II*

Достаточным вклад республики в развитие экономики знаний считают только 8% респондентов, Больше половины признались в отсутствии у них таковой информации, каждый десятый выразил затруднение, что равносильно ее отсутствию 28% попали в колонку «другое». В комментариях последних определен другой вариант ответа – недостаточно вкладывается финансовых ресурсов в экономику знаний, часто встречается формулировка, что финансирование осуществляется по остаточному принципу.

В вопросе о доверии работодателям только треть респондентов положительно, подавляющее большинство считают, что в наше время понятие доверия теряется, уходит из общества.

В примечаниях некоторыми было отмечено, что доверяют работники не всем и не всегда. К примеру, на ряде госпредприятий происходит длительная задержка заработной платы (жилищно-коммунальное хозяйство, водоканал и др. хозрасчетные предприятия), поэтому вопрос доверия остается открытым.

В следующем вопросе больше половины респондентов заявили, что работа позволяет расширять свои знания, ещё треть оказались слишком загружены на работе.

* © Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Тутаева Л.О., Корниенко Н.В., 2019.

Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия. Часть II

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31454 «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса».

Таблица 15. Как Вы считаете, достаточно ли финансовых ресурсов, которые вкладывает госбюджет, чтобы экономика знаний стала важной частью бюджета республики, страны? (в %)

	Все опрошенные
Да, я считаю, что республика вкладывает достаточно средств в экономику знаний	8,0
У меня нет информации по данной проблеме	54,0
Другое	28,0
Затрудняюсь ответить	10,0
Итого	100,0

Таблица 16. Можно ли доверять современным работодателям, если они обещают высокое вознаграждение за Ваш труд? (в %)

	Все опрошенные
Да, я доверяю работодателям	32,0
В наше время понятие доверия теряется, уходит из общества	52,0
Другое	10,0
Затрудняюсь ответить	6,0
Итого	100,0

Таблица 17. Как Вы считаете, позволяет ли работа рабочим и служащим увеличивать широту своих знаний? (в %)

	Все опрошенные
Да, работа позволяет расширять свои знания	56,0
Я сильно загружен (-а) на работе, поэтому у меня нет времени работать над собой	32,0
Другое	10,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	98,0
Нет ответа	2,0
Итого	100,0

Вселяет оптимизм результат, полученный при ответе на вопрос о готовности граждан республики соответствовать новым требованиям работодателя: 7 из десяти заявили о своей готовности, еще 8,0 % затруднились ответить.

Таблица 18. Сегодня многие работодатели принимают на работу людей, способных быстро обучаться. Как Вы считаете, граждане республики готовы к таким требованиям? (в %)

	Все опрошенные
Да, вполне готовы	70,0
Нет, не готовы	18,0
Другое	4,0
Затрудняюсь ответить	8,0
Итого	100,0

Следующий вопрос обозначил, что в большинстве коллективов ценится в коммуникабельность работника.

Таблица 19. В современных коллективах ценятся люди, способные к сотрудничеству, другая группа хочет работать отдельно, брать на себя инициативу и применять творческие подходы. Как Вы думаете, среди Ваших знакомых, друзей, людей, которые Вас окружают, есть таковые? (в %)

	Все опрошенные
В нашем коллективе больше ценятся люди, способные к сотрудничеству	62,0
Людей, желающих работать отдельно, не так много	30,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	6,0
Итого	100,0

Вопрос о том, старается ли руководство переобучать своих служащих, вызвал положительный отклик у двух из трёх респондентов, ещё четверть служащих считают, что переобучение не принято. В комментариях дается следующее объяснение: «у нас трудоизбыточный регион».

Оценка активности женщин в республике очень неоднозначна: каждый пятый респондент заявил, что сегодня к экономически активной части населения республики можно отнести 50 %, по 14 % выбрали соответственно по 30, 60 и 70%, 12 % – 40 %. Мнения остальных разделились по 2 и 4 % в диапазоне от 15 до 90 %.

Таблица 20. По мере того как меняются технологии и требования рынка, многие компании переобучают своих служащих, чтобы не заменять существующий состав новыми работниками. В Вашей организации соблюдается такой подход к работникам коллектива? (в %)

	Все опрошенные
Да, наше руководство старается переобучать своих служащих	68,0
В нашей организации не принято переобучать служащих	24,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	8,0
Итого	100,0

Таблица 21. До Второй мировой войны женщины составляли незначительный процент среди работавших. Как Вы считаете, какой процент женщин в республике можно отнести к экономически активной части? (Напишите цифру). (в %)

	Все опрошенные
15	2,0
30	14,0
35	4,0
40	12,0
45	4,0
46	2,0
50	20,0
55	2,0
60	14,0
65	6,0
70	14,0
80	4,0
90	2,0
Итого	100,0

Очень многие женщины в республике заняты в частном секторе, занимаются надомной работой, поэтому цифры экономической активности, на взгляд экспертов, несколько снижены.

Таблица 22. Ваше мнение: мужчины имеют более высокую степень экономической активности, чем женщины? (в %)

	Все опрошенные
Да, я считаю, что мужчины более активны	34,0
Женщины наравне с мужчинами так же экономически активны	58,0
Другое	6,0
Затрудняюсь ответить	0,0
Итого	100,0

Традиционная модель распределения ролей в ингушском обществе не сохраняется, что видно при анализе данных таблицы 23.

Таблица 23. Традиционные модели домашнего разделения труда достаточно просты: женщины брали на себя большую часть домашнего труда, а мужчины обеспечивали семью, зарабатывая определенные деньги. Как Вы считаете, сохраняется ли такое разделение и сегодня? (в %)

	Все опрошенные
Да, сохраняется такое разделение обязанностей	20,0
Сохраняется частично	48,0
Нет, не сохраняется	30,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Экспертами было отмечено, что женщинам сегодня легче найти работу в республике, чем мужчинам, поскольку они могут пойти и на малооплачиваемую, тогда как мужчинам это не подходит по статусу «кормилец».

Следующий вопрос связан с предыдущим и показал практически одинаковое разделение мнений по вопросу, сохраняется ли в современной семье принцип «мужчина-кормилец».

Таблица 24. С Вашей точки зрения, сохраняется ли в современной семье принцип «мужчина-кормилец»? (в %)

	Все опрошенные
Да, в нашей семье сохраняется	48,0
Такая схема сегодня не работает	40,0
Другое	8,0
Затрудняюсь ответить	4,0
Итого	100,0

В вопросе об изменении темпа работы треть респондентов отметили, что рынок требует более быстрой отдачи на работе, для остальных ничего не изменилось.

Таблица 25. Как считаете, Вы сегодня работаете усиленное и более быстрыми темпами, чем ранее? (в %)

	Все опрошенные
Рынок требует более быстрой отдачи на работе	32,0
Я работаю так же, как работал (-а)	64,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

Некоторые респонденты в комментариях высказались так: «Та сфера, в которой я работаю, не предполагает интенсивности».

В вопросе об отношении к удлинённому рабочему дню с дополнительной оплатой достаточное число респондентов (каждый третий) высказались положительно, остальные отметили, что против этого, потому что это сказывается на их личной жизни.

Таблица 26. Некоторые работодатели вводят удлинённый рабочий день». Ваше отношение к данному вопросу? (в %)

	Все опрошенные
Я за удлинённый рабочий день, лишь бы платили	32,0
Я против этого, потому что это сказывается на моей личной жизни	64,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	2,0
Итого	100,0

По мнению экспертов, «Практика раннего выхода матерей новорожденных де-

тей на работу очень вредна. Никаких положительных моментов в этом нет. Но это сегодняшняя данность и нашего ингушского общества, и в целом российского. Нехватка материальных средств на воспитание ребенка, опасения потерять работу, квалификацию заставляют молодых матерей выбрать вариант раннего выхода на работу. Я уже не говорю о потере эмоциональной связи матери и ребенка, когда в первые месяцы жизни он в ней так нуждается».

Что мы видим по результатам опроса: четверть опрошенных отметили, что это худший вариант, потому что страдают дети, более половины – что матери с новорожденными детьми вынуждены работать, потому что не хватает материальных средств на воспитание, только 13,8 % посчитали это нормальным поведением современных молодых женщин.

Таблица 27. По мере того как все больше и больше матерей с новорожденными детьми приходят на рынок труда, возникает вопрос о долгосрочных последствиях этой тенденции, влиянии на благополучие детей. (в %)

	Все опрошенные
Это худший вариант, потому что страдают дети	25,9
Матери с новорожденными детьми вынуждены работать, потому что не хватает материальных средств на воспитание	56,6
Это нормальное поведение современных молодых женщин	13,8
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	1,7
Итого	100,0

В вопросе о критериях «просемейной» политики государства респонденты высказались равным образом: 46,0 % - что «политика должна быть направлена на то, чтобы служащие могли выполнять требования и дома, и на работе», 46,0 %: «политика не должна быть дискриминационной, ее следует осуществлять в приемлемых рабочих условиях. Она также должна быть открытой для нужд работодателя».

Эксперты отметили, что Ингушетия занимает, к сожалению, одно из лидирующих мест по уровню безработицы в России. Отсюда и острота этого вопроса в нашем регионе.

На вопрос, боятся ли граждане потерять работу, подавляющее большинство выбрали ответы, указывающие на сильный страх потери работы почти у всех жителей республики.

Цифры говорят сами за себя. В республике очень распространены такие явления, как протекция, покровительство. На общих основаниях по конкурсу на работу редко берут.

Таблица 28. Не существует единого мнения относительно четких критериев политики, которая могла считаться «просемейной». Как Вы считаете, какие критерии должны выполняться государством? (в %)

	Все опрошенные
Политика должна быть направлена на то, чтобы служащие могли выполнять требования и дома, и на работе	46,0
Политика должна поддерживать гендерное равенство между мужчинами и женщинами	8,0
Политика не должна быть дискриминационной, ее следует осуществлять в приемлемых рабочих условиях. Она также должна быть открытой для нужд работодателя	46,0
	100,0

Таблица 29. Проблема безработицы стоит остро не только в нашей республике, но и в стране. Как Вы оцениваете уровень безработицы в республике? (в %)

	Все опрошенные
На критическом уровне	54,0
На высоком уровне	28,0
На таком же уровне, как и в целом по стране	16,0
Другое	0,0
Затрудняюсь ответить	2,0
	100,0

Таблица 30. Граждане боятся потерять работу? (в %)

	Все опрошенные
Я не знаю таких людей, которые бы сегодня не боялись потерять работу	40,0
Потерять работу в республике не боятся те, кто имеет покровителей	44,0
Другое	10,0
Затрудняюсь ответить	6,0
Итого	100,0

References

- [1] Gasyukova E.N., Karacharovsky V.V., Yastrebov G.A. A different precari: on the sources and forms of instability of the social status of indie species and groups // *Social Sciences and the Present*, 2016. № 3. P. 48-63.
- [2] Gimpelson V.E., Sharunina A.V. Flows in the Russian labor market: 2000–2012 / Preprints. High School of Economics. WP3 Series "Labor Market Issues". № 7. М.: NIUVSE, 2014. 50 p.
- [3] Klepikova EA Mobility of workers in the private and public sectors // *Social Sciences and the Present*, 2016. № 3. P. 75-90.
- [4] Pain EA The Costs of Russian Modernization: Ethnopolitical Aspect // *Social Sciences and the Present*, 2005. № 1. P. 148-159.
- [5] Sirazhudinova S.V. Civil society: traditionalism and Islam in the North Caucasus. - Rostov-on-Don: AzovPrint, 2012. 200 p.
- [6] Sirazhudinova S.V. Gender equality as a condition for the development of civil society in the North Caucasus // *Sociology of Power*, 2010. № 4. P. 170-177.
- [7] Starikov I.G. Social capital and social mobility in Makhachkala, or What if you do not have influential relatives? // *Social sciences and the present*, 2015. № 4. P. 153-164.

Библиографический список:

- [1] Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // *Общественные науки и современность*, 2016. № 3. С. 48-63.
- [2] Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. / *Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 "Проблемы рынка труда"*. № 7. М.: НИУВШЭ, 2014. 50 с.
- [3] Клепикова Е.А. Мобильность работников частного и государственного секторов // *Общественные науки и современность*, 2016. № 3. С. 75-90.
- [4] Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // *Общественные науки и современность*, 2005. № 1. С. 148-159.
- [5] Сиражудинова С.В. Гражданское общество: традиционализм и ислам на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: АзовПечать, 2012. 200 с.
- [6] Сиражудинова С.В. Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // *Социология власти*, 2010. № 4. С. 170-177.
- [7] Стариков И.Г. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? // *Общественные науки и современность*, 2015. № 4. С. 153-164.

О МИССИИ

ABOUT MISSION

Pismanik M.G.

*Doctor of Philosophical Science,
Professor, Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture, Perm.*

«Mission of confessions» (2012-2019): to thematic analysis

Abstract. The article presents a preliminary analysis of the journal's publications on the thematic section «Society and religion». The analysis is carried out in four subsections: «Culture and religion. Theoretical and methodological problems»; «State-confessional relations», «Education and religion», «Morality and religion. Tolerance».

Key words: philosophy, sociology, religion, society, culture, methodology, problems, theology, religious studies, state-confessional relations, education, ecumenism, morality, tolerance, ideological parity.

Писманик М.Г.

*Доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и философии
Пермского государственного института культуры, Пермь.*

«Миссия конфессий» (2012-2019): к тематическому анализу

Аннотация. В статье представлен предварительный анализ публикаций журнала по тематическому разделу «Общество и религия». Анализ проведен по четырем подразделам: «Культура, социология и религия. Теоретико-методологические проблемы», «Государственно-конфессиональные отношения», «Образование и религия», «Этика, философия и религия. Толерантность».

Ключевые слова: философия, социология, религия, общество, культура, методология, проблемы, теология, религиоведение, государственно-конфессиональные отношения, образование, мораль, экуменизм, толерантность, мировоззренческий паритет.

Писманик М.Г.

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии
Пермского государственного института культуры, Пермь.*

«Миссия конфессий» (2012-2019): к тематическому анализу*

В 2012 г. Международный издательский центр «Этносоциум», в развитие тщательно разрабатываемой креативной стратегии по собственной социокультурной деятельности, образовал научный и общественно-политический журнал «Межконфессиональная миссия». Позднее он принял наименование «Миссия конфессий». Руководство журнала (гл. редактор проф. Е.Л. Рябова) так определило его гуманитарную миссию – «консолидация прогрессивных сил, конструктивных идей науки и общества, всех конфессий перед лицом глобальных угроз». Параллельно журнал реализует и другой концептуально-методологический замысел – содействие становлению подлинно научного, религиоведческого и культурологического подхода к исследованию конфессий и этносов в нашем Отечестве и за его пределами.

Эти креативные инициативы столь значимой гуманитарной миссии и особенно важного концептуально-методологического замысла по-своему уникальны. Их практическая реализация заслуживает пристального внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей-гуманитариев, а также мониторинга и глубокого анализа. В этих целях мы решились приступить к обзору деятельности «Миссии конфессий» за минувшие восемь лет со дня его создания.

За истекшее время вышло 40 номеров журнала. Удачно сочетая выход ценных научных статей с актуальной публицистикой и интересными иллюстрациями, - журнал довольно быстро занял одну из ведущих позиций в средствах массовой информации, освещающих межрелигиозные и межэтнические отношения в России и в современном мире. Вскоре «Миссию конфессий» включили в РИНЦ, ТАСС, НЭБ и по философии, социологии, культурологи в Перечень ВАК РФ.

Как и все издания, журнал стремится к совершенствованию своей деятельности, повышению известности и своего рейтинга. Но, вопреки частым советам, мы полагаем, что «Миссии конфессий» не следует притязать на статус Web of Science, так как претенциозные эксперты этого зарубежного издательства непременно отбросят, как чуждую этой епархии и ее причудливым лекалам, - общественно-политическую направленность «Миссии конфессий». К тому же, учтем, что ряд высокоавторитетных ученых ныне подвергают резкой критике СКОПУС и Web of Science, упрекая их в предвзятости по отношению к отечественным научным школам и в категоричном навязывании индекса цитируемости при экспертизе научных публикаций. Ученые-гуманитарии правомерно обвиняют СКОПУС и Web of Science в том, что при оценке их публикаций, он игнорирует не менее важный, нежели индекс цитируемости, - критерий социокультурной значимости.

Наш глубокий обзор журнала показывает, что «Миссия конфессий» планомер-

* © Писманик М.Г., 2019.

«Миссия конфессий» (2012-2019): к тематическому анализу

но следует возглашенной гуманитарной миссии. К реализации своих креативных намерений редакция «Миссии конфессий» привлекла ряд авторитетных философских, социокультурных, религиозных и светских исследователей, целую галерею диссертантов и иных талантливых молодых авторов. Из тематического обзора следует, что публикации журнала эффективно содействуют диалогу, толерантному сотрудничеству и взаимопониманию между сторонниками разных религиозных традиций и этнических групп как в нашем Отечестве, так и за рубежом, тем самым, – способствуют гражданскому единению.

Тематический диапазон журнала весьма многопрофилен: философия, социальные науки, религия и международные отношения, культурология. Его название, пожалуй, уже не соответствует значительно более обширному кругу реализуемого содержания. За восьмилетний период деятельности журнал накопил огромный массив обзореваемой информации. На начальном этапе ее анализа, еще не проникающая в глубины текстов, – мы реализовали необходимые для последующего мониторинга и содержательного анализа, – отбор, обзор и систематизацию публикаций по тематическому разделу «Религия и общество». Расположили их по четырем подразделам:

- 1.«Культура, социология и религия. Теоретико-методологические проблемы» (68 публикаций);
- 2.«Государственно-конфессиональные отношения» (31 публикация);
- 3.«Образование и религия» (15 публикаций);
- 4.« Этика, философия и религия. Толерантность» (32 публикации).

Культура, социология и религия.

Теоретико-методологические проблемы.

Замысел редакции журнала о содействии подлинно научному религиоведческому и социологически-культурологическому подходу к изучению отечественных конфессий и этносов спаян с многочисленными теоретико-методологическими проблемами. Таковые находят обильное отражение в публикациях журнала. И именно теперь, к ним резко приковано внимание ученых социологов, культурологов, религиоведов и теологов. Дело в том, что новоявленное Министерство науки и высшего образования оплошно, без углубленных размышлений, зачислило богословие в статус науки. Тем самым, официально и грубо порушен сложившийся на религиозном поле методологический водораздел между религиоведением и теологией. По сие время чиновники от науки не понимают и игнорируют парадигмальное разделение между этими отраслями постижения религии, чем провоцируют дополнительные проблемные напряжения между ними, а также недоумения и смещения в сознании немалой части нашей общественности. Особенно же, официально произволом введены в смятение студенты, осваивающие достоинства отечественной духовной культуры.

Полагаем весьма ценным отзывом на порушенный водораздел в познании религии помещенную в №18 «Миссии конфессий»¹ содержательную статью под названием «Предметное поле религии: теологический и религиоведческий подходы».

1 Здесь и далее, затрагивая в нашем обзоре название той или иной журнальной статьи, в скобках указываем число очередного вышедшего номера «Миссии конфессий», который в себя включает эту статью.

Ее автор – частый гость журнала, доктор философских наук, ректор Поволжского православного института, протоиерей Д. Ю. Лескин. Статья напомнит чиновникам от науки и иным несведущим лицам, что «несмотря на существование единого предметного поля, у теологии и религиоведения разные подходы и методы исследования» (выделено нами, М.П.). Д.Ю. Лескин указывает на давно сложившиеся сущностные отличия в сфере восприятия религии. При богословском подходе «теолог смотрит на религию изнутри, как живое обращение Высшего к каждому человеку, а Высшее принимается как источник абсолютной истины, тогда как при религиоведческом подходе методологический принцип исключает феномен трансцендентного». Такова верная и очень важная методологическая констатация авторитетного исследователя.

Однако, не склоняясь к полемике с уважаемым коллегой, заметим, что такое, хотя и верное, но все же, ограниченное видение методологического принципа, – нам напоминает «селфи», и никак не свидетельствует о приоритете теологии над религиоведением. Наша дисциплина устремлена к познанию реальной религии, но не трансцендентного феномена и не претендует на обладание абсолютной истиной. Религиоведы, по нашему глубокому убеждению, не только могут, но обязаны следовать парадигме познаваемости мироздания. В том числе, познаваемости и наиболее сложного достояния культуры. Что же до нужды в обзоре религии «изнутри», то учтем: сегодня в религиоведение пришли и в нем плодотворно сотрудничают немало глубоко верующих исследователей.

Но богословам и религиоведам уже следует подумать о необходимом мировоззренческом паритете при произошедшем триумфальном возвращении религии в культуру светского государства. В постсоветском обществе, столь насыщенном социальными и духовными напряжениями, стали бесплодными и чрезвычайно рискованными затянувшиеся дуэли по поводу приоритета на предметном поле религии. Думается, теологам и религиоведам не следует склоняться к воинственности, обострять и выпячивать наличные у них мировоззренческие и методологические расхождения. Тех и других на религиозном поле и за его пределами все же объединяет множество общих ценностей гражданственности, нравственности и культуры. А более всего роднит – сфера общей заботы о путях разрешения сложившихся особо сложных социальных проблемах и трудных испытаниях для нашего Отечества. Будем не только держаться паритета, но – в пределах единых ценностей и очевидных ограничений, – осуществлять меж собой доброжелательный диалог и даже сотрудничать в познании веры, разрешении некоторых с нею связанных проблем и поддержании гражданского согласия между верующими и нерелигиозными россиянами.

Но вернемся к нашему систематизирующему обзору и занесем в подраздел «Культура, социология и религия. Теоретико-методологические проблемы» наиболее его характеризующие следующие публикации:

Топольян А.П. «Социальная составляющая религии в современном мире»;

Макимова О.Н. «Конфессиональный фактор этнополитической культуры населения современного российского региона (на примере Оренбургской области)»;

Терновая Л.О. «Молитвенное соединение миров Востока и Запада»;

Бессонова Т.Н. «Межконфессиональное взаимодействие как путь к цивилизационному патриотизму» (все 1);

- Кузнецова Т.Ф. и Логинова Л.Ф. «Методология современного социально-гуманитарного знания в контексте культуры»;
- Пелевина О.В. «Христианство в культурном диалоге России и Китая» (все 2);
- Данненберг А.Н. «Христианство в современном мире: тенденции и перспективы»;
- Кортунов В.В. ««Третий» путь познания: религия и искусство как социокультурные формы русского мировоззрения» (обе 4);
- Шмидт В.В. «Сакральное – профанное: политико-идеологические аспекты бытия» (5);
- Аббясов Р.Р. «Реализация основных положений социальной программы российских мусульман в деятельности мусульманских организаций» (8);
- Власов В.И. «Идеи о душе» (9);
- Зязиков М.М. «Русский язык и его роль в современном мире» (методологически особо ценная статья!);
- Семенова В.И. «Религиозные движения и управление сознанием» (обе 10);
- Солонин К.Ю. «Философия и культура Востока в Санкт-Петербургском университете: традиции изучения» (11);
- Бессонов Е.Г. и Рябова Е.Л. «Миссия конфессий - объединение и развитие» (12);
- Лескин Д.Ю. «Русский мир: историческая миссия» (14);
- Ризоев Ш.Х. «Религиоведение – ресурс внутренней политики России (обзор академических дискуссий – весна 2016)» (17);
- Пигалкина С.Н. «Неоязычество в России: конкуренция взглядов»;
- Александрова Н.Н. «Место протестантизма в религиозной ситуации РТ» (обе 19);
- Оселедчик М.Б. «Фрактальная природа неявного знания»;
- Карасев Н.А. «Распространение православной традиции мистического богословия и исихазма в России в XIV веке»;
- Колодина А.А. «Культура как способ и форма деятельности бытия человека»;
- Пономаренко Е.В. «Христианство на Ближнем Востоке» (все 21);
- Власов В.И. «Проникновение философии в религию и религии в философию» (на наш взгляд, статья метарелигиоведческого статуса);
- Музыченко Е.А. «Философско-теологические основания понятия христианского социализма в истории протестантской философии западноевропейской мысли»;
- Чекмезов В.И. «Социальное государство: основы духовности» (все 22);
- Дорошко Д.А. «Интеркоммунион как попытка преодоления разделения церквей»;
- Власов В.И. «Дух святой святее всех»;
- Кабиденова Ж.Д., Шамшия С.Р. «Ислам и национальная идентичность: взгляд женщин» (все 23);
- Пелевин А.В. и Ловецкий Г.И. «Проблема определения сущности религиозно-философской традиции в современной философии»;
- Орцуев С.М.Х. «Атеизм в советском государстве как фактор молодежной политики»;
- Рахимова М.В. «Обусловленная душа» и генетический полиморфизм: от гун материальной природы к генной предрасположенности»;
- Терновая Л.О. «Единство хора – единство душ»;

- Зимин П.Г. Теология как фактор политических закономерностей» (все 24);
Рябова Е.Л. «Миссия журнала и диалог России-Италии»;
Аббясов Р.Р. «Социальное учение и его роль в религии: теоретико-методологический аспект»;
Рыбаков С.В. «К вопросу о мировоззренческом потенциале русской религиозной философии»;
Илюхина В.В. «Эволюция социально-философской католической доктрины»;
Кабиденова Ж.Д. и Рысбекова Ш.С. «Религиозная конверсия и национальная идентичность»;
Белова Д.Н. «Понятие любви в культурно-нравственном аспекте»;
Исеева Э.Р. «Системная преемственность в развитии общества: роль социокультурной традиции» (все 25);
Аббясов Р.Р. «Социальное учение в исламе: источники и основы» (26);
Рябова Е.Л., Бессонов Е.Г. «Ценности массовой культуры: профилактика асоциальности»;
Нестерчук О.А., Романова Д.Ю. «Свобода совести и вероисповедания как проблемное поле религиозного и политического процессов»;
Рязанцев А.П. «Формирование личности Франциска Ассизского»;
Терновая Л.О. «Социальные грехи глобализации» (все 27);
Вознесенский И.С. «Религия и время; истоки конфессионального тайм-менеджмента»;
Терновая Л.О. «Античные боги вокруг нас: гонимые в повседневной жизни, маркетинге и геополитике»;
Камова Р.М. «Генезис культуры»;
Лежнева Т.М. «Сущность сакрального музыкального искусства в современной отечественной культуре» (все 28);
Рыбаков С.В. «К дискуссии о проблеме соотношения между бытием и сознанием»;
Курабцев В.Л. «Вера, ее друзья и недруги»;
Камова Р.М. «О взаимосвязи пространства культуры и культуры личности» (все 29);
Сенченко Н.А. «Имидж образовательной организации в медийном пространстве: культурологический аспект» (30);
Козлова И.Л. «Морфология религии Иоахима Ваха»;
Номшиева М.А. «Формирование ценностей семейной культуры и ответственного родительства молодежи» (обе 31);
Бахарев В.В., Демененко И.А., Шавырина И.В. «Влияние организационной культуры на подготовку студентов»;
Зимин П.Г. «В поисках идентичности» (обе 32);
Юрикова А.В. «Музей и церковь: формы взаимодействия»;
Андреева А.В., Феньвеш Т.А. «Труд как социокультурный феномен» (обе 33);
Андренко О.В., Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Тяжельников Ю.А. «Истоки социальных проблем «эпохи глобализации» в психологии человека» (34);
Назарова М.П., Янин К.Д. «Социальная деструкция в современном городе» (35);
Благинина А.П. «Государственная культурная политика в Российской Федерации и инструменты ее реализации»;

Протоиерей Димитрий Лескин «Историко-культурный стандарт как база формирования единого культурно-исторического пространства в России» (обе 36);
Терновая Л.О., Рябова Е.Л. «Связь времен и смыслов: священные деревья»;
Бобров Р.С. «Глобализация личности» (обе 37);
Гао Чуньюй. «Влияние православия на культуру Хэйлунцзяна» (38);
Курабцев В.Л. «Человек и Господь Бог в православном понимании»;
Петрова С.И. «Трансформация смыслообразования массовой культуры в пост-модерне» (обе 39).

Обзор публикаций этого подраздела показывает, что особо сложные проблемы культуры, социологии, философии и религии – проблемы познания религии получили в журнале контрастное и солидное теоретико-методологическое и концептуальное пополнение. Замысел редакции по содействию подлинно научному подходу в исследование религии здесь отчетливо подкреплен поддержанной в двадцати выделенных публикациях парадигмой об особой плодотворности культурологического и социологического подхода к изучению этого сложнейшего феномена человечности. Что еще важно: в массиве этих публикаций разумно представлены научный, светский и религиозный подходы в их близком сопоставлении и вне воинственного противостояния. Дальнейший содержательный анализ публикаций по этому подразделу позволит полнее выявить их конкретный потенциал в развитии гуманитарной миссии журнала.

Вместе с тем, отметим, что помимо упомянутой статьи Д.Ю. Лескина, реакция на болезненную ситуацию в водоразделе между религиоведением и теологией в публикациях, к сожалению, отсутствует. Что касается остро назревших «внутренних» проблем самих религиоведения и теологии, то им уделено внимание лишь в трех нами выделенных статьях обозреваемого подраздела. Посоветуем редакции к осмыслению этих проблем дополнительно привлечь новых, особенно заинтересованных и компетентных исследователей.

Государственно-конфессиональные отношения.

Наше светское государство иногда называют «постсекулярным», так как уровень религиозности в нем резко выше, чем таковой в советском обществе. Это ошибочное название. Реальная секуляризация (т. е., снижение роли религии в обществе), как правило, протекала и протекает в ряде западных стран постепенно и естественно под влиянием эволюционных социокультурных перемен в этих странах. Таковой секуляризации в СССР просто не было. Резко сниженный уровень религиозных граждан в нем более всего обусловили насильственное заточение религии в культурное гетто и жестокие гонения против духовенства и рядовых верующих. Так называемая «перестройка» и падение предыдущего режима обусловили становление в постсоветском обществе светского (то есть, нейтрального по отношению к религии и атеизму) по своему статусу государства. В нем уже реально обеспечена подлинная свобода совести. Однако не исчезли и некоторые весьма серьезные проблемы религиозного характера.

Данный подраздел нашего анализа запечатлел ряд трудных вопросов, возникших в сфере межконфессиональных отношений постсоветского времени из-за отсутствия в нашем светском государстве правительственной концепции (программы) и особого правительственного органа, - необходимых для регулирова-

ния этих отношений. Это обстоятельство способствовало политизации религии и внесло явные напряжения в названную сферу, резко затруднив деятельность по укреплению гражданского единства между отечественными этносами, а также между религиозными и нерелигиозными россиянами. Кроме того, политизация религии привела к появлению в обществе чрезвычайно опасных клерикальных тенденций. Фанатичные клерикалы пестуют замысел по «воцерковлению» нашего светского государства и тем тонизируют проявления экстремизма на почве межконфессиональных и межэтнических отношений.

Эти настораживающие моменты приняты нами во внимание при выделении следующих наиболее характерных публикаций журнала по тематическому подразделу «Государственно-конфессиональные отношения»:

Пчелкина С.Ю. «Можно ли институализировать межконфессиональные отношения» (1);

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Урегулирование конфликтов в постсекулярном мире»;

Власов В.И., Смирнова М.И. «Экстремизм в исламе – угроза российскому единству»;

Смирнова М.И., Ворошилин И.А. «Государственная защита тайны исповеди»;

Дзугцев Х.В., Синелина Ю.Ю. «Ваххабизм в республиках Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ» (все 2);

Михайлова В.В., Надькин В.В. «Религиозная идентичность и этнополитика в Республике Саха (Якутия)» (3);

Галаганова С.Г. «Православие и национально-государственное устройство: проблемы соответствия»;

Шихалиева У.К. «Социокультурные проблемы как причина роста религиозного экстремизма» (обе 4);

Арефьев М.А. Давыденкова А.Г. Бессонов Е.Г. «Русская православная церковь и старообрядчество в их отношении к государству и власти: общее и особенное»;

Гусева Н.В. «Правовые проблемы биоэтики и государственно-конфессиональные отношения в России»;

Галандаров Нурлан. «Общественно-политическая стабильность в Азербайджане в контексте религиозной безопасности» (все 5);

Сирнова М.И., Старицын А.В. «Вероисповедная политика России в Крыму: исторический аспект» (6);

Дзугцев Х.В., Хугаева А.А., Дибирова А.П. «Исламизм как форма религиозного экстремизма в современном мире» (8);

Дзугцев Х.В., Хугаева А.А., Дибирова А.П. «Проблема религиозного экстремизма в мировой социологической литературе» (9);

Дзугцев Х.В., Хугаева А.А., Дибирова А.П. «Религиозный экстремизм: исследования в российской социологической литературе» (10);

Смирнова М.И., Старицын А.В. «Вероисповедная политика России на Северном Кавказе»;

Летуновский П.В. «Амбивалентность и аградация политико-правовой культуры России в свете контрастивно-регуляторного анализа» (обе 11);

Смирнова М.И. «Государственно-конфессиональные отношения в России: особенности исторического аспекта» (12);

Бейсенбин К.А. «Проблемы межконфессионального сотрудничества в условиях современной России» (15);

Ткачева Н.А., Баймухаметова Р.С. «Религиозно-политический экстремизм как фактор дестабилизации государства»;

Терновая Л.О. «Парламентские инструменты межконфессиональной дипломатии» (обе 16);

Толстикова В.А., Ревенко Н.В., Костина А.Г. «Церковь, государство, гражданское общество» (19);

Буянов В.С. «Духовная безопасность России» (23);

Писманик М.Г. «Гражданское единство и религия»; Смирнова М.И., Пономаренко Б.Т. «Государственно-церковные и межличностные отношения сквозь призму литературно-научного произведения» (обе 29);

Терновая Л.О. «Священники на дипломатическом поприще»;

Сенченко Н.А. «Имидж образовательной организации в медийном пространстве: культурологический аспект» (30);

Фадеев А.Ю. «Место и роль военного священника в разрешении этноконфессиональных конфликтов» (32);

Жукова Е.М. «Многоконфессиональное Российское государство: специфика развития законодательно-административной базы на основе принципа веротерпимости (начало XVIII в. – 1917 г.)» (33);

Протоиерей С.М. Зинчук. «Патриотическая деятельность Русской православной церкви в Великой Отечественной войне» (36);

Благикина А.П. «Государственная культурная политика в Российской Федерации и инструменты ее реализации» (37).

Обзор этих публикаций показывает, что журнал действительно подключен к защите конституционных гарантий свободы совести, к реализации государственной культурной политики и к стимулированию гражданского сотрудничества между конфессиями. На это же указывает демонстрация в «Миссии конфессий» позитивного регионального опыта. Но в то же время, журнал не обходит и трудные проблемы, сложившиеся в сфере государственно-конфессиональных отношений. Укажем, в частности, на его пристальное внимание (двенадцать публикаций!) к выяснению причин и анализу проблем профилактики, купирования и противостояния проявлениям конфликтов и этно-религиозного экстремизма, возникающим на Северном Кавказе и в других регионах России, а также в ее ближайшем окружении.

Образование и религия.

Религиоведческое образование – неотъемлемая компонента духовно-нравственного воспитания в светском государстве. Научные знания о религии, о ее месте и роли в истории человечества совершенно необходимы каждому культурному человеку. Поэтому вводимое в школах светской системы государственного и муниципального образования, изучение истории религии и вклада религии в культуру, – должно опираться на четкую теорию и методологию научного религиоведения. Такое требование должно пронизывать учебные стандарты и программы светских школ, а также воспитательную деятельность в них. Замысел журнала о поддержании и совершенствовании этой компоненты – ценная образовательная,

культурологическая и просвещенческая инициатива.

Неприменно учтем, что предоставленные в светском государстве конституционные гарантии свободы совести и защита равенства религиозных конфессий, - внутренне связаны с обеспечением их потребности в собственных учебных заведениях для подготовки священнослужителей и для приобщения питомцев религиозных семей к своему вероисповеданию. Соответственно, приходы разных отечественных конфессий ныне располагают начальным звеном религиозного образования – многими тысячами воскресных, субботних и пятничных школ. Так, в Русской Православной Церкви действуют около 11 тысяч воскресных школ и 145 конфессиональных гимназий. В 56 православных академиях, институтах и семинариях по очной и заочной форме сегодня обучается около 14 тысяч студентов. Российские протестанты обладают 28 учебными заведениями; духовные управления мусульман - 87 учебными заведениями; католики и иудеи - по одному.

Однако, невзирая на очевидную обеспеченность конфессий собственными учебными заведениями, политизированные религиозные идеологи решили взять под свою опеку светскую школу. Для прикрытия этого воинственного намерения они лукаво подменяют понятие «религиоведческое образование» понятием «религиозное образование» и цинично уверяют наивных людей, что введенный законом статус светскости государственного образования «относится лишь к системе образования, но не к самим школам». Столь же цинично, идеологи внушают простодушным, что вне религии нет морали и духовности, а потому-де духовно-нравственное воспитание школьников должно стать прерогативой церкви. К сожалению, Министерство просвещения потакает идеологам и даже поддерживает их стремление к вторжению и в систему дошкольного воспитания. В 2010 г. им удалось навязать проведение в младших классах светской школы нелепого эксперимента по преподаванию учебного модуля «Основы религиозных культур и светской этики».

Общеизвестно, что большая часть школьников, их родителей и педагогов выступают против этого эксперимента и против идеологического десанта в светскую школу. Бурные дискуссии, связанные с возникающей патовой ситуацией в сфере образовании будоражат нашу продвинутую общественность. Однако резкие движения совершенно недопустимы на религиозной почве. Как умиротворить общественность и предотвратить воинственную экспансию в основанную светским государством и ему же принадлежащую светскую систему образования?

Просмотрим тем или иным образом связанные с этим вопрошанием следующие публикации подраздела «Образование и религия»:

Л.О. Терновая. «Религия и образование на пространстве моды» (2);

Степанов В.В. «Образовательная функция Русской Православной Церкви (XI – XVIII вв.)» (3);

Матушанская Ю.Г. «Татарское религиозное образование в конце XIX - начале XX века» (9);

Солонин К.Ю., Туманян Т.Г. «Философия и культура Востока в Санкт-Петербургском университете: традиции изучения» (11);

Терновая Л.О. «Духовно-нравственная роль домовых храмов при высших учебных заведениях» (12);

Шмидт В.В. «Религиоведение и теология – науки о религии: к проблеме отраслевого строительства» (14);

Васнева В.А. «Непрерывное образование в контексте современных мировых трендов» (20);

Касаткин П.И. «Образование в контексте философии культуры: от древнего мира до эпохи Возрождения» (23);

Дзудцев Х.В. «Религиозное образование в средних общеобразовательных школах республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации: плюсы и минусы» (25);

Бондаренко Н.Г. «Проблема повседневности в историческом познании» (26);

Протоиерей Д.Ю. Лескин «Церковно-государственное взаимодействие в области образования: опыт Самарского региона» (27, дублировано в 35);

Тихонина С.А., Винникова Е.В. «Воспитательный потенциал социокультурной среды образовательной организации глазами современного педагога» (29);

Данакин Н.С., Федотова М.А., Шевырёв А.В. «Проблемы и перспективы управления международными образовательными проектами» (33);

Лопатин Н.А. «Роль кафедры вуза в формировании здорового образа жизни студентов» (34);

Данакин Н.С., Батанова Е.П. «Жизненные ориентации и самочувствие воспитанников социальных учреждений» (35).

Обзор 15 публикаций по этому подразделу показывает, что внимание журнала к тематике «Образование и религия» не снижено, и в исследовании конфессий и этносов журнал не намерен отказываться от содействия научно-религиоведческому, философскому и культурологическому подходу. Но в то же время, обзор склоняет к мнению о том, что курс на религиозное образование в отдельных регионах под солидарным взаимодействием власти с его инициаторами стал доминировать над религиоведческим образованием. К такому мнению, в частности, склоняет статья Д.Ю. Лескина «Церковно-государственное взаимодействие в области образования: опыт Самарского региона». В статье сообщается, что в г. Тольятти уже реализован богословский проект «православного образования», который «охватывает все уровни отечественной школы: от дошкольного до подготовки кадров высшей квалификации»². Хорошо бы сопроводить это сообщение данными о реальных гуманитарных и социокультурных следствиях этого достижения.

Высвободить от сомнений потенциал богословия в образовании обещает публикация профессора В.В. Шмидта «Религиоведение и теология – науки о религии: к проблеме отраслевого строительства». Статья оснащена громадным числом сносок, и автор приглашает читателей (и коллег) приступить к «отраслевому строительству» на меже между религиоведением и теологией. Он уверяет, что в этой постройке будут сняты не только все сомнения в отношении богословия, но также будет найдено то, «ответ на которое, во многом определит формат нашей жизни на много поколений вперед... Сделанный выбор откроет дверь в иную реальность ... какие потенции актуализирует человек дня сего, таким получит свой лик в день завтрашний – этим ликом будущее будет возвратно, с вызовом смотреть человеку в глаза, будет ковыряться в его душе, уме, в его повседневности... Так что, каким будет русское богословие в XXI в. – сказать трудно, хотя наше «пророчество»

просто – Христо-/антропоцентрично». А вот какими будут его аспекты – краски/камня/ молитвы, мира/войны/ пацифизма, логоса/начетничества/идеологемы – возможно всякое; главное – оно уже пришло в движение, а разовьется ли, зачахнет, в каких формах проявится – эти прогнозы/оценки оставим суду истории и Творца миров»...³ Удалось ли профессору В.В. Шмидту убедить читателей в особом преимуществе богословского подхода к религиозно-образовательному образованию россиян? Пусть рассудят это сами читатели.

К действительно глубокому пониманию религии читателей ориентирует профессор Х.В. Дзугев. В статье «Религиозное образование в средних общеобразовательных школах республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации : плюсы и минусы», – Х.В. Дзугев обобщает данные глубокого социологического исследования в своем регионе. Оно свидетельствует, что навязываемые светской школе учебные модули и иные несуразные проекты чрезвычайно мешают освоению религиозно-культурологического образования. Исследование «заставляет склоняться к мысли о том, что в школах необходимо введение не религиозного образования, а основ знаний о мировых религиях. Их ветви сейчас переплетены так тесно, а противоречия в социуме на религиозной почве так сильны, что без научного, мировоззренческого подхода к этой теме не обойтись. Это необходимо и для формирования широкого современного кругозора, и для устойчивого морального статуса»⁴.

По мнению экспертов этого исследования, «преподавание основ какой-либо религии уместно только в религиозных учебных заведениях, но не в светских школах. По Конституции РФ, школа, церковь, мечеть, синагога и т.д. отделены друг от друга. Школа обязательна для всех, религия – частное дело гражданина. Поэтому большая часть населения считает ошибочным преподавание религии в школе и предпочитает преподавание религиозно-культурологического образования. Объективно в нашем мультикультурном и полиэтническом образовательном пространстве вынесение религии в воспитание детей чревато социальными, культурными и политическими разрушениями»⁵.

Этика, философия и религия. Толерантность.

Проблемы этого тематического подраздела в журнале представлены в следующих характерных публикациях:

«Толерантность – пройденный путь в развитии межрелигиозных отношений»;

Давыденкова А.Г., Карцева А.А. «Толерантность как общечеловеческая ценность в межконфессиональных отношениях» (обе 1);

Матушанская Ю.Г. «Проблема толерантности и интолерантности в Еврейской Библии»;

Иванов Д.Е. «Идея «спасения»: философско-религиоведческий аспект» (2);

Шипилов А.В. «Религиозная толерантность: ислам и православие в Кыргызстане во второй половине XIX века» (3);

Молодов О.Б. «Экуменизм и межконфессиональное общение христиан в интервью Михаила Мудьюгина»;

3 «Миссия конфессий». № 14. С. 40.

4 «Миссия конфессий», № 25. С. 49.

5 Там же, С. 54.

- Миннуллина Э.Б. «Дискурс толерантности в поликонфессиональном сообществе» (обе 4);
- Гусева Н.В. «Правовые проблемы биоэтики и государственно-конфессиональные отношения в России» (5);
- Онищенко А.Г. «Просветительская деятельность харизматических церквей среди малочисленных народов Красноярского края» (6);
- Галаганова С.Г. «Противоборство антикультуре как одно из главных направлений экуменического служения»;
- Данненберг А.Н. «Современный католический экуменизм» (обе 7);
- Осокин А.Н. «Философы и богословы об основах христианской этики в XX веке» (8);
- Терновая Л.О. «Монахини-сестры милосердия: символичность образа и реальность помощи» (11);
- Лескин Д.Ю. «Семья как базовая ценность традиционного общества» (12);
- Власов В.И., Смирнова М.И. «Анатомия любви и милосердия» (14);
- Галаганова С.Г. «Жажда правды» в несправедном мире: идея справедливости и межконфессиональный христианский диалог» (15);
- Рупова Р.М., Солонченко А.А. «Неопатриотический синтез: поле актуального диалога» (16);
- Ткаченко Е.Н. «Благотворительность как общественная деятельность» (18);
- Радченко А.Ф. «Межконфессиональный диалог как фактор духовно-нравственного воспитания» (21);
- Илюхина В.В. «Нравственно-этические основания социального учения католицизма» (23);
- Комлева В.В. «Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике»;
- Ивакин Г.А. «Чтобы никто в Союзе не имел бы основания оспаривать авторитет съезда...» «Дубровинский съезд Союза русского народа» (обе 24);
- Богатов Н.В. «Православие как институт построения культуры конфликтного взаимодействия»;
- Белова Д.Н. Понятие любви в культурно-нравственном аспекте» (обе 25);
- Осокин А.Н. «Основания этической автономии в философской и религиозной мысли» (26);
- Курабцев В.Л. «Вера, ее друзья и недруги» (29);
- Люскин М.Б., Калинин Э.Ю. «Прелести глобальной перспективы: спасение или соблазн»;
- Дзудцев Х.В., Дибирова А.П. «Гендерный аспект в духовной жизни мусульман республик Северного Кавказа» (обе 34);
- Сипягина Е.А. «Формирование благотворительных структур Русской православной церкви в первое постсоветское десятилетие» (36);
- Родько О.А. «Религиозный и светский этикет в контексте проблемы поиска смысла жизни»;
- Сипягина Е.А. «Основные направления социальной работы Костромской епархии в 1990-2000-х гг.» (обе 37);
- Родько О.А. «Религиозный этикет в меняющемся мире: ответ на вызовы глобализации» (38).

Обзор показывает, что многие публикации журнала действительно касаются нравственно особо значимых вопросов патриотической, просветительской, благотворительной, милосердной деятельности и социального служения. Дополнительное освещение получили такие ценности и философско-этические категории как «любовь», «семья», «смысл жизни», «спасение», «вера», «справедливость», «соблазн». Отметим особо интересную статью О.А. Родько О.А. «Религиозный этикет в меняющемся мире: ответ на вызовы глобализации». Посоветуем журналу усилить внимание к теме защиты традиционных идеалов и ценностей от глобальных угроз.

В обзоре этого подраздела особо выделены публикации, посвященные проблемам толерантности. Журнал действительно тонизирует интерес к этому защищающему от глобальных угроз чрезвычайно важному социокультурному инструменту. Однако реальный гуманный и креативный его потенциал еще недостаточно осмыслен и оценен.⁶ Очень жаль, что влиятельнейшие церковные авторитеты относятся к толерантности как к ереси, ошибочно отождествляя ее с вседозволенностью и экуменизмом (сакральным преддверием толерантности). По всей видимости, именно это недоразумение зародило у определенной части общественности и сотрудников власти некоторое недоверие к толерантности. Исследование, обучение и пропаганда толерантности – важное призвание учреждений науки, образования, культуры и средств массовой информации.

References

- [1] Apresyan R.G. Ethics: a textbook. - M.: KNORUS, 2017. 356 p.
- [2] Mitrokhin L.N. Religion and culture. (Philosophical essays). - M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000. 318 p.
- [3] Benin V.L. The culture. Education. Tolerance. - Ufa: BSPU, 2011. 192 p.
- [4] Smirnov M.Yu. Encyclopedic Dictionary. Sociology of religion. SPb. Platonic philosophical society. 508 p.
- [5] Pismanik M.G. Religious studies. M. Unity. M.: 2009. 279 p.
- [6] Pismanik M.G. Religion in culture and in civic unity. - Perm: Perm State Institute of Culture, 2019. 452 p.
- [7] Flier A.Ya. Culturology for culturologists. M.: "Consent." 2010. 672 p.

Библиографический список:

- [1] Апресян Р.Г. Этика: учебник. — М.: КНОРУС, 2017. 356 с.
- [2] Митрохин Л.Н. Религия и культура. (Философские очерки). — М.: Институт философии РАН, 2000. 318 с.
- [3] Бенин В.Л. Культура. Образование. Толерантность. — Уфа: БГПУ, 2011. 192 с.
- [4] Смирнов М.Ю. Энциклопедический словарь. Социология религии. СПб. Платоновское философское общество. 508 с.
- [5] Писманик М.Г. Религиоведение. М. «Юнити». М.: 2009. 279 с.
- [6] Писманик М.Г. Религия в культуре и в гражданском единении. — Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. 452 с.
- [7] Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: «Согласие». 2010. 672 с.

6 См. Писманик М.Г. Нетерпимость к толерантности // Журнал МГИМО «Концепт» - Философия. Религия. Культура. 2017. № 4. С. 161-170.

Abstracts

Galaganova S.G.

Heroism as a subject for intercultural and interconfessional dialogue

Heroism is argued to be a significant subject for interconfessional and intercultural dialogue as most important aspect of human identity. Incorporated efforts to present a universal anthropological pattern are treated as essential for world culture renewal and survival efforts of world community. The project has been prompted and stimulated by «Daedalus. Oratorio», a magnificent book by Russian poet and scholar Milana Aldarova. The image of Daedalus, the famous mythical engineer and aeronaut, is appreciated as an ideal pattern of a non-confession heroic human being, while Ancient Greek culture is discussed as a possible basis of humane world future.

Key words: hero, heroism, heroic deed, confession, culture, interconfessional dialogue, intercultural dialogue, humanism, anthropocentrism, liberty, human identity crisis, civilization crisis, Milana Aldarova, Daedalus.

Bagaeva A.V.

Religious factor of regionalization and its consequences

The article reveals the links between regionalization and the confessional face of the territories where regionalization processes can unfold or be inhibited. The coincidence of the functions of religion and regionalization is shown. Opportunities are noted through the analysis of the state of interfaith harmony or conflict to receive conclusions about the readiness of the population and elites of certain territories to create regional structures.

Key words: politics, power, religion, culture, civilization, regionalization, society.

Ternovaya L.O.

Alluring summits: a mix of holiness and fear

Mountains have always been perceived by people as the pinnacle of the spirit. They were associated with the idea of the Divine beginning of the world, of general orderliness and at the same time of imminent danger. The image of the mountains, reflected in the mythologies and religions of different nations, were so integral and powerful that they were later translated into social and political symbolism. The meanings of the latter differed from the original idea of the triumph of the mountains and the spirits of the mountains over a weak man, attempts to prove the possibility of people conquering the mountain peaks. This idea of bringing mountains closer to political realities was expressed in the oronims, which were given depending on the socio-political situation. Over time, mankind came to understand environmental responsibility for the fate of mountain ranges.

Key words: world mountain, mountain world, borders, Montagnards, oronimika, "mountain film".

Kakhaev A.M.

The attitude of Islam to the representatives of the Christian confession: historical aspect

The article deals with the respect of the religion of Islam to other faiths, particularly Christians, in Islamic tradition is the main rule in the regulation of relations of a Muslim with people of other faiths. There are examples from the history of Islam, testifying to the peacefulness, ethics and respect of Muslims for non-Muslims in the development of interreligious dialogue.

Key words: interfaith dialogue, people of Scripture, respect, fair attitude, peacefulness.

Ananicheva S.R.

New religious movements in modern Russian society

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of new religious movements as religious movements with their own set of beliefs and rituals, and as social movements acting as the object and subject of social changes. The reasons for the spread and integration of new religious movements in modern Russian society are analyzed. The author examines the new religious movements that are a factor of foreign influence, as well as the threats emanating from this phenomenon, which is based on a destructive ideology.

Key words: traditional religious institutions, religious movement, new religious movements.

Andreeva A.V.
Rukavicyna E.A.

**On the essence of cultural technologies
of social and cultural activity: the philosophical aspect**

Investigates the concept of “cultural technologies of socio-cultural activities” from the point of view of historical content, functionality, and the subject-object interaction. The features of the institutionalization of Amateur creativity in the socio-cultural sphere. This perspective shows Amateur activity as an institution, demonstrates its place in the cultural and leisure institution as a socio-cultural institution of institutional type, without revealing its functions, cultural component. It is proposed to consider the choreographic activity from the point of view of its cultural potential.

Key words: ontology, socio-cultural activities, subject-object, creativity, cultural technology, socio-cultural sphere.

Norkina E.A.
Poletaeva E.D.
Rezepova N.V.

Phenomenon of fantastic in literary text cognitive space

The article deals with the phenomenon of fantastic within the integrative approach of philosophy and linguistics. The authors show that fantastic is closely connected with the literary text space. The text cognitive space reflects both real and fantastic world view of the writer and the whole epoch. The study of fantastic literary text space allows the researcher to solve global problems of texts. The phenomenon of fantastic is reflected in the texts of different styles and genres in a specific way that is the reason why in some cases a reader needs to have some extra-linguistic knowledge to detect it. Besides it should be noted that an author always use their own life experience and the world view that is common for the epoch to integrate fantastic in their works.

Key words: fantastic in the text, text cognitive space, cognitive linguistics, world view, chivalric romance, science fiction short story.

Domashova E.V.
Borisov A.F.

Effectiveness of social protection system management at the regional level

The article deals with the main problems of effective management of the social protection system. There is an underestimation of the importance of managing the social protection system of the population, which is associated with the weak development of many legal, financial and organizational mechanisms, both at the legislative level and at the level of their implementation. On the basis of the studied scientific literature, the main problems in the management of the social protection system are identified, and it is also noted that at the regional level, the problem field expands depending on the specifics of the region’s development, such as: socio-geographical characteristics of the region; socio – economic potential of the region; the level and quality of social security in the region; the degree of infrastructure development and the quality of social services provided in a specific territory; management of the social protection system of the population. The main directions of improving the efficiency of the social protection system management have been identified as the most effective. In conclusion, it is noted that the activities of the management system to date does not meet modern social requirements. In the context of rapidly changing needs of the individual and society, it is necessary to create conditions for effective management of the social protection system.

Key words: social protection, Executive power, legislative power, Federal level, regional level.

Fais-Leutskaja O.D.

Sicilian cuisine in the context of Islamic culture in the middle ages

The present article is devoted to the problem, specific features and examples of Arab (Islamic) influence on Medieval Sicilian cuisine in the context of multiethnic and multi-confessional societies of such States as the Emirate of Sicily (827-1072) and the Norman Kingdom (1091 – 1194). The study also analyzes the mutation of the Muslim tradition in the conditions of the region and its adaptation to local tastes, needs and food norms.

Key words: Sicily, Middle Ages, Islamic conquest, Norman Kingdom, Muslim culture, Arab food influence, traditional cuisine, Haram, violation of food prohibitions.

Xiong Hui Jing

A Study of Ji Kang's Judgments and Conceptual Definitions of Music

In modern musical studies, Ji Kang's musical ideas are attributed to the Taoist School, which contrasts with the main idea of Confucianism. This article analyzes in terms of logic and extensive conceptualism and concludes that Ji Kang's musical ideas are not only not opposed to orthodox Confucian thought, but, on the contrary, they have completely inherited the traditional ideological system of Confucianism. It is concluded that his detailed conceptual definitions of music played an important role in the development of Confucian culture. In addition, in the process of rethinking the conclusions, he applied a conceptualized understanding to the objective conditions of life. Developing objective universality in subjective musical identity, he suggested that music improve human hearts so that personal musical goals appear in objective human thinking, and then lead to the main goal - the ideological transformation of society.

Key words: Ji Kang's musical ideas, Confucianism, musical originality.

Treshveva K.S.

Aksenova E.I.

Academic mobility as a factor in the development of international relations in education. Part 1. Theoretical aspects

For more than 10 years, Russia has been a full participant in the Bologna process, perhaps the most significant process of international educational integration and internationalization, proclaiming the need for national and international mobility of teachers, researchers and students. With Russia's entry into the Bologna process, academic mobility has become the basis not only for improving the efficiency of individual universities, but also the basis for the global competitiveness of the national educational system in the global, global space.

Key words: international relations, education, academic mobility, internationalization.

Treshveva K.S.

Internationalization of higher education: sociological aspect

Modern trends that have the greatest impact on all socio-economic systems and trajectories of society (globalization, digitalization, demographic imbalance, etc.) inevitably affect the development of education as a social institution. International cooperation makes the work of modern universities not just focused on partnership, but turns them into open social systems that integrate with each other. Thus, internationalization in the system of higher education is an actual social phenomenon and a process that ensures the effective entry of educational organizations into the world system and their sustainable development in the global educational market.

Key words: globalization, world market, education, University, internationalization.

Нараева А.А.

Social elements that influence the formation of normative consciousness

Normative consciousness is a value that is necessary and fundamental for the realization of human rights and peace. In its simplest and most basic form, normative consciousness is the understanding, acceptance and awareness of the norms and rules existing in society.

Key words: man, youth, humanity, morality, consciousness, society.

Kurmaz Y.V.

The world-view of the era in the reflection of architectural space

This article is the result of characterization, analysis of the worldview of the epochs and the corresponding spatial solution of architecture. For this purpose, the following were considered: cosmogonic representation of ancient civilizations, ancient Greek and Roman culture with a characteristic order construction of architectural space; culture of theocratic society with the Christian religion (with a basilical and cross-domed solution of the temple). The worldview of the era is formed as some universals. Myths in ancient cultures were reproduced in the images of spaces.

A particularly considered and played form of the ancients is the circle. Ancient Greece and Rome were the beginning of the order system, arranged by Vitruvius and Palladio. Religious worldview allows a person to assess historically their position in existence, and correlate with the absolute. The theoretical nature of knowledge is associated with the philosophical worldview. Scientific character of knowledge is connected with scientific Outlook. The twentieth century was for architecture a search for the interaction of function, technology, artistic expression through the philosophical and scientific doctrines of the time.

Key words: world-view of the era, architectural space, scientific picture of the world, model of cult space, temple, cosmos, universe, symbol.

Belyaeva E.A.

**Features of the sociological study of education
(to the formulation of the problem of interaction between universities)**

The article presents various sociological approaches to the subject of sociology of education. Consideration of various theoretical and methodological approaches to the interpretation of education allows us to draw conclusions about their historical conditionality and dependence on social development. The prevailing trends of social development of society include its humanization, realization of social justice, strengthening of material and spiritual foundations of society, transformation of social norms and principles into an integral characteristic of the life of all members of society. Thus, the main functions of the education system are: the educational function responsible for the transfer of knowledge, values, skills, relationships and socio-transformative function, through which the education system reproduces the socio-economic conditions of society and the state.

Key words: education system, social development, socio-cultural functions of education, sociology of education.

Khubieva Z.A.

Socio-philosophical analysis of politics, morality and law as elements of social regulation

The article pays special attention to the analysis of the role and peculiarities of politics, morality and law in the sphere of social regulation. The author refers to the phenomenon not to describe it, but to determine its essence. The article reveals that among all forms of social consciousness in social regulation a special place belongs to politics, political relations. This is manifested in the fact that politics affects not only all forms of social consciousness, but also goes beyond the relationship of classes, social groups, etc. in the sphere of economy (production, distribution and exchange). At the same time, the most important role of politics in the regulation of social relations is still that the political interests of the dominant political forces find their expression in legal views and legal provisions. The scientific novelty consists in the substantiation that the spiritual crisis that has developed in our country, first of all, is connected with the awareness of spirituality as a value intention of a person. At the same time, special attention in social regulation is paid to the leading role of politics and political relations in relation to law and morality. At the same time, the article reveals the reverse influence of law and morality on politics and political relations.

Key words: politics, morality, law, elements, social regulation, interconnection, behavior.

Dzutsev H.V.

Dibirova A.P.

Tutaeva L.O.

Kornienko N.V.

Labor and economic life in the Republic of Ingushetia. Part I (II)

In July 2019, an ethnosociological study was conducted by the staff of the Center for the Study of Border Regions of the Institute for the Study of Cross-Border Regions at the Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences on the theme: "Labor and economic life in the Republics of the North Caucasus Federal District. During the study, 200 respondents and 10 experts were interviewed in the Republic of Ingushetia. The experts were scientists - sociologists and demographers, lawyers and civil servants. The following aspects of the labor and economic ac-

tivities of citizens were investigated: the importance of labor, satisfaction with the level of remuneration, the ability to realize one's creative potential, as well as intellectual abilities and labor skills, opportunities for expanding one's professional horizons. The attitude of citizens of the republic to such realities of modernity as the need for the development of new knowledge and skills, self-employment, individual and collective work, extended working hours and overtime work is studied. Part of the study concerned the issues of gender stereotype of labor, the degree of women's involvement in the economic life of the republic, the impact of mothers' employment on the situation in families. The concept of "labor" was considered from two points of view: both as the main source of replenishment of the family budget, and as a way of social and professional self-realization.

The phenomenon of unemployment is considered separately: to what extent it is prevalent in the region, what measures are preferred by citizens to prevent job loss.

Key words: physical and intellectual labor, economic activity, temporary work, information technology, financial resources, salary, intelligence, informal economy, development economy, state work, temporary, permanent, fixed salary, intellectual opportunities.

Kubanova A.K.

Public services in the modern information society

Public services are the functions of public authorities and their implementation on a new information and communication basis. Public services are provided by executive bodies, their institutions, in direct interaction with citizens, while state bodies can execute them not only independently, but also delegate the performance to local authorities, as well as organize their performance by commercial and non-profit organizations. Social services are allocated depending on the sphere in which these services are provided, which in itself confirms their generally significant orientation and puts them on a par with public services. Social services can be state and non-state, depending on what structures the services are provided. A separate area of optimization of state and municipal services is improving the procedure for their provision and determining the most demanded state and municipal services.

Key words: public services, public services, public services, public functions.

Ulturgasheva N.D.

Novikova D.V.

The experience of the content-analyze of ethnic information

in the internet-resources (on the example of create the way of polyethnic Kuzbas)

The article is devoted to the nature of the formation, in Internet resources, of the image of the interethnic situation that has developed in Kuzbass (and, in particular, the migration issue). The content analysis of these materials conducted by the author made it possible to draw a conclusion about a stable trend of maintaining, in the mass consciousness, the image of interethnic harmony in the Kuzbass, ensured by realizing the tasks of the regional ethno-national policy, about the priority of this direction in the work of the Kemerovo Region Administration.

Key words: content, ethnonational policy, migrants, conflict, tolerance.

Pismanik M.G.

«Mission of confessions» (2012-2019): to thematic analysis

The article presents a preliminary analysis of the journal's publications on the thematic section «Society and religion». The analysis is carried out in four subsections: «Culture and religion. Theoretical and methodological problems»; «State-confessional relations», «Education and religion», «Morality and religion. Tolerance».

Key words: philosophy, sociology, religion, society, culture, methodology, problems, theology, religious studies, state-confessional relations, education, ecumenism, morality, tolerance, ideological parity.

Аннотации

Галаганова С.Г.

Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога

Актуальность темы героизма в диалоге культур и конфессий обосновывается в статье необходимостью выработки универсальной антропологической модели как условия преодоления кризиса человеческой идентичности. Стимулом и материалом для исследования поставленной проблемы автору послужила книга российского поэта и философа Миланы Алдаровой «Дедал. Оратория», где образ мифического мастера и аэронавта рассматривается как надконфессиональный, общекультурный идеал героя-творца, а культура античности – как потенциальная основа гуманного будущего человечества.

Ключевые слова: герой, героизм, подвиг, конфессия, культура, межконфессиональный диалог, межкультурный диалог, гуманизм, антропоцентризм, свобода, кризис человеческой идентичности, кризис цивилизации, Милана Алдарова, Дедал.

Багаева А.В.

Религиозный фактор регионализации и его следствия

В статье раскрываются связи регионализации и конфессионального лица территорий, на которых процессы регионализации могут разворачиваться или тормозиться. Показано совпадение функций религии и регионализации. Отмечены возможности посредством анализа состояния межконфессионального согласия или конфликта получать выводы о готовности населения и элит определенных территорий к созданию региональных структур.

Ключевые слова: политика, власть, религия, культура, цивилизация, регионализация, общество.

Терновая Л.О.

Манящие вершины: соединения святости и страха

Горы всегда воспринимались людьми как вершины духа. С ними связывались представления о Божественном начале мира, о всеобщей упорядоченности и в то же время о грозящей опасности. Образ гор, отразившиеся в мифологиях и религиях разных народов, были настолько цельными и мощными, что позже транслировались в социальную и политическую символику. Смыслы последних отличались от первоначальной идеи торжества гор и духов гор над слабым человеком, попытками доказать возможность покорения людьми горных вершин. Эта идея приближения гор к политическим реалиям выразилась в оронимах, которые давались в зависимости от социально-политической конъюнктуры. Со временем человечеству пришло понимание экологической ответственности за судьбу горных массивов.

Ключевые слова: мировая гора, Горний мир, границы, монтаньяры, оронимика, «горный фильм».

Кахаев А.М.

Отношение религии Ислам к представителям христианской конфессии: исторический аспект

В статье рассматривается уважительное отношение религии Ислам к представителям других конфессий, в частности, к христианам, что в исламской традиции является основным правилом в регулировании отношений мусульманина с представителями других конфессий. Приводятся примеры из истории Ислама, свидетельствующие о миролюбии, об этике и уважительном отношении мусульман к немусульманам в процессе развития межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: межконфессиональный диалог, люди Писания, уважение, справедливое отношение, миролюбие.

Ананичева С.Р.

Новые религиозные движения в современном российском обществе

Статья посвящена анализу феномена новых религиозных движений как религиозных течений, обладающих своим набором верований и ритуалов, и как социальные движения, выступающие в качестве объекта и субъекта социальных изменений. Проанализированы причины распространения и интеграции новых религиозных движений в современном российском обществе. Автором рассматриваются новые религиозные движения, являющиеся фактором зарубежного влияния, а также угрозы, исходящие от данного феномена, базирующегося на деструктивной идеологии.

Ключевые слова: традиционные религиозные институты, религиозное движение, новые религиозные движения.

Андреева А.В.

Рукавицына Е.А.

О сущности культуротворческих технологий социально-культурной деятельности: философский аспект

Исследовано понятие «культуротворческие технологии социально-культурной деятельности» с точки зрения исторического содержания, функционального наполнения и субъект-объектного взаимодействия. Обозначены особенности институциализации самодеятельного творчества в социокультурной сфере. Этот ракурс рассмотрения показывает самодеятельность как оформленную институцию, демонстрирует её место в культурно-досуговом учреждении как социокультурном институте учрежденческого типа, не раскрывая ее функции, культуротворческую составляющую. Предложено рассмотрение хореографической деятельности с точки зрения ее культуротворческого потенциала.

Ключевые слова: онтология, социально-культурная деятельность, субъект-объект, творчество, культуротворческие технологии, социокультурная сфера.

Норкина Е.А.

Полетаева Е.Д.

Резцова Н.В.

Феномен фантастического в когнитивном пространстве художественного текста

В статье рассматривается феномен «фантастическое» сквозь призму интегративного подхода, с учетом, как философской, так чисто языковой позиции. Делается вывод о том, что фантастическое логично вплетено в ткань пространства художественного текста. В свою очередь, пространство текста, рассмотренное с точки зрения когнитивной лингвистики, вбирает в себя реальную и фантазийную картину мира как эпохи в целом, так и конкретного автора. Изучение фантастического пространства художественного текста способно приблизить исследователя к решению глобальных проблем порождаемых текстов. В текстах разных жанровых направлений и разных стилистических тематик феномен фантастического отражается в своей специфической манере, из-за чего иногда реципиенту нужны экстралингвистические знания для его обнаружения. Кроме того, нужно отметить, что автор при применении феномена фантастического в своем произведении всегда базируется на своем жизненном опыте и устоявшихся канонах мировоззрения, бытующих в данную эпоху.

Ключевые слова: фантастическое в тексте, когнитивное пространство текста, когнитивная лингвистика, картина мира, рыцарский роман, научно-фантастический рассказ.

Домашова Е.В.Борисов А.Ф.

Эффективность управления системой социальной защитой на региональном уровне

В статье рассматриваются основные проблемы эффективного управления системой социальной защитой населения. Отмечается недооценка важности управления системой социальной защиты населения, что связано со слабой разработкой многих правовых, финансовых и организационных механизмов, как на законодательном уровне, так и на уровне их реализации. На основании изученной научной литературы выделены основные проблемы в управлении системой социальной защитой, а также отмечается что на региональном уровне проблемное поле расширяется в зависимости от специфики развития региона таких как: социально-географические характеристики региона; социально – экономический потенциал региона; уровень и качество видов социального обеспечения в регионе; степень развитости инфраструктуры и качество предоставляемых социальных услуг на конкретной территории; управление системой социальной защиты населения. Выделены основные направления повышения эффективности управления системой социальной защитой зарекомендовавшие себя как наиболее эффективные. В заключении отмечается что, деятельность системы управления на сегодняшний день не соответствует современным социальным требованиям. В условиях быстро меняющихся потребностей личности и общества, необходимо создавать условия для эффективного управления системой социальной защитой населения.

Ключевые слова: социальная защита, исполнительная власть, законодательная власть, федеральный уровень, региональный уровень.

Фаис-Леутская О.Д.

Кухня Сицилии в контексте исламской культуры в средние века

Настоящая статья посвящена проблеме, специфике и конкретным примерам арабского (исламского) влияния на средневековую сицилийскую кухню в контексте мультиэтничности и поликонфессиональности социумов таких государств, как Эмират Сицилии (827 – 1072 гг.) и норманнское королевство (1091 – 1194 гг.). В исследовании также подвергается анализу мутация мусульманской традиции в условиях региона и ее адаптация к локальным вкусам, потребностям и пищевым нормам.

Ключевые слова: Сицилия, Средние века, исламское завоевание, норманнское королевство, мусульманская культура, арабское пищевое влияние, традиционная кухня, харам, нарушение пищевых запретов.

Сюн Хуи Цзинь

Исследование суждений и концептуальных определений Цзи Кана о музыке

В современных музыкальных исследованиях музыкальные идеи Цзи Кана относят к «Даосской школе», которая противопоставляется главной мысли конфуцианства. В данной статье проводится анализ с точки зрения логики и развернутого концептуализма и делается вывод о том, что музыкальные идеи Цзи Кана не только не противоположны ортодоксальной конфуцианской мысли, а наоборот, они полностью унаследовали традиционную идеологическую систему конфуцианства. Делается вывод о том, что его подробные концептуальные определения о музыке сыграли важную роль в развитии конфуцианской культуры. Кроме того, в процессе переосмысления умозаключений он применил концептуализированное понимание к объективным условиям жизни. Развивая объективную универсальность в субъективном музыкальном своеобразии, он предлагал музыкой улучшать человеческие сердца, чтобы личные музыкальные цели

проявлялись в объективном человеческом мышлении, а затем приводили к главной цели – идеологическому преобразованию общества.

Ключевые слова: Музыкальные идеи Цзи Кана, конфуцианство, музыкальное своеобразие.

Трещева К.С.
Аксенова Е.И.

Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования.

Часть 1. Теоретические аспекты

Более 10 лет Россия является полноправным участником Болонского процесса, пожалуй, наиболее значимого процесса международной образовательной интеграции и интернационализации, провозглашающего необходимость национальной и международной мобильности преподавателей, исследователей и студентов. С вступлением России в Болонский процесс академическая мобильность стала основой не только повышения эффективности отдельно взятых университетов, но и базой для глобальной конкурентоспособности национальной образовательной системы в глобальном, общемировом пространстве.

Ключевые слова: международные отношения, образование, академическая мобильность, интернационализация.

Трещева К.С.

Интернационализация высшего образования: социологический аспект

Современные тренды, осуществляющие наибольшее воздействие на все социально-экономические системы и траектории развития общества (глобализация, цифровизация, демографический дисбаланс и пр.) неизбежным образом оказывают влияние на развитие образования как социального института. Международное сотрудничество делает работу современных университетов не просто ориентированными на партнерское взаимодействие, а превращает их в открытые социальные системы, интегрирующиеся друг с другом. Таким образом, интернационализация в системе высшего образования выступает актуальным социальным явлением и процессом, обеспечивающим эффективное вхождение образовательных организаций в мировую систему и их устойчивое развитие на глобальном образовательном рынке.

Ключевые слова: глобализация, мировой рынок, образование, университет, интернационализация.

Ханаева А.А.

Социальные элементы, влияющие на формирование нормативного сознания

Нормативное сознание представляет собой ценность, являющейся необходимой и основополагающей для реализации прав человека и достижения мира. В своей самой простой и основной форме нормативное сознание есть понимание, принятием и осознанием существующих в обществе норм и правил.

Ключевые слова: человек, молодежь, человечность, нравственность, сознание, общество.

Курмаз Ю.В.

Мировоззрение эпохи в отражении архитектурного пространства

Данная статья является результатом характеристики, анализа мировоззрения

эпох и соответственного для них пространственного решения архитектуры. Для этого были рассмотрены: космогоничное представление древних цивилизаций, античной греческой и римской культуры с характерным ордерным построением архитектурного пространства; культура теократического общества с христианской религией (с базиликальным и крестово-купольным решением храма). Мировоззрение эпохи складывается как некие универсалии. Мифы в древнейших культурах воспроизводились в образах пространств. Особо рассматриваемая и обыгранная форма древних – круг. Античная Греция и Рим явились началом ордерной системы, переложенной Витрувием и Палладио. Религиозное мировоззрение дает человеку оценивать исторически свое положение в бытии, и соотносить с абсолютном. Теоретический характер познания связан с философским мировоззрением. Научный характер познания связан с научным мировоззрением. Двадцатый век стал для архитектуры поиском взаимодействия функции, технологии, художественной выразительности через философские и научные доктрины времени.

Ключевые слова: мировоззрение эпохи, архитектурное пространство, научная картина мира, модель культового пространства, храм, космос, вселенная, символ.

Беляева Е.А.

Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов)

В статье приводятся различные социологические подходы к предмету социологии образования. Рассмотрение различных теоретико-методологических подходов к трактовке образования позволяет сделать выводы об их исторической обусловленности и зависимости от социального развития. К преобладающим тенденциям социального развития общества относятся его гуманизация, реализация социальной справедливости, укрепление материальных и духовных основ общества, превращение социальных норм и принципов в неотъемлемую характеристику жизнедеятельности всех членов общества. Таким образом, основными функциями системы образования являются: образовательная функция, отвечающая за передачу знаний, ценностей, умений, отношений и социально-преобразовательная функция, посредством которой, система образования воспроизводит социально-экономические условия развития общества и государства.

Ключевые слова: система образования, социальное развитие, социокультурные функции образования, социология образования, социально-культурная среда.

Хубиева З.А.

Социально-философский анализ политики, морали и права как элементов социального регулирования

В статье особое внимание уделяется анализу роли и особенностям политики, морали и права в сфере социального регулирования. Автор обращается к явлению не для его описания, а с целью определения его сущности. В статье выявляется, что среди всех форм общественного сознания в социальном регулировании особое место принадлежит политике, политическим отношениям. Это проявляется в том, что политика влияет не только на все формы общественного сознания, но и выходит за пределы взаимоотношений классов, социальных групп и т.д. в сферу экономики (производство, распределения и обмена). При этом наиболее важная роль политики в регулировании социальных отношений еще состоит в том, что политические интересы господствующих политических сил находят свое выражение в правовых воззрениях и законоположениях. Научная новизна состоит в обосновании, что сложившийся в нашей стране духовный кризис, в первую очередь, связан с осознанием духовности как ценностной интенции человека. При этом особое внимание в социальном регулировании уделяется ведущей роли политики и политических

отношений по отношению к праву и морали. Вместе с тем в статье раскрывается обратное влияние права и морали на политику и политические отношения.

Ключевые слова: политика, мораль, право, элементы, социальное регулирование, взаимосвязь, поведение.

Дзуцев Х.В.
Дибирова А.П.
Тутаева Л.О.
Корниенко Н.В.

Труд и экономическая жизнь в Республике Ингушетия. Часть I (II)

В июле 2019 г. силами сотрудников Центра исследования приграничных регионов ИСПИ ФНИСЦ РАН было проведено этносоциологическое исследование на тему: «Труд и экономическая жизнь в Республиках СКФО РФ. В ходе исследования в РИ были опрошены 200 респондентов и 10 экспертов. Экспертами выступили ученые – социологи и демографы, юристы и госслужащие. Были исследованы следующие аспекты трудовой и экономической деятельности граждан: значимость труда, удовлетворенность уровнем оплаты, возможности реализовать свой творческий потенциал, а также интеллектуальные способности и трудовые навыки, возможности расширения профессионального кругозора. Исследовано отношение граждан республики к таким реалиям современности, как необходимость освоения новых знаний и навыков, самозанятость, индивидуальный и коллективный труд, удлинённый рабочий день и сверхурочная работа. Часть исследования касалась вопросов гендерного стереотипа труда, степени вовлеченности женщин в экономическую жизнь республики, влияния занятости матерей на положение дел в семьях. Понятие «труд» было рассмотрено с двух точек зрения: и как основной источник пополнения семейного бюджета, и как способ социальной и профессиональной самореализации.

Отдельно рассмотрено явление безработицы: в какой степени она распространена в регионе, какие меры предпочитают принять граждане для предотвращения потери работы.

Ключевые слова: физический и интеллектуальный труд, экономическая деятельность, временная работа, информационные технологии, финансовые ресурсы, зарплата, интеллект, неформальная экономика, экономика развития, работа государственная, временная, постоянная, фиксированная зарплата, интеллектуальные возможности.

Кубанова А.К.

Государственные услуги в современном информационном обществе

Государственные услуги это функции органов государственной власти и их реализация на новой информационно-коммуникационной основе. Публичные услуги осуществляются органами исполнительной власти, их учреждениями, при непосредственном взаимодействии с гражданами, при этом государственные органы могут исполнять их не только самостоятельно, но и делегировать исполнение органам местного самоуправления, а также организовать их исполнение коммерческими и некоммерческими организациями. Социальные услуги выделяют в зависимости от той сферы, в которой данные услуги оказываются, что само по себе подтверждает их общезначимую направленность и ставит в один ряд с публичными услугами. Социальные услуги могут быть государственными и негосударственными, в зависимости от того, какими структурами оказываются услуги. Отдельным направлением оптимизации государственных и муниципальных услуг является совершенствование порядка их предоставления и определения наиболее востребованных государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, сервисные услуги, публичные услуги, государственные функции.

Ултургашева Н.Д.

Новиков Д.В.

**Опыт контент-анализа этнической информации
в интернет-ресурсах (на примере формирования
образа многонационального Кузбасса)**

Статья посвящена характеру формирования, в интернет-ресурсах, образа сложившейся в Кузбассе межэтнической ситуации (и в частности, миграционного вопроса). Проведенный автором контент-анализ данных материалов позволил сделать вывод об устойчивой тенденции поддержания, в массовом сознании образа межэтнического согласия в Кузбассе, обеспечиваемого за счет реализации задач региональной этнонациональной политики, о приоритетности данного направления в работе Администрации Кемеровской области.

Ключевые слова: контент, этнонациональная политика, мигранты, конфликтность, толерантность.

Писманик М.Г.

«Миссия конфессий» (2012-2019): к тематическому анализу

В статье представлен предварительный анализ публикаций журнала по тематическому разделу «Общество и религия». Анализ проведен по четырем подразделам: «Культура, социология и религия. Теоретико-методологические проблемы», «Государственно-конфессиональные отношения», «Образование и религия», «Этика, философия и религия. Толерантность».

Ключевые слова: философия, социология, религия, общество, культура, методология, проблемы, теология, религиоведение, государственно-конфессиональные отношения, образование, мораль, экуменизм, толерантность, мировоззренческий паритет.

Authors

Aksenova E.I., Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Department of Health of Moscow.

Ananicheva S.R., Candidate of Sociological Sciences. Pacific national University, Institute of socio-political technologies and communications.

Andreeva A.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor. Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Bagaeva A.V., Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor, Department of Sociology of International Relations, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Belyaeva E.A., Candidate of Sociological Sciences, associate Professor. Ural state mining University, Ekaterinburg.

Borisov A.F., Professor, Doctor of Social Sciences, sociology Department of FSBEI, A.I. Herzen state pedagogical University. (St. Petersburg).

Dibirova A.P., Candidate of Biological Sciences, Senior Lecturer at the North Ossetian Institute for Social Research Center of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala.

Domashova E.V., Applicant of the Department of sociology of the A.I. Herzen state pedagogical University (St. Petersburg), Senior lecturer of the Department of pedagogy, psychology and social work FGBOU VO "Gaga" (Gorno-Altaysk).

Dzutsev H.V., Doctor of Sociological Sciences, Center for the Study of the Regions of the South of Russia, Institute for Socio-Political Studies, Head of the Department of sociology of the Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz.

Fais-Leutskaiia O.D., Candidate of Historical Sciences. Researcher Superior of the Center of European and American Studies Of the Institute of Ethnology and Antropology of the Russian Academy of Science.

Galaganova S.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. Bauman Moscow State Technical University, Department of Information Analysis and Political Technologies.

Hapaeva A.A., Graduate student of the department «Philosophy and Humanities» of the North-Caucasian State Academy.

Kakhaev A.M., Graduate student of the Institute of public service and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kornienko N.V., Researcher, Center for the Study of the Regions of the South of Russia, Institute for Socio-Political Studies, graduate student, department of sociology of the Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz.

Kubanova A.K., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities. North Caucasus State Academy.

Kurmaz Y. V., Senior lecturer of the Department of architecture and urban planning, postgraduate Federal state budgetary educational institution of higher education Tyumen industrial University.

Norkina E. A., Ogarev Mordovia State University, Saransk.

Novikova D. V., Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Pismanik M. G., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture, Perm.

Poletaeva E. D., Ogarev Mordovia State University, Saransk.

Rezepova N. V., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

Rukavicyna E. A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Ternovaya L. O., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Treshева K. S., Researcher Research Center No. 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Tutaeva L. O., Senior Lecturer at Ingush State University.

Khubieva Z. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor. Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «North Caucasian state academy».

Ulturgasheva N. D., Doctor of Cultural Studies, Professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Xiong Hui Jing, Teachers of Music College of Jiangxi Normal University.

Авторы

Аксенова Е.И. - доктор экономических наук, доцент, директор НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы.

Ананичева С.Р. - кандидат социологических наук, Тихоокеанский государственный университет, Институт социально-политических технологий и коммуникаций.

Андреева А.В. - кандидат философских наук, доцент. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

Багаева А.В. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии международных отношений социологического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова.

Беляева Е.А. - кандидат социологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», г. Екатеринбург.

Борисов А.Ф. - профессор, доктор социологических наук, кафедра социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург).

Галаганова С.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Дзусев Х.В. - доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН (Российская академия наук), заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ.

Дибирова А.П. - кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН (Российская академия наук).

Домашова Е.В. - соискатель кафедры социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург). Старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «ГАГУ» (г. Горно-Алтайск).

Кахаев А.М. - аспирант Института государственной службы и управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Корниенко Н.В. - научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН (Российская академия наук), аспирантка кафедры социологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Кубанова А.К. - кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Курмаз Ю.В. - аспирант, Русская Христианская Гуманитарная Академия (г. С-Петербург), старший преподаватель кафедры архитектуры и градострои-

тельства, ФГБОУ ВО Тюменский индустриальный университет.

Новиков Д.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Норкина Е.А. - аспирант кафедры теории речи и перевода факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва (г. Саранск, Республика Мордовия).

Писманик М.Г. - доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, Пермь.

Полетаева Е.Д. - аспирант кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, преподаватель кафедры теории речи и перевода, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, (г. Саранск, Республика Мордовия).

Резенова Н.В. - доцент кафедры западноевропейских языков ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), доцент кафедры иностранных языков №2 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, (г. Москва).

Рукавицына Е.А. - кандидат культурологии, доцент. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

Сюн Хуи Цзинь - педагог консерватории Педагогического университета провинции Цзянси. Провинция Цзянси, город Наньчан.

Терновая Л.О. - профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Трещева К.С. - научный сотрудник Научно-исследовательский центр № 1 ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Тутаева Л.О. - старший преподаватель Ингушского государственного университета.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Файс-Леутская О.Д. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Европейских и Американских Исследований Института Этнологии и Антропологии Российской Академии Наук.

Хапаева А.А. - аспирант кафедры «Философия и гуманитарные дисциплины» Северо-Кавказской Государственной Академии.

Хубиева З.А. - кандидат философских наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказская государственная академия».